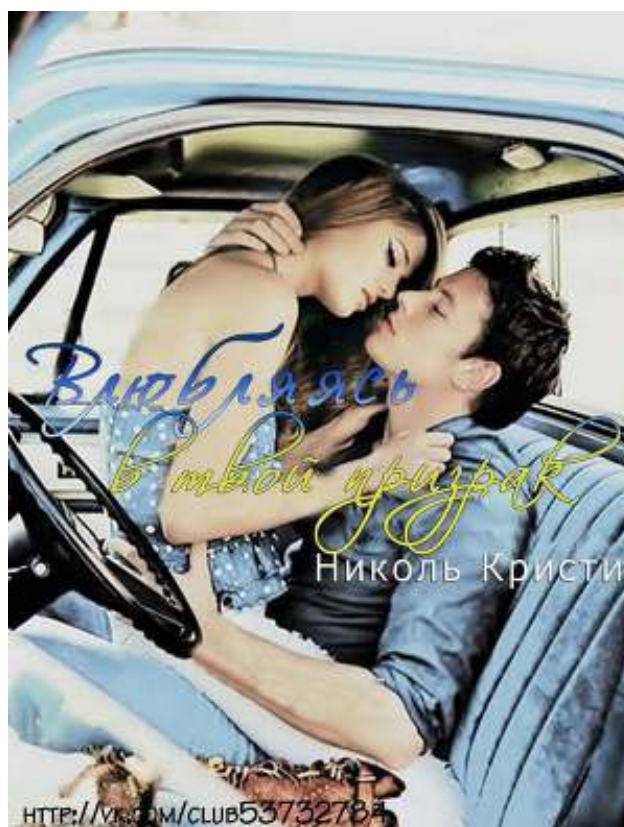

Николь Кристи

«Влюбляясь в твой призрак»

Аннотация:

Семнадцатилетняя Виолетт Марсер возвращается домой с летних каникул на Гавайях, чтобы обнаружить, что ее парень изменяет ей с ее подругой. К тому же, ее мама выходит замуж за мужчину, с которым она недавно познакомилась.

Все изменяется, когда Виолетт встречается со своим богатым отчимом и его великолепным сыном, перед которым она опозорилась ранее! Зейн О'Коннор сексуальный, обаятельный и точно не ее уровня. Он заставляет забыть ее о существовании своего бывшего парня. Но у нее нет никакой возможности быть с ним... ведь так?

По странному стечению обстоятельств, Виолетт вынуждена жить с Зейном целый месяц. Где-то между ссорами и флиртом, они становятся друзьями. И их дружба перерастет во что-то большее... что-то более мощное, чем Виолетт ожидала.

Но Зейн что-то скрывает от нее, что-то достаточно важное. Это могло бы разлучить их, если бы Виолетт узнала правду о нем. Ее подозрения не дают ей возможности доверять ему полностью. Она уже обожглась однажды, готова ли она снова пойти на такой риск?

Когда они начинают с Зейном проводить все больше времени вместе, Виолетт понимает, что уже слишком поздно, она влюбилась в прекрасного парня с большим

секретом. Разобьется ли ее сердце во второй раз? Сможет ли ее любовь пережить правду?

Глава 1.

— Не могу поверить, что ты еще не распаковала вещи, Виолетт, — говорит Лорен, качая головой.

Она осуждающе смотрит на меня со своего высокого наместа на моем столе. Не знаю, осознает ли она, что сидит на моем пирожном, которое я оставила там прошлой ночью. Хорошая новость для нее состоит в том, что я еще не успела его раскрыть.

Мой метод распаковывания вещей состоит в том, что я перекладываю свои вещи из чемодана, лежащего на моей кровати, в большую квадратную корзину, которую я притащила из своей ванной. Большая часть одежды не была грязной, но по какой-то причине вся она пахла душицей. Кажется, я знаю, чем буду заниматься целый день.

Я обращаюсь к Лорен:

— Ну, мы вернулись только прошлым вечером, а некоторые из нас не настолько одержимы порядком. У меня едва хватило сил, чтобы принять душ. Кроме того, моя мама прожужжала мне все уши о своем новом женихе.

— Они правда познакомились в лифте?

— Знаю, что это похоже на выдумку. Они застряли там на два часа, когда отключили свет в здании, где принимает ее врач.

Лорен выгнула светлую бровь так своеобразно, что мне хотелось бы это повторить.

— Хм. Ты уже встречалась с ним?

— Нет, мы встречаемся с ним сегодня вечером за ужином. Я говорила тебе, что у него есть сын? Он там тоже будет.

— У тебя появится сводный брат, — она улыбается, увидев, что я скривилась. — Я до сих пор не могу поверить, что твоя мама обручилась с мужчиной, которого встретила два месяца назад, пока мы были на Гавайях. Это совсем не похоже на нее.

— Знаю, — соглашаюсь я, плюхнувшись на свою кровать. — Но она говорит, что влюбилась в него в том лифте. Я не знаю. Она счастлива, это все, что меня волнует. До тех пор, пока он хорошо к ней относится, я буду вести себя любезно.

Лорен, кажется, впечатлена моим любезным отношением. Либо же она просто в шоке.

— Вы, ребята, на самом деле переезжаете к нему?

— Ага, — говорю я. — Это странно, но это только на год, потом я уеду в колледж. — Я медлю и переворачиваюсь на живот, чтобы посмотреть на нее. — Он приехал сюда из Лос-Анджелеса. Он только недавно купил дом в Эмералд Пуэнт.

Ее глаза расширяются.

— Он настолько богат? Ого.

Эмералд Пуэнт является действительно богатым районом в Хайден Ков. Я только однажды была в той части города, на ночевке в особняке Саммер Роузен. Ее отец владеет двумя отелями в Вегасе. Да, и у них есть домашний кинозал. И крытый теннисный корт.

Чтобы вы поняли. Мы с Лорен обычные девушки среднего класса. Мы живем в одном жилом комплексе, в чем повезло Лорен, так как я каждое утро вожу ее задницу

в школу. Не то, что бы мы были похожими на оборванцев, но скорее всего, мы сами будем горничными, а не будем приказывать им.

— Как думаешь, те снобы, что живут там, смогут понять, что я не принадлежу к этому району? — спрашиваю я, полушутя.

Лорен пожимает плечами.

— Может, они подумают, что ты на самом деле молодая жена старого извращенца. Ты в какой-то мере производишь такое впечатление.

— Правда? — говорю я, презентуя ей не один, а сразу два средних пальца.

Она лишь смеется в ответ.

— Мэтт знает вообще, что ты переезжаешь?

— Нет, — я сажусь и роюсь в одном из своих чемоданов, пока не нахожу небольшой пакетик, который искала. — Мы почти не разговаривали этим летом. Через несколько часов я встречаюсь с ним в Тако Белл, думаю, что тогда и скажу ему. Как думаешь, ему понравится то ожерелье из акульих зубов, которое я привезла?

— Я уже представляю, как он носит его. Он, скорее всего, расскажет всем, что сам поймал акулу. — Лорен неловко поежилась на моем столе. — На чем я сижу?

— О-ох, ты права. И он бы поклялся, говоря со своим поддельным австралийским акцентом, что австралиец, — говорю я ей, игнорируя ее вопрос.

Она достает из-под своего зада раздавленное пирожное и смотрит на него.

— Я лучше пойду. Мне нужно кое-что купить для ужина. Я собираюсь приготовить сладкий картофельный суп.

Лорен любит пробовать новые рецепты. Хотя готовить у нее не всегда хорошо получается.

— Близнецы не станут есть это, — предсказываю я.

Ее младшие сестры были придирчивыми едоками, но что еще можно ожидать от малолеток?

— Наверное, нет, — Лорен равнодушно пожимает плечами. Она быстро спрыгивает со стола. — Потом расскажешь, как все прошло.

— Конечно, — говорю я. — Или ты можешь тоже пойти с нами.

— Нет, даже, если ты заплатишь мне, — говорит она через плечо, практически убегая. — Напиши мне!

Застрелиться. Я должна была уговорить ее согласиться. Лорен ненавидит светские встречи даже больше чем я, но если бы она случайно согласилась пойти, то смирилась бы с этим. Я знаю, о чем говорю, я уже делала так раньше.

Мы с Лорен познакомились еще в детском саду. Мы сидели за одной партой практически на всех занятиях, но уже к концу первой недели наши учителя вынуждены были рассадить нас за болтовню. Мы были связаны нашей совместной боязнью публичных выступлений. Обе тихие и застенчивые, разделяем любовь к чтению и писанине. Когда я впервые увидела ее, то сразу же поняла, что мы с ней станем лучшими подружками. С тех пор мы неразлучны.

В шестом классе, я убедила Лорен, что она больна синдромом Аспергера¹. Она заставила меня проверить это, и к моему разочарованию, у нее обнаружилось только два или три признака этой болезни, и они не были достаточно серьезными. Не то чтобы мне хотелось, чтобы с ней что-то было не так, но девушка была еще более антисоциальной, чем я. Это странно, но именно это мне в ней нравится больше всего.

Лорен наплевать на то, что думают о ней другие, и обычно она говорит все, что у нее на уме. Но лучше всего то, что она никогда не врет. Даже, если иногда ты бы предпочла, чтобы она солгала.

Я попыталась посмотреть на Лорен объективно и решила, что она скорее милая, чем красивая, с ее крошечной комплекцией, огромными карими глазами и тонкими блондинистыми волосами. Она отчасти напоминает мне пушистого маленького котенка, самого маленького в приплоде. Который всегда ко всем поворачивается спиной с хвостом, свернувшимся вокруг его тела в защитной позиции.

В отместку, Лорен всегда говорит мне, что я похожа на порнографическую фантазию любого парня. Так как я слышала уже несколько подобных версий от других людей, после того, как похудела, то это раздражает меня.

Раньше я была толстой. Очень толстой. Я была эмоциональным едоком. Я ела «Твинкис», чтобы восполнить недостаток любви. Распространенная ошибка. Я виню в этом своего отца. Когда он бросил мою маму ради другой женщины, с которой познакомился в интернете, я перестала переедать. Я не хочу сказать, что мое переедание полностью его вина. Но частично — да.

Моя бедная мамочка. Она так и не отошла от того, что сделал с ней этот неудачник (во всяком случае, до сегодняшнего момента). Через несколько лет после того, как он ушел, у нее нашли рак молочной железы. Какая же это ужасная болезнь. Она высасывает жизнь из человека, болеющего ею, а также из всех тех, кто заботится об этом человеке. Моя мама вынуждена была бросить работу школьного психолога. Она потеряла тридцать фунтов за два месяца, и когда начала химиотерапию большая часть ее волос выпала, включая ресницы и брови! Помнится, ей было так неловко из-за этого.

Моя милая, жизнерадостная мама... превратилась в сморщенное, наполненное болью существо, которое я не узнавала. В тень, которая жила на диване практически целый год, и нуждалась в помощи при выполнении самых простых действий.

Это звучит странно, но самым страшным для меня было то, что она ничего не говорила мне. Она не признавалась, что ей больно, не говорила мне о том, насколько плохи были прогнозы. Распространялся ли рак? Что врачи думали о ее шансах? Она молчала об этом, настаивая на том, что с ней все в порядке, и она чувствует себя сильной, когда было ясно, что это далеко не так. И я была слишком трусливой, чтобы подойти и спросить ее: «Ты умрешь?».

Мне хотелось верить ей, хотелось притворяться вместе с ней, но каждую ночь я просыпалась, чтобы проверить ее, и убедиться, что она все еще дышит. Мой тайный страх состоял в том, что я проснусь однажды утром и прикоснусь к ее холодному безжизненному телу. Без предупреждения, без прощания.

Мне трудно думать о тех днях. Я пытаюсь забыть их, и это довольно легко сделать, когда я смотрю на свою маму теперь. Веселую и красивую, с головой, полной светлых волос, и улыбкой, наполненной любовью и радугами. Я стараюсь не вспоминать, какой опустошенной из-за болезни она была несколько лет назад, и я пытаюсь не думать о том, что рак может вернуться в любой момент.

Ничего себе, я и вправду не хочу говорить об этом. Ей теперь намного лучше. Мама не смогла вернуться на свою прежнюю работу в школу, но теперь она нашла лучшее место: она руководит сайтом своей лучшей подруги Джены — «Исцеляющие

лосьоны», что можно делать, не выходя из дома. Так что, да, моя мама целыми днями дома, и да, я считаю, что это очень хорошо.

Так что я не возмущаюсь из-за того, что мама нашла себе жениха, пока меня не было летом.

Черт, я взволнована из-за того, что он, должно быть, богат. Если кто и заслуживает быть щедро одаренным подарками, так это мама. Я даже буду называть его папочкой, если он сделает ее счастливой.

Нет, не буду. Это очень странно.

Глава 2.

Я должна встретиться с Мэттом меньше, чем через час. Что же мне надеть? Как правило, я не сильно задумываюсь о своем наряде, так как отношусь к тому типу девушек, которые носят только джинсы да футболки. Но я не виделась со своим парнем два месяца, так что должна приложить какие-то усилия, ведь так? На Гавайях я купила футболку, ярко-розового цвета и с блестящим гибискусом на ней. Мне нужно было примерить ее перед покупкой, потому что, черт возьми, я не осознавала, какими огромными будут смотреться в ней мои груди и... надувными.

Ой, да какая разница. Я никогда неставляю их напоказ, но сегодня особенный случай. Но если на мне красивый топ, значит ли, что я могу надеть замызганные черные шорты с эластичным поясом? Мама мне уже не раз говорила, что я должна носить их только дома. Возможно, она права. Вместо этого я решила пойти в своих любимых старых джинсах и похвалила себя за старания.

Вот черт, что-то они тесноваты. И виню я в этом работу в пекарне моей бабушки этим летом. Мне даже не нужно было что-то есть, чтобы набрать вес, достаточно было просто вдыхать тот замечательный запах свежей выпечки, чтобы набрать несколько фунтов. Но Лорен не поправилась, хотя она так же, как и я стояла за прилавком, продавая выпечку ради неплохой зарплаты. Должно быть, хорошо иметь метаболизм, как у птицы.

Мне интересно, что скажет Мэтт по поводу моего нового цвета волос. Мои длинные темно-каштановые кудри теперь стали золотисто-каштановыми, этот оттенок был более близок к моему натуральному блондинистому цвету, как у моей мамы. Я всегда считала, что мои светлые волосы не подходят к моей естественно-загорелой коже и миндалевидным глазам, так что красила их с пятнадцати лет. Я чувствую себя брюнеткой, запертой в теле блондинки. Разве это не странно?

Я провела слишком много времени, переживая о своем внешнем виде, и теперь опаздываю. Хватаю сумку и бегу к двери, но мне приходится вернуться за сувениром для Мэтта, а также я решила поднять волосы, так как ненавижу чувствовать тяжесть волос на спине в такую жару, как сегодня.

Ого, сегодня действительно жарко. Надеюсь, что кондиционер в моей старенькой «тойоте» сегодня работает. Он выдувает воздух, но не очень холодный. Я думаю, что лучше будет проехать с открытыми окнами. Ха, хорошо, что я завязала волосы. Я завожу машину и в спешке выезжаю из гаража, надеясь подышать свежим воздухом во время поездки по городу в душном салоне автомобиля.

Несмотря на мозгорасплавляющую жару, день замечательный. Небо сияет яркими оттенками голубого, пушистые ватные облака лениво проплывают по нему. Я живу в Хайден Кове, в небольшом прибрежном городке на юге Калифорнии.

Из-за прекрасных пляжей и идеальной погоды мы считаемся городом вечеринок, и тем самым, кажется, привлекаем большее количество пьяных студентов.

Теперь некоторые люди могут подумать, что это превращает Хайден Ков в веселое место для жизни, но я так не считаю. Иногда это становится действительно раздражающим. Я ненавижу сталкиваться с противными парнями, у которых изо рта воняет рвотой и загребушие руки. И, дамы, не показывайте мне свои груди. У меня есть свои собственные, и нет никакого желания смотреть на ваши. Правда, девушки, одевайте хоть какую-то одежду.

Пока я на всей скорости еду к Тако Белл, чувствую, как бабочки трепещут у меня в животе. Я соскучилась по Мэтту! Я даже и не осознавала этого. Нормально ли это? Ладно, я вроде как соскучилась по нему. Я так думаю. Но если быть честной, я не часто вспоминала о нем... э-э вообще не думала о нем на Гавайях.

Мы с Мэттом встречаемся уже больше года, но знаем друг друга еще со средней школы, у нас было несколько совместных занятий по углубленному курсу. Я всегда считала его забавным, милым и умным, но действительно хорошо общаться мы начали после того, как стали партнерами в проекте по истории Столетней войны. Он порывисто поцеловал меня во время наших занятий, и приятным сюрпризом стало то, что мой рот в это время не был забит пиццей.

Так что первый поцелуй был ужасным, но после этого мы усовершенствовали технику. Правда в том... что я не люблю целоваться!

Это так неряшливо и неудобно, и... я не знаю. Удушающе. Я не знаю, подходит ли это слово. Мне просто не нравится целоваться, понятно? Фу! Извини, Мэтт. Не то, чтобы я горю желанием когда-либо признаться ему в этом.

Отвращение к поцелуям отставим в сторону, я не могу дождаться, когда увижу своего парня. Пока парковалась у мексиканского ресторана в форме сомбреро, я вдруг почувствовала какую-то странную застенчивость. Что он подумает о моих волосах? Заметит ли он лишние пять фунтов? Я чувствую себя усталой и измученной, как будто только что вернулась с войны.

Стоянка у Тако Белл переполнена, чего я и ожидала, поскольку сейчас обеденное время и осталось всего несколько дней до начала занятий. Когда я выхожу из машины, я замечаю кучку девочек-подростков, стоящих перед рестораном и пялящихся на иностранного вида спортивный автомобиль. А нет, они смотрят на парня, прислонившегося к нему.

Ничего себе. Он только повернулся, но я не могу сдержать маленького вздоха. Э-э. Ого. Этот парень невероятно красив! Неудивительно, что эти бедные девушки охвачены благоговением.

Высокий и мускулистый, худощавого телосложения и с впечатляюще широкими плечами, мистер Красавчик источает секс и опасность — это видно даже с моего места. Он повернулся боком, так, что мне видно только его профиль, но то, что я вижу — это скульптурное совершенство. Короткие, небрежно растрепанные темные волосы, напряженные брови, выразительные скулы... и, ух ты, губы так четко очерчены и такие чувственные, что я засмушалась, просто глядя на них.

Мистер Красавчик снова отворачивается, разрушая мой похотливый транс, и окружающий мир снова резко попадает в поле моего зрения. Тем не менее, из любопытства я не могу отвести от него взгляд. Кто он такой? Он выглядит немного взрослее старшеклассника, одет в рубашку с длинными рукавами, несмотря на такую жару. Бизнесмен? Он разговаривает по телефону и, кажется, не обращает внимания на окружающих, его глаза, закрытые очками, сосредоточены на проезжающих машинах.

Я качаю головой. Это так не похоже на меня — глазеть на парней, занимающихся своим делом. Не то, чтобы я видела раньше таких горячих парней. Так что я прощаю себя, потому что если кто-то так выглядит... как можно на него не глазеть? И не пускать слюни. По крайней мере, я не фоткаю его на телефон, как делают маленькие леди вон там.

Я выбрасываю Сексуального парня из головы, когда открываю дверь в Тако Белл. Ах, запахи сальсы и говяжьего фарша поражают меня, как приятная пощечина. Я осматриваюсь вокруг и понимаю, что ресторан действительно переполнен. Черт, похоже, что все кабинки заняты. Интересно, Мэтт уже пришел?

Я быстро обмениваюсь приветствиями с несколькими знакомыми из школы, пока ищу своего парня. Некоторые парни чрезмерно восторженно приветствуют меня, и я связываю это с розовой футболкой. Я ненавижу, когда люди смотрят на меня, а я знаю, что они делают это, видя их уголком глаза.

Когда я нахожусь в центре внимания, то не знаю, куда деть свои руки. В конечном итоге, я нервно сжимаю их перед собой. Я знаю, что не должна складывать их под грудь, потому что такая поза притягивает больше внимания к ней.

— Виолетт!

Я слышу, как голос Мэтта зовет меня. Вздохнув с облегчением, я направляюсь в заднюю часть Тако Белл, следуя за его голосом. Вот он, и да, он занял кабинку!

— Привет, — говорю я с благодарностью, садясь на скамейку напротив него.

Подождите, может, мне надо было его обнять? Я неуверенно поднимаюсь, но Мэтт не делает никаких движений в мою сторону, так что я просто сажусь обратно на свое место.

Он выглядит хорошо, даже симпатичнее, чем мне помнится. Может, расставание делает сердце более любящим? Ох, посмотрите на это. Он одет в свою дырявую пиратскую рубашку и потертые шорты-карго. Кажется, кому-то не показалось, что нужно принарядиться для нашего воссоединения.

Мэтт — не мистер Красавчик, но он милый в своем обычном мальчишеском образе, с волнистыми каштановыми волосами, со сверкающими голубыми глазами и непринужденной улыбкой. Мэтт — один из тех парней, которые всем нравятся из-за того, что они добродушные, забавные и у них всегда наготове шутка и улыбка.

Сейчас он не улыбается.

— Ого, Виолетт, ты выглядишь очень здорово, — говорит он, пялясь на мою грудь.

Хм. Готова поспорить, он и не заметил мой новый цвет волос.

— Спасибо, — говорю я. Кладу его подарок на стол и тянусь за меню. Я всегда просматриваю меню, хотя и не знаю зачем. Каждый раз, когда приезжаю сюда, я всегда заказываю энчиладу. — Ты уже сделал заказ?

— Не, я заказал только колу, — он указал на наполовину пустой стакан, стоящий перед ним. — Этот подарок для меня? Выглядит слишком маленьким для хула-девушки, — шутит он.

— Я подумывала, чтобы привезти тебе одну такую для приборной панели, но поняла, что она может сильно отвлекать от вождения.

Что-то не совсем правильное в этой ситуации. Мэтт странно напряжен и, когда он не смотрит на мою грудь, он смотрит в окно или осматривает ресторан, как будто ищет кого-то.

— Как ты провел лето? — спрашиваю я осторожно.

Он слегка пожимает плечами и играет соломинкой в стакане с колой, размешивая жидкость перед тем, как сделать глоток.

— Да как обычно. Парился здесь и ничего интересного со мной не произошло. Ну, а как ты? Это ведь ты была на Гавайях. Каково это? Я имею в виду, что ты ведь не провела все лето в пекарне своей бабушки?

Теперь моя очередь пожимать плечами.

— Мы ходили на пляж, в поход. Было интересно, но большую часть времени мы работали. Так что ничего захватывающего.

— Да, — он издает забавный хихикающий звук и проводит рукой по своим волнистым волосам. — Ты ведь не познакомилась с каким-нибудь классным серфером?

Я смотрю на него. На его лице странная измученная усмешка. Огромная яма боязни образовалась у меня в животе. Бог ты мой. Он подцепил какую-то потаскуху из колледжа. Посмотрите на его лицо. На его лбу мигает неоновым знаком виновности.

— Что происходит, Мэтт? — спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно и непринужденно.

Мэтт ерзает на своем месте и бросает быстрый взгляд на мое лицо.

— Что ты имеешь в виду?

Я молчу с мгновение. Я должна собрать все свое мужество, чтобы задать следующий вопрос, потому что, как только я это сделаю, все изменится, я знаю это.

— Ты кого-то подцепил?

Долгое молчание. В это момент мое сердце падает с обрыва, потому что я понимаю, что это правда. Мне даже не нужно смотреть в виновные глаза этого ублюдка, чтобы убедиться в своей правоте. Я не могу дышать. Я в шоке. Я не могу поверить, что это происходит. Почему я не была готова к чему-то подобному? Кот из дома — мыши в пляс, ведь так? Правильно я все поняла? Ох, да какая разница.

— Это не то, что ты думаешь, — Мэтт вдруг торопится заполнить тишину. — Это... дай мне объяснить...

Он тянется, чтобы схватить меня за руку, но я с усилием выдергиваю ее, что поражает нас обоих. Я вся дрожу. Я слепо смотрю в окно, стараясь не расклеиться и не расплакаться. Или не избить его. Я также хочу воткнуть ему в лоб эту соломинку. Может, позже.

— Как это случилось? — наконец, я смотрю на его лживое покрасневшее лицо. — Кто она?

— Я...

Мэтт замолкает, когда его взгляд направляется на что-то позади меня.

Я разворачиваюсь, чтобы посмотреть, куда он смотрит. Райчел Уорд, одна из наших подруг, медленно приближается к нашей кабинке. Она, наверное, просто хочет поздороваться и расспросить, как прошло мое лето. Она мне очень даже нравится, но я хочу крикнуть ей, чтобы она убиралась к черту отсюда.

— Привет, Ви, — говорит Райчел слабым голосом. Но ее большие карие глаза направлены на Мэтта.

Ох. Да неужели.

Я беру себя в руки и зло смотрю на Мэтта.

— Что? Правда? Ты и Райчел?

К моему полному удивлению, эта лживая задница подзывает Райчел сесть возле него.

Вы издеваетесь?

Теперь они держатся за руки. Seriously, что это, черт возьми, такое? Они встречаются? Я хочу побить их обоих.

— Мне так жаль, Виолетт, — говорит Мэтт, глядя вниз на их переплетенные пальцы. — Это просто... случилось. Мы работали вместе в «Улыбающемся Джеке», и... я не знаю, мы всегда хорошо ладили друг с другом, ты же знаешь. Так что мы начали зависать вместе после работы и... так получилось, — беспомощно заключает он.

— Мне действительно очень жаль, — шепчет Райчел, опустив глаза. Ее симпатичное лицо мокрое от слез.

Ох, давайте обнимем милую стерву!

— Не разговаривай со мной, — огрызаюсь я. Я вконец разозлилась, и это единственное, что позволяет мне держаться.

Я сосредотачиваю на моем прежнем парне испепеляющий взгляд, когда понимание поражает меня, как падающий на голову кокос.

— Ты спал с ней?

Рот Мэтта напрягается, но он ничего не говорит. Хотя Райчел заливается ярко-красным румянцем, так что предполагаю, что это нужно мне подтверждение. «Потаскуха!» — кричит голос у меня в голове.

Я чувствую себя так, как будто меня кто-то ударил в грудь. Мы с Мэттом... никогда не занимались сексом, и он никогда не давил на меня. И узнать, что он спал с ней... фу! Я думала, что он просто боялся сделать что-то неправильно! Значит ли это, что он никогда не хотел заняться со мной сексом? Черт возьми, почему нет?!

Мэтт начинает что-то быстро говорить мне, но я не слышу его. Ревущий, как грохот волн, шум звучит у меня в ушах.

Я не могу отвести взгляд от этих двоих, сидящих рядом как пара. Ну, они таковыми и являются. Бывший парень. Это слово пробегает сквозь мои мысли, как самоуверенный спринтер. Отстраненно я задумываюсь, как все в школе отреагируют на это. Или же они уже все знают? Мэтт и Райчел, возможно, уже рассказали о своем новом статусе, пока я, как рабыня, трудилась в далекой, восхитительно пахнущей пекарне на Гавайях?

Я ненавижу их.

— ... надеюсь, мы все еще можем остаться друзьями.

Да, мой бывший парень на самом деле сказал это. Я недоверчиво смотрю на него.

Это... ничего себе, это выводит меня из себя! Моя рука судорожно подергивается от желания выцарапать ему глаза. Мне нужно убираться отсюда. Я резко встаю, но эта ослиная морда хватается меня за руку, ну, вы знаете, той рукой, которая не перекинута через плечо его новой девушки.

— Пожалуйста, пожалуйста, не сердись на нас, Ви, — умоляет он. И слезы бегут по его щекам. — Клянусь, я никогда не хотел причинить тебе боль. Я не хочу потерять твою дружбу. Пожалуйста, скажи, что мы все еще можем быть друзьями.

Убийственное спокойствие вдруг накрывает меня, как накидка суперзлодея. Но это затишье перед бурей, которая, как я чувствую, назревает во мне.

— Друзьями, — повторяю я холодно.

— Да. Как раньше.

Мэтт вымученно улыбается во внезапно повисшем неловком молчании.

Он смотрит вниз на коробку, лежащую на столе.

— Я все еще могу получить свой подарок? — слабо шутит он.

— Конечно, — говорю я. Я хватаю коробку со стола и протягиваю ему. Когда он тянется забрать подарок, я с силой швыряю его со скоростью главного питчера¹ лиги. Он с плеском падает в тарелку с бобами какого-то старика.

Я отступаю. Я больше не могу это выносить, и, к своему ужасу, безудержно рыдаю. Я никогда не плачу на людях. Я ненавижу это! Ненавижу его!

Люди смотрят на меня? Конечно же, большинство это и делает. Мне плевать. Я слепо бегу к двери и, толкая, открываю её.

А затем я спотыкаюсь обо что-то.

Я не знаю, что случилось или обо что я споткнулась. Все размыто. И вдруг я падаю на руки и колени, каким-то образом, болезненно застревая на пороге, а дверь закрывается, прищемив мне руку.

Я уже представляю, как буду посмеиваться над собой позже. Закрываю глаза и верю, что если хорошенько пожелаю, то передо мной появится кротовина² и затянет меня в будущее.

Кто знает, сколько мне придется торчать здесь, изображая дверную пружину. Перемещение сделало бы все это более реальным. Но кто-то дергает за дверь, и без всякой моей помощи меня с легкостью перемещают в стоячее положение.

— Эй. С тобой все в порядке? — говорит мой спаситель голосом, который я могу описать только как секс на палочке. Я осознаю, что меня ведут наружу, дверь захлопывается за нами. Я уже вроде как знаю, что увижу, когда подниму взгляд, но все же красивое лицо Сексуального Парня крупным планом лишает меня дара речи, то есть даже еще больше. Понятно в чем дело?

Это Сексуальный Парень. Конечно же, это он.

Его глаза. Я не могу отвести от них взгляд. Темные и глубокие, обрамленные густыми ресницами. В них горят и тлеют глубина, жизненная сила, харизма... секс...

Мой взгляд опускается вниз только для того, чтобы снова увлечься его ртом. Боже, этот рот — грешный, предназначенный для соблазнения и опасности. По моему телу пробегает дрожь, горячая и заводящая. А не типа Мне-холодно-набросьте-на-меня-одеяло.

Что это значит? Я не знаю! Сексуальный Парень все еще держит меня за руку. Боже, нужно избавиться от этого! Я отступаю и пытаюсь собраться с силами. Как же стыдно!

Ух ты, а он высокий. Выше, чем я думала, может, шесть с чем-то футов. И от него пахнет хорошо. Похоже на чистое белье и на что-то еще, на что-то чистое и осеннее. Запах заставляет мой живот скрутиться непонятным и захватывающим образом.

— Ты в порядке? — повторяет Сексуальный Парень в то время, как я глазею на него.

— Я не плачу, — огрызаюсь я, к сожалению, найдя свой голос. — У меня просто один из тех дней.

— Конечно, — соглашается он, отступая.

Я замечаю, что он проверяет мою задницу. Нет, подождите, какие-то сзади неприятные ощущения. Это что... ветерок?

Мой рот открывается в полном ужасе.

— О Боже, нет. Даже не говори мне... сзади мои брюки порваны, ведь так?

Сексуальный Парень наклоняет голову на бок и снова смотрит на мой зад.

— Хорошо, я не буду говорить.

Я не могу сдержать стон, что вырывается у меня.

— Серьезно? — говорю я в небо. Я замечаю, что он тоже смотрит вверх, интересуясь, с кем я разговариваю. Я спрашиваю у него:

— Насколько все плохо?

— По шкале от одного до десяти? Или ты имеешь в виду, насколько хорошо мне видно твои розовые трусики с кроликами?

Я сразу же закрываю свой зад руками.

— Ох, черт возьми!

Сексуальный Парень посмеивается, и я не слишком расстроена, чтобы не заметить, насколько сексуально это звучит. Я не могу ничего поделать с румянцем, который согревает мои щеки. Я так... подождите, что он делает?

Сексуальный Парень расстегивает свою рубашку, и, пока я замороженно наблюдаю, он снимает ее и дает мне. Я на автомате беру рубашку, потому что отвлечена его гладким мускулистым телом, как у пловца, спрятанным под серой футболкой, которую он надел под рубашку. Это просто смешно, насколько этот Сексуальный Парень горяч. Безумно смешно!

Ах!

Мое сердце прямо сейчас вытворяет какие-то необычные вещи, но позвольте мне сказать вам, что я не из тех девушек, которые поворачивают голову при виде каждого милого парня. Но этот парень вне этой повседневной нормальности. Он как будто появился из великолепной фантазии каждой женщины.

Я должна перестать пялиться на него.

Я откашливаюсь и заставляю себя посмотреть на его, Бог ты мой, безупречное лицо.

— Спасибо, — говорю я, держа рубашку. — Э-э. Если ты хочешь, чтобы я вернула тебе рубашку, думаю, я смогу отправить ее тебе.

Но Сексуальный Парень слегка качает головой.

— Не переживай из-за этого.

Он открывает дверь в Тако Белл и придерживает ее для выходящей пожилой пары.

Ох, это тот старик, в которого я бросила подарок Мэтта! Он видит меня и бросает на меня сердитый взгляд.

— Хулиганка! — фыркает он, проходя мимо.

— Извините! — кричу я ему, но он только хмыкает через плечо.

Я чувствую себя еще более униженной, если это возможно. Украдкой смотрю на Сексуального Парня. Он выглядит довольным, его красивые губы изогнуты в очаровательной ухмылке. Я так рада, что больше никогда не увижу его.

— Надеюсь, что твой день станет лучше, — говорит он и исчезает в Тако Белл.

Спасибо, Сексуальный Парень. Я уверена, что он не может стать еще хуже.

Глава 3.

Я направляюсь прямо к Лорен. Она варит свой странный суп, пока я раздражаюсь тирадой, яростно обзывая Мэтта и Райчел всеми плохими словами, которые только могу придумать. В самый разгар этого безумия, двенадцатилетние сестры-близняшки Лорен прокрались на кухню и стали наблюдать за моими руганью и раздражением с широко открытыми глазами. Меня очень сложно вывести из себя, но когда это происходит, я, как правило, немного напоминаю Халка. В какой-то мере.

Двумя часами позже я чувствую себя уже лучше. Типа того. Я поехала домой, чтобы принять душ, и поплакала немного под горячими, успокаивающими брызгами. Вскоре мои слезы высохли, и я начала чувствовать себя глупо. И рассерженно. Я продолжаю думать о Мэтте и Райчел, и о том, как радостно они потирают руки... смеюсь, целуюсь и занимаясь сексом... фу!

Я выключаю воду с большей, чем необходимо, силой и вытираюсь. Я заматываю полотенце вокруг тела и топаю в свою комнату, бормоча про себя.

— Лживый ублюдок! — от того, что я сказала это вслух, мне полегчало.

— О чем это ты, Виолетт?

Я вскрикиваю и неловко подпрыгиваю в воздухе. Моя мама сидит на кровати! Она смотрит на меня немного нахмуренным взглядом. Она слышала, что я сказала?

— Ч-что?! Ни о чем! — пролепетала я, прижимая полотенце к себе. — Я просто... читала рэп. Мне нравится это делать, когда я одна. Что... что ты делаешь здесь, на моей кровати? Что... э-э... происходит?

— Я не знала, что ты умеешь читать рэп, — говорит мама, смущенная моим лепетом. — Это... странно. Извини, я не хотела напугать тебя. Я подумала, что ты захочешь надеть это на ужин.

Она держит в руках длинное платье цвета синего сапфира, чтобы я смогла рассмотреть его. Платье с запахом, по всей ткани нарисован узор из листьев. Платье очень симпатичное.

Моя бедная мамочка. У нее отличный вкус и она любит одежду, и ей приходится жить со мной, с девушкой, которая ставит комфорт превыше моды. Половина одежды из моего шкафа — это рубашки из коробки, которую оставил мой отец, когда бросил нас ради той шлюхи с сайта знакомств. Но нельзя сказать, что я клоун моды. Сразу же после того, как я сбросила вес, мои наряды стали более эффектными и распутными. Но через некоторое время радость от внимания окружающих

уменьшилась и теперь мне все равно. Я устала от парней среднего возраста, глазеющих на меня. Извращенцы.

— Симпатичненько, — говорю я маме, потому что она взволнованно наблюдает за мной. — Но я думала надеть джинсы и красивую рубашку. Я не хочу, чтобы твой жених подумал, что я милая барышня. Я имею в виду, что он очень разочаруется, когда узнает правду.

— Хм, ты, наверное, права. Но я уверена, что Билл переживет. — Мама вешает платье на мои скрещенные руки. — Я знаю, что ты будешь выглядеть прекрасно в этом платье! Я говорила, как мне нравятся твои волосы? Новый цвет действительно заставляет твою кожу светиться.

— Спасибо, — тихо вздыхаю я. — Если я наряжусь в платье, мне придется побрить ноги.

Мама заправляет локон светлых волос за ухо и смотрит на меня с удивлением.

— Разве ты не бреешь их каждый день?

— Ну да, но в большинстве случаев не так тщательно. Я просто провожу бритвой по ногам, если есть заметная щетина. Но я не проверяю, действительно ли они гладкие.

— Почему они должны быть гладкими сегодня вечером? — спрашивает мама, пожимая плечами. — Ты планируешь, что кто-то будет трогать твои ноги? Думаю, что в ресторане найдется несколько милых официантов.

— Мам, — я закатываю глаза. — Ты же знаешь, я позволяю прикасаться ко мне только камердинерам. Все дело в галстуках-бабочках.

Мама улыбается.

— Ох, ну тогда тебе повезло. Мы идем во «Времена Года». Я уверена, что официанты там носят галстуки-бабочки.

— Тьфу! Мы идем в богатое местечко? Теперь это начало новой тенденции, так как ты выходишь замуж за деньги? Неужели нам придется делать вид, что мы люди из первого класса?

— Эй! — мама указывает на меня пальцем, выглядя огорченной. — Тебе не нужно иметь деньги, чтобы быть первоклассной. Разве ты не считаешь меня первоклассной?

Как я могу не согласиться с ней? Особенно, когда она ковыряется пальцем в носу? Да, у нее действительно особенное чувство юмора.

— Спасибо, мам, это очень привлекательно. Какой образец для подражания! Я надеюсь, ты помоешь руки после этого?

Мама вскакивает с кровати.

— Конечно. Так делают первоклассные люди, — она шмыгает носом, проходя мимо меня.

Она возвращается, когда я надеваю свой халат.

— Ты продолжаешь отвлекать меня, Ви. Я хочу поговорить с тобой.

Я сразу же напрягаюсь, когда поворачиваюсь к ней. Мама нервничает, она не встречается со мной взглядом. Ох, Боже, пожалуйста, хоть бы это был не рак...

Она плюхается вниз на кровать и берет мою подушку, кладет ее на колени, затем опускает сверху руки.

Мои мышцы болезненно деревенеют, пока я жду, когда она скажет страшные слова.

— Пообещай, что ты не будешь считать меня потаскушкой.

— Бог ты мой! Я так... подожди, что?

Мама не поднимает взгляд. И она покраснела? Она делает глубокий вдох, и теперь у меня другие чувства.

— Билл и я...

— Нет, остановись! — я поднимаю обе руки, останавливая ее. — Мне совсем не обязательно знать, что вы с Биллом занимаетесь сексом!

— Что? — Мама выглядит почти такой же испуганной, как и я. — Виолетт! Я не это собиралась сказать! Поверь мне, ты последний человек, которому я захотела бы рассказать о моей сексуальной жизни.

Я чуть бессильно не оседаю от облегчения.

— Ох, слава Богу. Я бы тоже не стала рассказывать.

Она поднимает брови.

— Простите, мисс? У тебя есть сексуальная жизнь?

— Нет, некоторые из нас все еще непорочны, — не то, что Мэтт и Райчел, сексуально озабоченные предатели.

Мама выглядит растерянной несколько секунд. Затем она качает головой.

— Во всяком случае, я хотела сказать тебе... ну, Билл... удивил меня ранним свадебным подарком — это роскошное турне по Европе на наш медовый месяц.

У меня открывается рот от удивления.

— Мам! Это же замечательно! Ты всегда хотела побывать в Европе!

Она взволнованно кивает.

— Да, сбылась моя мечта. Англия, Франция, Италия... только представь? Но дело в том, что у Билли, как раз после свадьбы, будет проходить очень важное слияние в бизнесе, поэтому он не может взять выходной, тем более целый месяц. Так что... — она делает паузу и неуверенно смотрит на меня.

— Он думает, что лучше всего будет провести наш медовый месяц до свадьбы. Это имеет смысл, особенно, в связи с проводящимися ремонтными работами в доме, а у Джейн сейчас затишье в работе... я могу работать над ее сайтом где угодно, и ты же знаешь, мы наняли свадебного планировщика, она сказала, что сможет общаться со мной с помощью сообщений и электронной почты, она все время так делает с некоторыми своими клиентами, и...

Когда мама нервничает, у нее есть привычка говорить безумолку. Интересно, как долго это будет продолжаться, если я ей позволю?

— Да, это же здорово, — я, наконец, прерываю ее, когда она делает вдох. — Звучит так, как будто ты все уже спланировала. И у тебя есть мое благословение, если ты пришла за этим.

— Спасибо, — говорит она, сжимая мне руку. — Это много значит для меня.

Я пожимаю плечами.

— Ты заслуживаешь этого. — Я плюхаюсь на свое удобное мягкое кресло. — Когда вы уезжаете?

— Ну... на следующей неделе, — мама наблюдает за мной. — Так что я поговорила с Джейн, и она сказала, что будет рада, если ты у нее останешься. Ты не против? Если же это тебя не устраивает, я могу...

— Почему я не могу остаться здесь? Мне семнадцать, я не пью и не употребляю наркотики. Ты можешь доверять мне... я скучная.

— Я доверяю тебе, Виолетт, — говорит она. — Но я уезжаю не на выходные. Я уеду на целый месяц в Европу. Я не смогу расслабиться, если ты будешь здесь одна. И, — продолжает она, когда я начинаю протестовать, — к концу месяца мы должны съехать с этой квартиры, помнишь?

Я получила неожиданный удар по лицу от реальности. Мы больше не будем жить в этой дрянной квартире. У меня будет богатый отчим! Наша жизнь кардинально изменится.

Ох, да, мне изменил и бросил меня мой первый парень. Да, Мэтт был моим первым парнем.

Я поздно созрела.

Это все немного подавляет.

Мама все еще говорит.

— Нет, все в порядке, — говорю я. — Я останусь у Джейн. Она крутая и мы с ней хорошо ладим. Кроме того, это ведь только на один месяц?

Голубые глаза мамы блестят от слез.

— Да, — быстро говорит она. — Большое тебе спасибо, Виолетт! Я знаю, что ошарашила тебя всеми этими изменениями, но ты так хорошо все восприняла.

Она подпрыгивает, чтобы крепко обнять меня.

— Я так счастлива! Не могу дождаться вашей с Билли встречи.

Я обнимаю ее в ответ, обескураженная силой ее объятия. Я решила, что сделаю все, чтобы не испортить все это.

Господь знает, как она этого заслуживает.

Глава 4.

В конце концов, я решаю не надевать платье цвета синего сапфира. Вместо него, я натягиваю пару сделанных на заказ черных брюк, которые отлично подчеркивают мой зад, а также малиновую блузку с короткими рукавами. В пять часов вечера по-прежнему жарко, так что я снова завязываю волосы в хвост. Я осматриваю себя в полный рост в зеркале, висящем на задней части двери в мою спальню, и прихожу к выводу, что выгляжу непринужденно. Подводка для глаз и блеск для губ дополняют мой образ — вот и все, я готова идти.

Мама, кажется, довольна моим внешним видом. На ней платье, удивительно похожее на то, которое она предлагала мне надеть, очевидно, желая, чтобы мы выглядели, как двойняшки. Я не люблю разочаровывать ее, но всему есть предел.

Ресторан представляет собой красивое кирпично-стеклянное здание с потрясающим видом на залив. И у него есть собственная парковка для машин, отчего нам обоим становится не по себе.

— Они увидят все обертки от конфет, которые я оставила в машине, — тревожно шепчет мама после того, как отдала парковщику ключи от машины. — Мы похожи на нерях!

— А мы такие и есть, — я пытаюсь не обращать на это внимания, начиная нервничать.

Мужчина в костюме открывает большие стеклянные двери для нас, улыбаясь и жестом приглашая нас войти. Мама хватается меня за руку и тянет вперед к небольшой

беседке, где за шикарной стеклянной стойкой стоит молоденькая девушка модельной внешности.

— Добро пожаловать во «Времена Года», — приветствует она нас с профессиональной улыбкой. — У вас зарезервирован столик?

— Э-э, да. Я — Лили Марсер, — робко говорит мама, заправляя прядь волос за ухо. — Думаю, что заказ сделан на имя О'Коннор. Билл О'Коннор.

Мне не нравится, как надменно смотрит девушка-зубочистка на мою маму.

— Да, мистер О'Коннор уже здесь. Пожалуйста, следуйте за мной.

Я также не пропускаю тот ехидный взгляд, которым она осматривает меня с головы до ног. Она обменивается ухмылкой с еще одной потрясающей девушкой, мимо которой мы проходим, направляясь к нашему столику. Я ничего не могу с собой поделать, но чувствую себя неловко. Что, у нас на лбах написано, что мы «не подходим»? Это из-за нашей дешевой обуви?

Почему мы не могли пойти в Тако Белл? Меня уже бросили там. Ничто уже не может быть более унижительным. Ведь так?

В интерьере ресторана преобладают темное дерево и стекло. Бар находится по левую сторону, в нем полно хорошо одетых людей. Мы с мамой следуем за девушкой-зубочисткой, пока она прокладывает свой путь через столики.

Хоть бы не споткнуться!

Она подводит нас к столику возле окна с видом на заходящее солнце, отбрасывающее розовые и золотые лучи на воду. Мужчина, сидящий за столиком, поднимается при нашем появлении.

— Приятного аппетита, — говорит мне Зубочистка, ухмыляясь.

— Спасибо, — говорю я сладко. — Наслаждайтесь своим... официантством.

Я отворачиваюсь прежде, чем она может отреагировать. Мне все равно. Я не знаю, почему она считает себя такой шикарной. Мое внимание возвращается к мужчине — Биллу. К жениху моей мамы и моему будущему отчиму.

Билл не всемогущий корпоративный магнат, которого я себе представляла. Он красивый, но это не такая богатая и утонченная красота, как я думала. Он выглядит молодо в повседневной рубашке и джинсах, и у него немного потрепанный вид с этими длинноватыми золотисто-рыжими волосами и небритым лицом.

Его льдистые голубые глаза никогда не смотрят прямо на меня, просто мимолетно брошенный взгляд, если я задаю ему вопрос.

Итак, я узнаю, что Билл фактически создал операционную систему Арпеджио, которую я использую на своем телефоне! Мама все продолжает болтать о том, насколько это революционно, более удобно и интерактивно, чем создал любой из его предшественников. Как будто я не знаю! Так мило слышать, как она рассказывает о его достижениях, в то время как он, просто остается тихим, иногда глядя на нее и улыбаясь. И я понимаю, что он мне на самом деле нравится. Я рада, что он не такой, каким я его представляла. Мне нравится его спокойная неловкость. Мы с ним поладим.

— Так где же Зейн? — спрашивает мама, после того, как делает глоток чая со льдом. — Думаю, что в ближайшее время они придут за нашим заказом.

Билл едва поднимает голову, когда говорит.

— Он сказал, что опоздает, так что мы можем начать без него.

— Он тебе понравится, Виолетт, — говорит мне мама, ее глаза азартно мерцают. — Он всего на несколько лет старше тебя, и он... инженер-программист, правильно, Билл?

— Да, именно так, — бормочет Билл, неуютно ерзая в кресле. Я представляю такого же гика, как и Билл, только младше.

— Зейн живет в Лос-Анджелесе, но пока мы будем в Европе, он некоторое время поживет в домике возле бассейна — он будет следить за ремонтом. Разве это не мило с его стороны? На самом деле, пока я не забыла, позволь мне дать тебе его номер телефона, Виолетт. Ты можешь позвонить ему, если тебе что-либо понадобится. Зейн собирается работать над каким-то проектом, но я уверена, что он не будет против, если время от времени ты будешь звонить ему.

Мама роется в сумке в поисках своего телефона. Когда она находит его, то заставляет меня переписать номер Зейна. Я вообще не собираюсь ему звонить, но делаю так, как она просит, так как знаю, что это поможет ей меньше нервничать из-за того, что она уезжает на целый месяц.

Четыре официанта подходят к нам, чтобы принять наши заказы, я не знаю, почему их так много. Я останавливаю свой выбор на креветках тэмпура¹, которые уже пробовала на Гавайях, и они понравились мне. Несмотря на мои нервы, я начинаю чувствовать легкий голод. Такая атмосфера, прекрасная и шикарная, не способствует расслаблению. Мне бы хотелось просто заказать какого-нибудь фаст-фуда и взять его домой. Мне бы хотелось продолжать дуться на Мэтта в одиночестве, а не напяливать на свое лицо улыбку, которая, кажется, в любую минуту может разлететься на миллион осколков. Я действительно рада за маму, но наблюдать за тем, как они с Биллом обмениваются секретными улыбочками и взглядами... это слишком слащаво для меня сейчас.

У меня появляется внезапное желание подпрыгнуть и закричать:

— Меня бросили! Пошли вы все!

Этот вечер когда-нибудь закончится? Я тайком переписываюсь с Лорен, держа телефон на коленях.

Я: Билл милый! И славный.

Лорен: Правда? Как он выглядит?

Я: Молодо, немного растрепанно. Он создал Арпеджио!

Лорен: !!! Милый, богатый, гениальный? Твоей маме действительно повезло.

Я: Знаю! Этот ресторан и вправду задиристый.

Лорен: Привыкай. А как сын?

Я: Его еще нет. Похоже, он собирается стать компьютерным гением.

— Извините за опоздание.

Теплый глубокий голос пугает меня. Я поднимаю взгляд от телефона, и у меня отвисает челюсть.

Мои глаза встречаются с красивыми темными глазами.

Сексуальный Парень!

— Вот, черт! — вскрикиваю я.

Глава 5.

Итак, оказалось, что Сексуальный Парень — это Зейн О'Коннор, сын Билла и мой будущий сводный брат. О, да я счастливица.

После моей вспышки я закрываю рот на замок и смотрю вниз на свои колени. Хотя ничего не могу поделать с собой и тайком бросаю на него взгляды. Сексуальный Парень — Зейн — столь же невероятно красив, как я и помню. Ему очень идут белая рубашка и джинсы — повседневно, но в то же время и элегантно.

Прямо сейчас в моем шкафу висит его рубашка. В секции Зал Славы Сексуального Парня.

Он быстро обнимает маму и целует ее в щеку, затем хлопает Билла по спине, приветствуя его. Мое сердце взволнованно трепещет, когда он занимает пустое место рядом со мной.

Я отворачиваюсь от него, жалея о том, что завязала волосы, так как теперь не могу скрыть свои красные щеки. Все не может стать еще унижительнее.

— Зейн, это моя дочь Виолетт, — мама представляет нас. — Я как раз говорила ей о тебе.

— Надеюсь, только хорошее, — говорит он с легкостью. Я чувствую, как он поворачивается ко мне. — Очень приятно, наконец, познакомиться с тобой, Виолетт, — говорит он, и я могу слышать улыбку в его сексуальном голосе.

— Угу, — слабо говорю я, глядя куда угодно, только не на него. Я вижу, как мама реагирует на мою грубость, вскинув бровь, но я же мучаюсь здесь!

— Зейн, почему бы тебе не заказать себе что-нибудь, — говорит мама, глядя на меня «да что с тобой такое?» взглядом.

— Отличная идея. Я умираю от голода.

Он подзывает одну из официанток с завидной легкостью, чему я не могу не восхищаться.

Внезапная тишина окутывает наш столик, как мокрое одеяло. Кажется, только мы с мамой единственные обеспокоены этим, что очень плохо. Одна из нас вынуждена прервать молчание и начать лепетать без умолку.

— Зейн, правда у Виолетт красивый загар? — говорит мама, отчаянно улыбаясь. — Она только что вернулась с Гавайских островов.

— Да? — он наклоняется вперед, положив руки на стол. — С какого именно острова?

Ох, ничего себе, он так хорошо пахнет!

— Оаху, — бормочу я.

Я знаю — мама ждет, что я продолжу разговор, но я этого не делаю. Она пытается встретиться со мной взглядом. Я притворяюсь, что увлечена своей вилкой. Я могу чувствовать, как она становится все более взволнованной из-за моего недружелюбия.

— Да, она работала стриптизершей в пекарне бабушки! — выпаливает она. Что?!

К несчастью, прямо сейчас мой рот набит рисом. Почему я откусила так много? Пережевывание занимает целую вечность!

— Стриптиз в пекарне, да? — говорит Зейн с забавной и очаровательной полуулыбкой. — Это очень круто.

Я просто продолжаю качать головой, находясь в некоем ступоре.

— Я не... не стриптизерша, — наконец, путаюсь я в словах, ужасно смущенная.

Глаза мамы расширяются.

— О, нет! — вздыхает она. — Я только что назвала тебя стриптизершей?!

Точняк, мама.

— Я не стриптизерша, — говорю я Зейну и Биллу. — Это так... почему ты вообще сказала это, мама?

Я действительно не видела сходства между отцом и сыном. Пока они оба не начали кашлять себе в кулаки.

— Извини! Не знаю, почему... все просто ускользает от меня, когда я очень нервничаю. Виолетт очень далека от вертихвостки...

Аааааа!

— Стриптизерши, мам, — говорю я сквозь зубы.

Больше всего мы похожи на дочь и мать, когда наши лица краснеют от унижения.

— Точно, — говорит мама. Ее руки теперь трясутся! — Она не стриптизерша и не вертихвостка. На самом деле, сегодня она сказала мне, что она девственница.

Все не может стать еще хуже. Просто не может.

По какой-то причине, я смотрю на Билла. Он ловит мой взгляд.

— Молодец, Виолетт, — неловко говорит он.

Мама бросает на меня взгляд, полный ужаса.

— Мне кажется, я должна сходить в туалет, — шепчет она.

Я потираю свои стучащие виски.

— Пожалуйста, сходи.

Оба парня встают, когда мама извиняется. Билли нерешительно смотрит на нее мгновение, а затем, что-то бормоча себе под нос, идет за ней. Я с тоской смотрю за тем, как они уходят. Кто сможет упрекнуть меня, если я прямо сейчас сбегу? Уж точно не женщина, обозвавшая меня стриптизершей и вертихвосткой.

— Так что, Виолетт, — Зейн поворачивает свой стул в мою сторону. — Твой день стал лучше?

— Уверена, что он становится еще хуже, пока мы разговариваем, — говорю я.

Он смеется, демонстрируя белые ровные зубы, и внезапно искра притяжения проходит сквозь меня, учащая мой пульс.

Кто такой вообще этот Мэтт?

Поверить не могу, что сижу здесь, в этом роскошном ресторане, разговариваю с самым красивым парнем, которого я только видела, а еще он — мой будущий сводный брат. Я не знаю, как вести себя рядом с ним.

Мило? Кокетливо? Или лучше просто продолжить строить из себя дуру?

Ага, так, кажется, намного веселее.

В темных глазах Зейна искрится юмор.

— Да ладно, — говорит он. — Ведь все не так уж и плохо?

— Ох, давай-ка разберемся. — Я смотрю вверх на красивые стеклянные круглые лампы, свисающие с потолка. — Меня сегодня бросили в Тако Белл; я упала, порвав штаны, а также унизилась перед совершенно незнакомым человеком; пошла на ужин в снобистский ресторан, узнала, что тот незнакомец — мой будущий сводный брат; меня собственная мать назвала стриптизершей, вертихвосткой и девственницей... я что-то забыла?

— Ну, я не знаю. Вечер только начался, все может случиться. — Уголки его красивых губ изгибаются вверх.— Он ведь может стать только лучше?

Я хмурюсь.

— Не говори так, а то сглазишь. Сейчас вернется моя мама и ляпнет о том, как они с Билли только что занимались сексом в туалете, а я убегу до того, как она начнет вдаваться в подробности и наткнушь на того официанта, несущего пылающий десерт. Он упадет на ту леди, в волосах у которой слишком много лака, а затем весь ресторан будет гореть в огне.

Зейн просто смотрит на меня пару мгновений, как будто не зная, что сказать. Он, должно быть, все время общается с великолепными, уверенными в себе женщинами, а я для него какой-то новый вид насекомого. Невротического вида насекомое, которое летит прямо вам в лицо и сходит с ума, когда вы пытаетесь прихлопнуть его.

— Так, значит, тебя бросили, да?

Я морщусь. Я и мой тупой большой рот.

— Ага.

— Эй, это случается с лучшими из нас. Подожди, ты найдешь кого-нибудь в ближайшее время.

Я смотрю на него.

— Ты иногда читаешь список десяти худших клише?

— Самое лучшее припас напоследок: в море плавает много рыбы.

Зейн добродушно пожимает плечами.

— Значит, какой-то урод бросил тебя в Тако Белл. Ты действительно думаешь, что он был любовью всей твоей жизни?

Официантка ставит перед ним еду. Она красивая и дерзкая, завязывает случайный разговор о погоде, все время подмигивая ему.

Когда она, наконец, уходит, я поднимаю бровь.

— Тебя раньше бросали?

Он поднимает взгляд от своей тарелки, милая полуулыбка играет на его лице.

— Это вопрос с подвохом?

— Так я и думала, — я возвращаюсь к увлекательному процессу протыкания своей еды вилкой.

— Ладно, — говорит он. — Назови мне одну вещь, которая тебе не нравилась в твоём бывшем.

— У него тонкие запястья, как у девушки, — быстро говорю я. — Они такие нежные, он должен быть моделью и рекламировать теннисные браслеты для ювелирных магазинов. Это правда беспокоило меня. А еще, когда он взволнован или говорит, то всегда пускает пузыри из слюны. Я часто переживала, что пузырь взорвется и слюна попадет мне в лицо. Так противно.

— Ничего себе, и долго ты это терпела?

— И он ужасно целуется, — выпаливаю я. — Он, как будто... нападает на мое лицо! Даже моя подруга Лорен, когда увидела нас целующимися, сказала, что это было самым отвратительным на свете из всего, что ей доводилось видеть. Как будто змея ест своих детенышей. Или, может быть, дело было во мне. Может, это я плохо целуюсь.

Зейн смотрит на свою еду, и, похоже, он пытается не засмеяться.

— На тебя кто-то уже жаловался?

Я кусаю губу.

— Нет, но я целовалась только с Мэттом.

После этой фразы он резко вскидывает голову, но прежде, чем успевает сказать что-либо, мама и Билли возвращаются. Она выглядит гораздо спокойней и сдержанней, когда садится на свое место. Я пытаюсь не замечать, как Билл вытирает рот салфеткой.

— Виолетт, — начинает мама, схватив меня за руку. — Извини меня за то, что назвала тебя стриптизершей и вертихвосткой. Ты же знаешь, какой я становлюсь, когда нервничаю.

Она робко улыбается мне, а потом поворачивается к Зейну.

— Зейн, я надеюсь, что ты поймешь... иногда я говорю вещи, которые не имеют никакого отношения к действительности. Например, Виолетт. Она работала кассиром в бабушкиной пекарне, а не стриптизершей. Она никогда не станет снимать одежду за деньги, да и воо...

Я громко откашливаюсь, прерывая ее лепетание, даже если она и говорит с хорошими намерениями.

— Я принимаю твое извинение, мам. Это в прошлом и давай, просто позволим тем болезненным воспоминаниям умереть.

Мама открывает рот.

— Но Зейн...

— Не беспокойтесь, Лили, — говорит он уверенно. — Уверяю вас, я ни на секунду не поверил, что Виолетт была стриптизершей или вертихвосткой.

— Спасибо, — искренне говорю я.

— Пожалуйста, — отвечает он, улыбаясь. Мое сердце беспорядочно стучит.

Мама выглядит успокоенной, и после этого дела идут гораздо лучше. С Зейном очень легко разговаривать, и, кажется, он совсем не похож на своего застенчивого папу. Я ничего не могла с собой поделать и украдкой бросала взгляды на его невероятно идеальный профиль, скульптурные черты лица... на его сексуальный рот... готова поспорить, что он отлично целуется. И я всегда была равнодушна к широким плечам. И к мускулистой груди, и накачанному прессу, который заметен даже через рубашку.

Мои глаза беспомощно спускаются вниз, к его подтянутой талии и бедрам, к одетым в джинсы длинным ногам, которые небрежно расставлены под столом. Когда я, наконец, возвращаюсь к его лицу, я понимаю, что он наблюдает за тем, как я осматриваю его.

О Боже! Так неловко!

На долю секунды я встречаюсь с его веселым взглядом, прежде чем быстро отворачиваюсь, чуть не свернув себе шею. Я пытаюсь придумать, что сказать, чтобы объяснить, почему я пялюсь на него. Но что я могу сказать, что сможет объяснить мое истекание слюной?

На самом деле я не пускаю слюни. Я дотрагиваюсь до кончиков рта, чтобы проверить.

Ох, слава Богу. Мама говорит.

— Зейн, я дала Виолетт твой номер телефона, чтобы она могла позвонить тебе в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Я надеюсь, ты не против?

— Конечно, нет. Можешь звонить мне в любое время, Виолетт.

— Спасибо, — бормочу я, все еще краснея, как помешанная.

— Виолетт, позвони Зейну, чтобы у него тоже был твой номер, — говорит мне мама.

— Хм, я позвоню, — говорю я неловко. — Позже.

Да ни за что. Если повезет, мне не придется видеться с ним до самой свадьбы. Может быть, к тому времени он забудет о том, как я извращенно пялилась на него.

Тьфу!

— Итак, что ты думаешь? — спрашивает мама меня по дороге домой.

— Билл, кажется, милый, — бормочу я, глядя из окна на проносящиеся мимо пейзажи. — И красивый. Вы, ребята, хорошо смотрите вместе.

— Спасибо! Ты ему тоже понравилась. Я знаю, что он выглядит очень молчаливым, но как только он получше узнает тебя, то раскроется больше.

Я пытаюсь представить, как мы с Биллом сидим рядом на диване, поедая попкорн и обсуждая свои чувства.

Изображение отказывается появляться. Вместо этого я вижу, как мы сидим вместе за столом, сшивая различные части одеяла.

Я не знаю, почему я представляю эту картину. Это не имеет смысла.

— И еще раз, Виолетт, прости меня за стриптизершу/вертихвостку. Я не знаю, откуда взялись у меня в голове эти слова, но я бы никогда...

Я отворачиваюсь от окна, чтобы погладить маму по плечу.

— Забудь, все в порядке. Я знаю, что ты не имела это в виду. Это то же самое, как когда у тебя возникли проблемы с машиной, а полицейский расстроил тебя.

Мама сжимает руль обеими руками и стонет.

— Ох, не напоминай мне об этом. Меня чуть было не арестовали тогда.

Я хихикаю.

— Эй, любой может перепутать «менять шины» с «мине...

— Ох, не надо.

— Думаю, что полицейский бы согласился на твое предложение, если бы меня там не было.

Мама съеживается.

— Это не было предложением!

Она вдруг разражается смехом, а я присоединяюсь к ней. Мы хихикаем до боли в животе, пока мама случайно не проезжает на красный свет.

После того, как мы переводим дыхание, мама откашливается.

— Итак, — говорит она. — Этот Зейн и впрямь милый, да?

Я замираю, мои щеки мгновенно краснеют.

— Вроде того, — бормочу я.

— А также обаятельный. Билл на самом деле не очень много говорит о нем, но у меня сложилось такое впечатление, что он бабник.

— Угу.

Мама направляет на меня взгляд своих голубых глаз.

— Ну... он твой будущий сводный брат, так что вы, скорее всего, будете часто видеться, и... ох, я не знаю. Думаю, я пытаюсь сказать, что редкая женщина или девушка сможет устоять и не влюбиться в такого парня? Но это будет плохой идеей, потому что...

— Эй, мам, — замечаю я, подняв руку и останавливая ее. — Ты пытаешься сказать, что влюбляешься в... сына Билла?

— Что? Н-нет! — бормочет мама. — Я имею в виду... это же смешно! Я не хищница! Я говорила о тебе, Виолетт.

— А что со мной не так?

Она делает глубокий вдох.

— Я надеюсь, что ты воспримешь Зейна, как будущего брата и не более. Договорились?

— Э-э... хорошо.

Она заметила, что я смотрела на него, как на кусок мяса? Вот почему она назвала меня вертихвосткой? Как же стыдно!

— Я просто не хочу, чтобы тебе было больно, — говорит мама. — Ведь любой парень, который так хорошо выглядит... ну, он обязательно разобьет тебе сердце.

Я ничего не говорю. Думает ли она о моем отце? Он был красивым и обаятельным и разбил ей сердце, обманывая ее.

И посмотрите, что произошло с Мэттом. Он, конечно, не разбил мне сердце, но уничтожил мое доверие. Неужели все парни обманывают? Иногда кажется, что да.

Это удручает.

Я отворачиваюсь к окну, задумавшись. Я хочу поразмышлять о предательстве Мэтта, но пара прекрасных темных глаз продолжает появляться у меня в голове, отвлекая.

Нет! Я хочу, чтобы эти глаза исчезли. Мама права. Любой парень, похожий на Зейна, точно разобьет мне сердце. И что же я захочу делать с разбитым сердцем?

Совершенно ничего.

Глава 6.

Мой первый день в выпускном классе.

Почему я ожидала, что все будет по-другому в этом году? Я хожу на свои занятия, вижу с теми же людьми, едва разговариваю с кем-то, кроме Лорен.

Ну, я бы ходила со своим парнем по коридорам школы Хайден Ков. Вместо этого, только мы с Лорен, наклонив головы, проталкиваемся сквозь толпу. Мы не очень-то терпеливы, так что не стесняемся расталкивать людей по сторонам.

Ну да, у нас одинаковый менструальный цикл.

Я еще не видела Мэтта и Райчел, но знаю, что у меня с ними общий урок углубленного английского языка у мистера Таннера. Я подумываю прогулять его, но какой смысл в оттягивании неизбежного?

— Ты собираешься заниматься репетиторством в этом году?— спрашиваю я Лорен, когда мы останавливаемся у ее шкафчика.

Она кривится, снимая свой жакет.

— Не знаю. Все зависит от мистера Таннера. Я слышала, что он придурок, и он всегда кашляет людям прямо в лицо.

— Отвратительно. Давай сядем сзади.

— Я не против, — Лорен захлопывает свой шкафчик и оценивающе смотрит на меня. — Так, ты готова?

Я нервно кусаю губы, прислоняюсь к стене для поддержки.

— Я не знаю, — признаюсь я. — Ты что-то слышала? Кто-нибудь говорил об этом?

— Несколько человек, — отвечает она честно. — Сегодня утром Бруклин спрашивала меня, правда ли это.

— Брр. Мэтт нравился ей с восьмого класса. Что ты ей сказала?

— Я сказала, что если ей так уж интересно, то стоит спросить тебя об этом.

Я смеюсь.

— Я виделась с ней в столовой, но она не заговорила со мной. А еще я видела Дэнни, но он тоже ничего не сказал мне, кроме «прикольные сиськи».

— Ладно, в этом есть и хорошая сторона, — говорит Лорен, улыбаясь. — Тебе больше не придется иметь дело с этим идиотом.

— Точно. Я никогда не понимала, почему Мэтт дружит с ним. Он жуткий извращенец. — Гнев закипает в моих жилах. — Или у них больше общего, чем я думала.

Мы направляемся на английский. Мускулистый шатен улыбается Лорен, когда мы проходим мимо него.

— Привет, Лорен.

Лорен кивает в знак приветствия. Он направляется в противоположном направлении, и я поворачиваюсь к ней с широко раскрытыми глазами.

— Это был Чейз? Ого, а он вырос за лето! И должно быть, он работал над собой.

Лорен равнодушно пожимает плечами.

— Я видела его вчера в магазине. Он сказал, что помогал своему дяде на ферме.

Я тщательно изучаю выражение ее лица, но оно бесстрастно. Я знаю, что она нравится Чейзу, но нравится ли он ей, особенно теперь, когда парень выглядит обновленным и впечатляющим? Сложно сказать по Лорен.

Итак, мы практически в нашем классе. Понеслось.

Помещение наполовину заполнено. Мистера Таннера еще нет, так что подростки ходят туда-сюда по классу, болтая друг с другом.

Я сразу же замечаю Мэтта. Он полусидит, полулежит на столе, оживленно разговаривая с Фитцем Карваллио.

Спина Райчел прижата к нему, а его руки лежат у нее на талии.

Это поза пары, хорошо знающей друг друга. Видеть их — равносильно пощечине.

Я быстро отворачиваюсь.

Лорен стучит меня по плечу и направляется в сторону задней части класса. Я с радостью слежусь за ней. Мне кажется, или здесь действительно стало тише? Я кладу свои вещи на парту, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

— Всем плевать, — бормочет Лорен себе под нос.

Я вздыхаю с облегчением. Ничего не могу с собой поделаться, но украдкой бросаю взгляд на Мэтта из-под ресниц. Райчел стоит рядом с ним, уже больше не облокачиваясь на него, а он неловко скрещивает руки, старательно избегая смотреть в мою сторону.

Класс!

По какой-то причине, в моих мыслях всплывает Зейн. Я помню, как рассказывала ему о том, что мне не нравилось в Мэтте.

Тогда я мысленно воспроизвожу сцену, где Мэтт болтает с Фитцем, а Райчел заигрывает с ним, только в этот раз, я вижу, как он плюет ей в волосы, когда говорит.

Я начинаю смеяться. Я закрываю рот руками, заглушая звук, но так сильно хихикаю, что мои глаза начинают наполняться слезами. Лорен смотрит на меня с беспокойством, но я только качаю головой. Я представляю, как Мэтт и Райчел поднимают руки, показывая похожие браслеты с надписью «Лучшие Друзья Навеки», только оба запястья настолько тонкие и хрупкие, что вы не можете понять, кто есть кто.

Затем я вижу, как ломаю хрупкое запястье, а Мэтт кричит:

— Аааа, приятель! За что? Мне теперь и барби не поднять!

Не знаю почему. Но мое воображение — странное место, понятно?

По крайней мере, я чувствую себя лучше.

Наконец, появляется учитель, но это не пухлый хрипящий мистер Таннер. Это очень молодо выглядящий, красивый парень со светлыми волосами, в очках и с короткой бородой — представляется мистером Дженсенем, заместителем мистера Таннера. Я замечаю, как некоторые девушки обращают внимание на него, пока он говорит.

— Мы будем заниматься по программе, так что, вы, ребята, вроде как знаете, чего ожидать в этом году. Теперь вы все можете представиться, пока я буду притворяться, что слушаю вас, — говорит мистер Дженсен, непринужденно улыбаясь. Класс одобрительно смеется.

Мы с Лорен обмениваемся скучающими взглядами. Мы обе ненавидим вставать перед всем классом и рассказывать что-то о себе.

Лорен всегда говорит слишком тихо, а я, в конечном счете, становлюсь похожей на психа.

— Лорен Купер.

Лорен закатывает глаза и здоровается со своей парты.

— Я — Лорен, — бормочет она, и это все, что я могу разобрать, а я сижу рядом с ней.

— Говори громче, Лорен. Я не умею читать по губам, — говорит мистер Дженсен. Его красивые карие глаза мерцают за стеклами очков.

Лорен смотрит на него, она похожа на обозленного котенка.

— Я — Лорен, — огрызается она. И шлепается обратно на свое место.

— Х-хорошо, думаю, мы поняли это. Хочешь рассказать нам еще что-то?

— Нет.

Я не знаю, почему ей сходят с рук такие разговоры с учителями. Может, потому что она выглядит мило, когда злится. Даже ее волосы мило торчат в разные стороны.

Как будто для того, чтобы возместить краткость Лорен, все, казалось, включили чрезмерный режим обмена информацией. Когда подошла очередь Мэтта, он говорит со своим нелепым «австралийским» акцентом. Народ смеется, но меня передергивает от смущения за него.

— ...и это лето можно по праву считать лучшим, потому что я влюбился в эту прекрасную Шейлу¹.

Улыбка Мэтта становится еще шире, когда он театрально указывает на покрасневшую Райчел, сидящую за партой рядом с ним.

У меня отвисает челюсть. Я не могу поверить, что он только что объявил об этом на весь класс вот так!

Все следят за моей реакцией. Покраснев, я смотрю вниз на поцарапанную поверхность парты.

— Сволочь, — говорит Лорен достаточно четко.

— Извините, Лорен? — говорит мистер Дженсен. — Вы решили поделиться с нами чем-то еще?

— Неа.

Я отказываюсь поднимать взгляд. Слезы унижения грозят вот-вот пролиться, так что я держу свои глаза широко раскрытыми, заставляя слезы высохнуть.

Как он мог так поступить? Что, ему совсем плевать на мои чувства? Мне интересно, всегда ли он был таким набитым дураком или же потерял свою девственность, поджарив что-то в своем маленьком мозгу?

Я ненавижу его. И ее!

— Виолетт Марсер.

Чудесно.

Я не утруждаюсь вставать.

— Меня зовут Виолетт, — ворчу я. — Я думала, что потеряла кое-что этим летом, но только сейчас поняла, что никогда не нуждалась в этом.

Полная тишина.

Затем кто-то бормочет,

— Это она говорит о своей девственности?

Оглядываясь назад, я понимаю, что могла бы сформулировать мысль лучше.

Слава Богу, этот день закончен. Я чувствую себя такой уставшей, как будто пережила войну. Все, чего я хочу, это лечь в постель и поплакать от жалости к себе. А затем заказать мясную пиццу. Я умираю от голода!

— Мне нужно забрать жакет из шкафчика, — напоминает мне Лорен, пока я мчусь к двери.

Я вздыхаю и иду в обратном направлении.

— Ладно.

По дороге к шкафчику Лорен, я слышу, как кто-то зовет меня. Это Ким Маршалл, младшая сестра Мэтта.

Мне нравится Ким. Как и ее брат, она всегда добродушная и веселая. Она в курсе всех последних сплетен, но сама никогда не распространяет их.

— Виолетт, только потому, что мой брат полный придурок, я надеюсь, это не значит, что мы должны перестать дружить, — говорит Ким с тревожным выражением на милом личике.

— Конечно, нет, — успокаиваю я ее. — В любом случае, ты всегда нравилась мне больше него.

Ким смеется и кивает.

— Знаешь, все говорят, что ты была слишком крутой для Мэтта, так что хорошо, что он принижен. Поверить не могу, что он вместе с Райчел!

Я пожимаю плечами. Что я еще могу сказать по этому поводу?

— Ох, и я слышала, что ваш заместитель английского очень сексуален, — говорит она, открывая свой шкафчик.

— Ну, ничего так, — говорю я.

— Не нравится он мне,— категорично говорит Лорен.— Но тебе он, скорее всего, приглянется, Ким. Он блондин и выглядит неряшливым.

Все знают, что Ким равнодушна к неряшливым блондинам. Только взгляните на ее шкафчик — он забит фотографиями певца Эйдена Кросса и какого-то борца Всемирной Федерации Рестлинга — Джона Хеллера (это можно прочитать на снимке).

Эйден Кросс великолепен, и голос у него потрясающий, как и его мрачные песни. Но у другого парня — устрашающий вид: у него огромные выпуклые мышцы, и кровожадность читается в его сине-зеленых глазах. Ким одержима ими.

— Хм, возможно, мне надо будет как-то посетить ваши занятия,— говорит она, изгибая бровь. — Ладно, мне пора на работу в Фриззи Пит. Вы, девчонки, должны как-нибудь зайти туда. Моя смена заканчивается в девять.

Мы соглашаемся навестить ее попозже, затем прощаемся, и вдвоем с Лорен направляемся к парковке.

После разговора с Ким, я чувствую себя лучше. Я рада, что она все еще хочет дружить со мной, несмотря на мою ненависть к ее брату. Мне интересно, будет ли она такой же дружелюбной с Райчел?

Нет. Я быстро выбрасываю эту мысль из головы. Это меня не касается.

— По крайней мере, ты уже пережила эту первую неловкую схватку, — говорит Лорен, когда мы садимся в мою машину.

— Ага, — вздыхаю я. — И теперь все думают, что я лишилась девственности. Могу сказать, что этот год будет потрясающим.

— Ах, Ви, — утешительно говорит она. — Большинство людей думают, что ты уже давным-давно лишилась ее.

Замечательно. Спасибо, Лорен. Я всегда могу рассчитывать на то, что моя лучшая подруга заставит меня почувствовать себя лучше.

Глава 7.

Мама уезжает на свой медовый месяц, и я не хочу, чтобы она уезжала!

— Сильно не напрягайся, — говорю я ей уже в пятый раз.

Прямо сейчас мы находимся в аэропорту. Билл и Джейн тоже здесь, но я не замечаю их.

— Со мной все будет в порядке, Виолетт, — смеется мама. Ее глаза взволнованно сверкают. Она не может дождаться того момента, когда они взойдут на борт самолета.

— И помни, держись подальше от всех, кто выглядит больным. Но даже если они и не выглядят больными, они все равно могут...

— Виолетт.

Мама останавливает мое лепетание, положив обе руки мне на щеки.

— Нам больше не нужно беспокоиться об этом. Я в порядке. На самом деле, никогда в своей жизни не чувствовала себя лучше.

Я смотрю в ее горящие глаза и вижу в них счастье, и проглатываю все свои слова предостережения.

— Может быть, я просто не хочу, чтобы ты сильно веселилась без меня.

Мама улыбается и сжимает мои щеки.

— Ты всегда будешь в моих мыслях, — говорит она нежно.

— Надеюсь, что не всегда, — говорю я сквозь сжатые губы. — По крайней мере, не тогда, когда вы с Биллом будете заниматься любовью.

— Виолетт! — смеется мама, оставляя мое лицо в покое. Она поворачивается к Джейн, чтобы обнять ее на прощание.

Я смотрю на Билла, который стоит в сторонке, держа в охапке свои электронные устройства. Думаю, что он их отключил и теперь ждет момента, когда они пройдут через охрану.

— Счастливого пути, Билл, — говорю я. — Шлите мне много классных фотографий.

Он кивает мне, на его губах появляется намек на улыбку.

— Пришлю. А еще позабочусь о ней.

Я неуверенно глажу его по плечу.

— Спасибо.

Мы все прощаемся, и вскоре мама и Билл встают в очередь на посадку. В этот момент мы с Джейн шмыгаем носами.

— Разве Лили не прекрасна? — вздыхает Джейн, мечтательно провожая взглядом маму.

Мне всегда было интересно, равнодушна ли к ней Джейн. Иногда, она так смотрит на нее... это похоже на то, как я привыкла смотреть на «Твинкис».

Или как я смотрела на Зейна...

— Ну, что, малыш, — говорит Джейн, забрасывая руку мне на плечо. — Похоже, остались только мы вдвоем. Как ты относишься к пицце и пирожным на обед?

— Джейн, — отвечаю я, глядя на нее. — Думаю, мне понравится жить у тебя.

— Бог мой, Виолетт. Ты больше не можешь оставаться у меня!

Я сажусь на диване, на котором только что лежала.

— Что?

Джейн ходит взад и вперед с сотовым телефоном в руке. Ее густые черные волосы кучерявятся облаком вокруг ее головы.

— Эмили рождает прямо сейчас, — говорит она кратко. — Мне нужно ехать к ней.

Мои глаза расширяются от беспокойства. Эмили — ее единственная дочь, она беременна первым внуком Джейн.

— Разве она не на шестом или седьмом месяце?

— Шесть с половиной. Мне нужно забронировать билеты на рейс до Атланты... ох, где же я оставила свою сумочку?

Я указываю в сторону кухни.

— Я видела ее на стойке возле микроволновки.

— Спасибо. — Она в нерешительности останавливается. — Я не знаю, что мне делать... я не знаю, сколько времени мне придется быть с Эмили. Думаю, мне нужно позвонить твоей маме. Или... ты можешь у кого-то остаться?

Я кусаю губу, размышляя. Я сразу же исключаю Лорен из реальных перспектив. Ее квартира и так уже переполнена, и ее мама с подозрением относится к ночевкам чужих людей, так что я сомневаюсь, что она разрешит мне остаться.

Кто еще остается? Точно не Мэтт, по понятным причинам. Боже, я даже и не знаю. Никто из моих родственников не живет достаточно близко от Хайден Ков, и больше ни с кем из своих друзей я не настолько близка, чтобы попроситься пожить.

— Можно я останусь здесь одна? — спрашиваю я.

Джейн обдумывает мое предложение, но затем быстро качает головой.

— Нет, нет! Весь смысл твоего проживания здесь заключался в том, чтобы ты не оставалась одна. Лили сойдет с ума. Ох, я не хочу делать это, но у нас нет другого выбора. Думаю, я позвоню ей...

— Нет, подожди!

Я ни за что не позволю прервать поездку своей мамы, о которой она так мечтала. И зная ее, уверена, что она сразу же сядет на самолет и вернется домой. Я не могу позволить ей сделать это.

— Знаешь, что? Я могу остаться у Лорен, — быстро говорю я. — Все нормально. Я могу поспать на диване, без проблем.

Джейн колеблется.

— Ты уверена? Позвони ей прямо сейчас и спроси.

— Э-э... хорошо.

Я вскакиваю с дивана и хватаю свой телефон с журнального столика. Делаю вид, что набираю номер, и иду на кухню, уединяясь. Затем, в случае если Джейн слушает, я притворяюсь, что разговариваю с Лорен, а она разрешает мне остаться у нее.

Когда я возвращаюсь в гостиную, Джейн смотрит на меня с надеждой. Я выдавливаю из себя улыбку и киваю.

— Она согласилась.

Джейн облегченно вздыхает.

— Ох, слава Богу! Ладно, мне нужно забронировать себе билет онлайн, а также собрать вещи. Дорогая, ты не могла бы заказать мне билет? Мои кредитные карты в сумочке, используй бизнес-карту. Я не думаю, что на других хватит денег для покупки.

— Конечно, без проблем.

Я бронирую ей один билет на самолет отсюда до Атланты, вылет сегодня вечером в 19:50, через пять часов.

Джейн неистово бежит вокруг, собирая свои чемоданы и беспокоясь о своей дочери. Я пытаюсь не путаться у нее под ногами и делаю все, что она попросит.

Наконец, она собралась и теперь ждет, пока я отвезу ее в аэропорт. Она нервно проверяет сумочку, убеждаясь, все ли взяла.

— Я ведь отдала тебе ключ? — снова спрашивает она, когда мы направляемся к двери.

— Да.

— Хорошо. Я позвонила Линде из соседнего дома и попросила ее приглядывать за квартирой и поливать растения, так что тебе не придется беспокоиться об этом. Ох... не могла бы ты разобраться еще и со скоропортящимися продуктами в холодильнике? Забери их с собой или выброси.

— Ладно. И успокойся, я обо всем позабочусь, и, если ты забыла что-то, я всегда смогу оправить тебе это по почте.

— Верно, верно. — Джейн громко выдыхает. — Бедная Эмми. Она так сильно плакала по телефону.

Я глажу ее по руке.

— Ей станет лучше, как только ты приедешь к ней.

— Да. Виолетт, извини! Пожалуйста, скажи Лили, что я очень сожалею.

— Нет, не переживай из-за этого, — я стремительно прерываю ее. — Со мной все будет хорошо. У нас с Лорен будет расширенная ночевка, все будет здорово. Но сделай мне одолжение, не говори ничего об этом маме. Она будет переживать.

Джейн поправляет свои кудри.

— Ты права. Я даже ничего не скажу ей об Эмми. Зная ее, уверена, что она сразу же отправится в Атланту, чтобы помочь. Но, Боже, как же я ненавижу врать ей.

— Все будет в порядке, — говорю я уверенно, заводя машину. — Мама повеселится так, как она того заслуживает, ты позаботишься о своей дочери, а я буду в безопасности с Лорен. Все получится.

Жаль, что я не могу поверить своим же словам, учитывая, что я только что сделала себя бездомной.

Я оказываюсь в аэропорту во второй раз за эти два дня. Еще раз обняв меня и напомнив, чтобы я заперла дверь перед уходом, Джейн поспешила на посадку.

Ладно, что теперь? Я могу, конечно, остаться в квартире на день или два, но не больше. Возможно, я могла бы прятаться в шкафу каждый раз, когда соседка Джейн будет приходить и все проверять?

Ага, я могу ясно представить, как все обернется, когда соседка внезапно решит полюбопытничать и открыть дверь... и все закончится тем, что меня арестуют.

Что же мне делать?

В этот раз я по-настоящему звоню Лорен, чтобы узнать, есть ли у нее какие-то идеи. Она пытается спросить у своей мамы, могу ли я остаться, но та возмущается, что означает — нет.

— Что ты собираешься делать? — хочет знать Лорен.

— Не знаю, — отвечаю я, стараясь, чтобы в моем голосе не звучала паника. — Я что-нибудь придумаю.

Я кладу трубку, затем падаю на диван Джейн, просматривая свой жалкий короткий список контактов.

Я останавливаюсь на последнем имени. Крошечное семя надежды прорастает в моей груди. Но осмелюсь ли я позвонить ему?

Есть ли у меня выбор?

Я не звоню. Я решаю просто показаться. Не знаю. Где-то в моей голове появилась идея, что ему будет сложнее отказать мне, если я покажусь на его пороге со своими чемоданами и с выражением лица, как у печальной панды.

Я действительно собираюсь сделать это? Еще как!

Я была у того дома лишь однажды, когда мама проводила для меня быструю экскурсию.

Новый дом Билла (и наш тоже) — большой особняк с личной подъездной аллеей и с каменным фонтаном во дворе. Я думаю, что он похож на средиземноморскую виллу с этими красными черепичными крышами и с большими блестящими окнами.

Внутри все также великолепно. Мне нравятся сводчатые потолки и элегантно изогнутая лестница. Кроме того, в доме есть семь спален и восемь ванных комнат!

Я даже не могу представить нас с мамой, живущих там. Что мы будем делать со всем этим пространством?

Но эти счастливые мысли отложим на потом.

Я подъезжаю к задней части особняка, где находится домик, рядом с которым, конечно же, расположен олимпийского размера бассейн.

Медленно, я вылезаю из машины, все больше и больше сомневаясь в своем плане. Должна ли я взять с собой чемодан, чтобы выглядеть более жалкой? Нет, это уже перебор. Если он откажет, я буду чувствовать себя нелепо. Может, мне лучше уйти.

Нет, я не могу. Мне некуда идти. Если он скажет «нет», я облажаюсь.

Домик у бассейна милый и соответствует стилю главного дома. Он выглядит меньше, чем я помню, и я молюсь, чтобы в нем оказалась не одна комната.

Свет включен. Он дома. Сделав глубокий вдох, я быстро стучу в дверь. И жду.

Ого, а он долго не открывает. Я вытираю свои потные ладони о джинсы и готовлюсь постучать еще раз.

Дверь открывается, и я едва останавливаюсь, прежде чем стукнуть кулаком по его груди.

По его обнаженной груди.

О. Мой. Бог.

Вид Зейна без рубашки — прямо откровение какое-то. Он весь — кожа (ровного, медового оттенка) и гладкие мускулы. Его плечи широкие и крепкие, а грудь и мышцы живота четко обозначены, они, должно быть, были высечены из гранита.

Мои глаза продолжают свое путешествие вниз к его тонкой талии и... о Боже. Верхняя пуговица его джинсов расстегнута.

По непонятной причине, незастегнутая пуговица заводит меня, как самая сексуальная вещь на свете. Страсть взрывается в моем теле при виде этого зрелища.

Так сексуально!

— Виолетт.

Хриплый голос Зейна вытаскивает меня из сексуально-озабоченной комы. Он проводит рукой по своим взъерошенным, очень привлекательным, волосам, которые торчат в разные стороны, как будто он только что встал с постели.

— Что ты делаешь здесь?

— Э-э, — я нервно откашливаюсь. — Мне вроде как нужно место, где я смогла бы пожить.

В быстром потоке слов я объясняю ему сложившуюся ситуацию. Он молча слушает с бесстрастным выражением лица, опираясь рукой на дверной косяк. Его выпуклые бицепсы очень сильно отвлекают меня.

— Обещаю, что не буду тебе мешать, — делаю вывод я. — Ты даже не будешь знать, что я здесь.

Медленная улыбка поднимает уголки его рта вверх.

— Почему-то я сомневаюсь в этом.

Он открывает дверь шире, и я воспринимаю это, как приглашение осторожно проскользнуть мимо него. Мм, вкусняшка, он пахнет, как теплый сексуальный мужчина, вставший только что с постели.

Я оглядываю новую обстановку. Этот домик немного больше нашей старой квартиры, и у него довольно простая планировка.

Гостиная прямоугольной формы скудно украшена — в ней размещены диван L-образной формы и кресло, повернутое к впечатляющего вида телевизору с плоским экраном. Я удивленно замечаю, что развлекательная зона содержит все виды игровых автоматов, известные человечеству. Также перед диваном стоит стеклянный кофейный столик, несколько торшеров и причудливый книжный шкаф, который набит классикой в кожаных переплетах.

Небольшая открытая кухня находится слева, и я рада, что внутри все опрятно и чисто, нет никакой грязной посуды в раковине или пустых упаковок от пиццы на стойке.

Как раз напротив входной двери находится короткий коридор, который, как я полагаю, ведет к спальням и ванным комнатам.

Я как раз собираюсь пойти и проверить эту догадку, когда из открытых дверей внезапно появляется высокая, потрясающе красивая девушка.

Мои глаза расширяются от шока и испуга. Мисс Супермодель одета лишь в крохотные стринги.

Без намека на смущение она плавно направляется к Зейну, откинув свои длинные блестящие волосы.

— Зейн, — говорит она сиплым голосом с акцентом. — Возвращайся в кровать.

Он улыбается ей, когда она обнимает его за шею своими тонкими руками.

— Наташа, у нас гости.

«Наташа» бросает на меня ленивый взгляд своими темными экзотическими глазами.

— Кто это? Она пришла к нам на вечеринку?

Что? Фу!

Зейн замечает мою ужасающую реакцию и ухмыляется.

— Нет. Это моя сводная сестра. Почему бы тебе не одеться?

Супермодель мило надует губки. Она что-то шепчет ему на ухо, заставляя его сексуально рассмеяться.

Он кладет руку ей на бедро и бормочет что-то в ответ.

Что за черт? Я стою тут в смущении, стараясь смотреть куда угодно, только не на них. Почему только я одна смущена? Это ведь они полуголые здесь!

Наташа бормочет что-то на незнакомом языке, а затем направляется обратно в комнату, соблазнительно покачивая бедрами.

Глаза Зейна, кажется, приклеились к ее заднице.

— Я скоро вернусь, — говорит он мне, а потом следует за ней в комнату, закрывая за собой дверь.

Я стою как вкопанная, ожидая. Должна ли я уйти? Им лучше бы не заниматься там сексом.

Кажется, прошли часы, прежде чем они, наконец, появились. Наташа, к моему облегчению, оделась.

Она одета в тонкое серое платье, убийственные черные ботинки, а на ее лице играет самодовольная улыбка. Зейн накинул рубашку с длинными рукавами, но не застегнул ее. Они оба выглядят романтичными и сексуальными, как будто только сошли с обложки колоритного шпионского романа.

Мисс Супермодель бросает в мою сторону взгляд, ухмыляясь, когда уходит. Моя вежливая улыбка исчезает с лица. Она говорит что-то Зейну на своем языке (возможно, на русском?), слегка обернувшись. Он просто смеется и качает головой.

Как только она ушла, я поворачиваюсь к нему.

— Что она сказала? Это она обо мне?

Зейн закрывает дверь и изучает меня из-под полуприкрытых глаз.

— Ты не хочешь об этом знать.

Я хмурюсь и неловко переступаю с ноги на ногу.

— Это твоя девушка?

— У меня нет девушки. Есть какие-то сумки?

— Э-э, да, в машине.

Он протягивает руку.

— Дай мне ключи, и я принесу их тебе. А пока, чувствуй себя как дома.

Я шарю в кармане в поисках ключей и бросаю их ему.

— Спасибо.

— Без проблем. Скоро вернусь.

Зейн выходит, и я сразу же приступаю к изучению домика. На кухне есть стеклянная раздвижная дверь, которая ведет прямо к бассейну. Мило.

Направляюсь в коридор. Первая комната маленькая и содержит большую двуспальную кровать, комод и антикварный туалетный столик. Из окна открывается вид на главный дом. Я с облегчением улыбаюсь. Эта комната идеально мне подходит. Ладно, давайте проверим ванную.

Ванная прямо по соседству и выглядит идеально чистой, что замечательно. В ней есть туалет, раковина и...

Нет душа.

Я осматриваюсь вокруг. Где душ? Ох, это нехорошо.

Я просовываю голову в другую комнату, в комнату Зейна. Мои глаза скользят по огромной кровати, комоду, письменному столу, книжному шкафу... и там есть еще одна дверь. Главная ванная комната.

Я слышу, как открывается передняя дверь и бегу назад. Зейн несет все мои сумки так, как будто они ничего не весят.

— Почему в моей ванной нет душа? — возмущаюсь я так, как будто это его вина.

— Потому что нет. Душ есть только в главной ванной комнате, — говорит он. И проходит мимо меня в мою спальню.

Я следую за ним и наблюдаю, как он скидывает мои сумки на кровать. Когда я все еще продолжаю пялиться на него, он поднимает бровь.

— Какие-то проблемы?

— Ну, да! — я всплескиваю руками. — Так не пойдет! Мне нужен душ.

— Душ есть только в моей ванной, — говорит он, пожимая плечами.

Я потрясенно смотрю на него.

— Я не смогу просто так заходить в твою комнату.

— Да, я надеюсь, что перед этим ты постучишься. Ничего страшного, Виолетт.

Зейн выходит и направляется в свою комнату. Он останавливается в дверях и жестом подзывает меня.

— Пошли.

Я с опаской смотрю на него. Мне бы хотелось, чтобы он застегнул свою рубашку. Тогда я смогла бы лучше соображать. Распахнутая рубашка подчеркивает его безупречную кожу и крепкие мышцы. Прямо сейчас я и правда чувствую себя извращенкой, я не могу перестать пялиться на его грудь.

Тем временем, Зейн ждет. Он скрещивает свои впечатляющие руки на своей, не менее впечатляющей, груди.

— Не бойся, малышка, — усмехается он. — Я не кусаюсь.

Тьфу ты!

— Зато я кусаюсь, — ворчу я, протискиваясь мимо него.

— Нужно будет запомнить это, — смеется он.

Он подумал, что это значит что-то неприличное? Не понимаю почему — этих парней не разберешь.

Ох, не важно. Я стою вместе с Зейном в его комнате! Вокруг все пахнет им — свежестью и ароматом мужского геля для душа, а еще сохранился аромат каких-то экзотических женских духов. Я не могу оторвать взгляд от его кровати, где, он, возможно, только что занимался сексом с той девушкой Наташей. От этой мысли я краснею.

Я не хочу представлять, как Зейн занимается сексом. Э-э... ведь так? Совсем не хочу.

Нет.

— Я редко бываю дома, — звучит его голос позади меня. — Уверен, что мы сможем согласовать расписание. Ванная вон там.

— Хорошо.

Я осторожно проверяю ванную. Она действительно красивая и большая. Двойная раковина, стеклянная душевая кабина и... ох!

— Гидромассажная ванна! — восклицаю я, наклоняясь, чтобы лучше рассмотреть ее. — Струи регулируются?

— Надеюсь, что да.

Почему его голос кажется таким довольным? Я оборачиваюсь и изучаю его с подозрением. В ответ он лишь невинно улыбается.

— Мышцы спины иногда перенапрягаются, — говорю я, уточняя. — Когда что-то горячее и твердое направлено на меня, это, несомненно, помогает мне расслабиться.

Улыбка Зейна становится только шире.

— Не сомневаюсь.

О Боже, что я только что сказала?

— Это не то что... я имела в виду струи, не тебя! — Я быстро отступаю назад. — Не то, чтобы ты когда-нибудь направил на меня что-то горячее и твердое! То есть... я говорила о струях, не о твоём... точно не о тебе!

Я делаю глубокие вдохи, задыхаясь. Перестань говорить, Виолетт! Заткнись! Я опускаюсь на край ванны, на самом деле ужаснувшись своим поведением и дрожа от унижения.

— Виолетт.

Зейн приседает передо мной и гладит меня по колену.

— Все хорошо, — говорит он сочувственно. — Я знаю, что ты имеешь в виду.

Я смотрю на него.

— Я не пыталась вести себя, как извращенка! Это твоя вина — сначала ты открыл дверь без рубашки, а затем та голая девица... и вы с ней... прямо передо мной! Ну, неудивительно, что в моей голове крутятся одни грязные мыслишки.

— Я... извиняюсь?

— Спасибо, — я резко встаю. — Ладно, я... пойду. У меня завтра занятия, а сейчас...

Я смотрю на свой телефон.

— Восемь часов. Мне как раз пора в постель. Так что... спасибо, что разрешил мне остаться. А теперь, пока.

Не скажу, что я ушла оттуда спокойно — я убежала со всех ног.

Да, все прошло отлично. А теперь пойду-ка я, задушу себя подушкой.

Глава 8.

— Говядина и брокколи, — объявляет Лорен, подняв крышку от кастрюли над плитой. Вся кухня наполнена вкусными ароматами говядины и соуса. Она достает ложку из ящика, набирает немного бульона и передает ее мне.

Я немного дую на бульон, чтобы остудить его, а затем осторожно пробую.

— Вкусно, — заявляю я.

Сегодня я ужинаю у Лорен. Мы нянчимся с близнецами и малышкой Брианной, пока мама Лорен отрабатывает двойную смену в больнице.

Я люблю Брианну. Она — милейшее создание со светлыми локонами и большими серыми глазами. Она милая и спокойная. Сейчас у нее режутся зубки, но она только тихонько посапывает у меня на плече. Это так мило. По тому, как она дышит, мне понятно, что она вскоре заснет на всю ночь.

— Рис еще не готов, — говорит Лорен, заглядывая в кастрюлю. — Осталось несколько минут.

— Хорошо, — говорю я. — Пойду, уложу Брианну. Она уже заснула.

— Ох, можешь сказать близняшкам, что уже пора мыть руки перед ужином?

Я тихо стону.

— Я правда должна это сделать? Я все еще не оправилась от того раза, когда застала их, целующих взапуск постеры Эйдена Кросса.

Лорен смеется, даже когда кривит лицо.

— Они были смущены больше, чем ты.

— Да, прежде я никогда не видела такой оттенок красного на человеческом лице.

Я аккуратно укладываю малышку в кровать в комнате мамы Лорен. Она тихонько вздыхает и переворачивается на бок, как же это мило!

Интересно, что я буду делать, если когда-нибудь мама скажет мне, что беременна? Я буду радоваться и ужасаться одновременно.

Я включаю радио-няню и прихватываю с собой другую часть оборудования, чтобы мы смогли услышать Брианну. Потом я иду через коридор в комнату Лорен, которую она делит с близняшками.

— Ужин скоро будет готов, — говорю я, заглядывая в комнату. — Лорен сказала, чтобы вы шли мыть руки.

Слава богу, что они всего лишь красят ногти на ногах. Две одинаковые головы поднимаются, чтобы посмотреть на меня.

— Что у нас сегодня на ужин? Пахнет вкусно, — интересуется Эшли.

— Говядина и брокколи.

Близнецы обмениваются взглядами.

— Это вкусно, — говорю я перед тем, как уйти.

— Эй, Ви?

Голос Кайли останавливает меня.

— Да?

— Правда, что ты теперь живешь с парнем?

— Что?! — я смотрю на хихикающих девочек. — Девчонки, вы снова подслушивали?

— Он и вправду такой сексуальный? — спрашивает одна из мелких монстриков.

— Вы спите в одной постели? — ухмыляется другая.

— Нет! Я даже не... фу! Знаете что? — я предостерегающе указываю на них пальцем. — Хватит подслушивать! И я ни с кем не сплю!

— Тогда вот почему ты такая ворчливая?

Близняшки заливаются смехом. Мелкие пошлячки. Я убегаю.

— Твои сестры — порождение зла, — говорю я Лорен, когда возвращаюсь на кухню. — Они подслушали, как мы разговаривали о моих новых жилищных условиях. Они даже спросили меня, сплю ли я с Зейном!

Лорен смеется.

— Видишь, ты помнишь, как жаловалась на то, что единственный ребенок в семье? Вот почему я хотела ударить тебя.

— Да, я хотела маленькую сестричку или братика, а не адских подростков.

— Ха, ну, младенцы, в конечном итоге, вырастают, — Лорен снова проверяет рис. — Готово. Итак, как поживает твой сексуальный сожитель?

— На самом деле, я не видела его, — говорю я, пожимая плечами. Достāju четыре тарелки из шкафа и передаю Лорен, чтобы она накладывала в них еду. — Он практически никогда не бывает дома, а когда бывает, то появляется, как правило, каждый раз с новой горячей штучкой. Я как будто живу в доме братства.

— Твоя мама сойдет с ума, если узнает.

— Да знаю я! Я разговаривала с Джейн сегодня утром. Она сказала, что температура у ребенка понизилась, и прогнозы довольно оптимистичные.

Лорен с облегчением улыбается.

— Замечательно. А как ее дочка?

— В порядке. Врачи теперь говорят, что у ребенка девяносто процентов шансов на выживание, чему они рады. Джейн говорит, что она, возможно, прилетит обратно домой уже к концу месяца, потому что ей придется заняться своим магазином.

— Она уже разговаривала с твоей мамой?

— Да, но держала рот на замке. Она очень не хочет испортить мамино счастье, точно так же, как и я. — Я забираю тарелки, которые протягивает мне Лорен и ставлю их на стол.

— Она хотела рассказать маме правду, когда та вернется, но я пресекла эту идею в зародыше. Зачем ее расстраивать? Я же ничем таким с ним не занимаюсь.

— Угу. Это лишь вопрос времени, — предсказывает Лорен. — Он тебе нравится.

— Я едва знаю его, — огрызаюсь я. — Видела бы ты тех девушек, женщин, с которыми он встречается. Я совсем не в его вкусе.

— Точно. Ложка или вилка?

— И то, и другое. Так что, ты и вправду думаешь, что я не его тип?

Она закатывает глаза.

— Не знаю, я никогда не встречала его. Хочешь холодного чая?

— Я налью сама, — я иду к холодильнику, чтобы достать кувшин. — Ладно, думаешь, я...

Я обрываю себя, когда близняшки, подпрыгивая, появляются на кухне. Как всегда. Я не знаю, почему меня заботит во вкусе Зейна я или нет. Как будто это имеет значение. Уверена, что он видит во мне только свою будущую сводную сестру — глупенькую, лепечущую дурочку, с которой он вынужден жить целый месяц.

Боже, какая же я неудачница. Сохну по парню, который никогда и не посмотрит в мою сторону. Даже Мэтт не хотел меня, почему же такой парень, как Зейн, захочет? И почему я хочу этого? Он каждый день с новой девушкой, очевидно, что он бабник.

Тьфу ты. Мне нужно перестать думать о нем.

После ужина, Лорен спрашивает, не хочу ли я начать писать наши эссе по английскому. Я напоминаю ей о том, что завтра начинаю работать, так что мне надо лечь пораньше. Потом Эшли говорит что-то о моем парне, который жаждет уложить меня в кровать. Поэтому я ухожу, чтобы мне не нужно было придумывать умный ответ.

По дороге домой я пытаюсь мысленно подготовить себя к подъему в пять часов утра. Я буду работать в утреннюю смену с 6 до 14 часов в доме престарелых «Сансет Паркс». Я буду там работать уже второй год в качестве помощника пожилых людей. Моя работа в основном заключается в оказании помощи пожилым людям в их повседневных действиях — я бужу их с утра, убираю в комнатах, помогаю принять душ и прочее.

На самом деле, эта работа намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Мне приходится стараться, чтобы успеть сделать все вовремя.

У каждого постояльца свой режим, которого он строго придерживается, и я никогда не узнаю о нем, если не доберусь до комнаты вовремя. Старички сильно не заморачиваются, а вот дамы... они нажимают на кнопки вызова, даже если ты опаздываешь всего на несколько минут.

Мне нравится там работать, и я люблю всех своих стариков. Как только вы выработаете график и узнаете распорядок каждого постояльца, все становится намного легче. Я работала там прошлым летом и на выходных во время учебы в школе, так что я знаю этих ребят достаточно хорошо. Я соскучилась по ним и должна была проведать их раньше, но у меня не было времени.

Интересно, заселились ли новые постояльцы, и я пытаюсь не думать о тех, кого мы, возможно, потеряли.

Когда я приезжаю домой, то сразу проверяю, не стоит ли в гараже машина Зейна. И, конечно же, ее там нет. Не знаю, стоит ли чувствовать облегчение или разочарование.

Я решаю, что долгий горячий душ как раз поможет мне заснуть и поднимет настроение. Я беру свои вещи и иду в комнату Зейна.

Как всегда, я не поддаюсь искушению порыскать вокруг. Как и я, Зейн не тяготится украшением своей комнаты. Она содержит только самое необходимое, никаких личных безделушек или фотографий. У него на столе стоит на вид очень дорогой ноутбук, но нет никаких признаков другого компьютерного оборудования. А я-то думала, что у разработчика программного обеспечения должно повсюду быть наткано много разной высокотехнологичной ерунды. Но скольких разработчиков программного обеспечения я знаю, особенно таких, которые выглядят, как Зейн?

Ну, по крайней мере, он не неряха. Эй. Что же у него в шкафу?

Чувствуя себя храброй, я быстро осматриваюсь там. Хмм... много одежды, обуви, гантели... ох, здесь хорошо пахнет чем-то, похожим на пряный, древесный одеколон.

Кажется, я слышу стук двери и отскакиваю от шкафа на милую. Оказывается, это всего лишь моя паранойя. Я спешу в ванную.

Принять душ было отличной идеей. Я чувствую себя сонной и расслабленной. Надеваю любимую розовую майку и подходящие к ней пижамные штаны, потом использую свою ванную, чтобы почистить зубы, и все — я готова.

Ладно, пора на боковую.

Я ложусь на кровать, но не могу устроиться поудобней. Ненавижу, когда знаю, что мне нужно быть где-то утром и обязательно необходимо хорошо выспаться. Обычно я ворочаюсь в течение нескольких часов.

Так не пойдет. Решаю встать. Я вроде как голодна, так что, возможно, после того, как чем-нибудь перекушу, смогу заснуть.

Одна хорошая вещь в проживании здесь — это то, что на кухне всегда полно еды. Зейн нечасто бывает здесь, но кто-то наполняет холодильник и шкафы всякой здоровой фигней. Я покупала фаст-фуд, но не прикасалась к нему. В последнее время мне кажется, что я много ем.

Неудивительно, что моя одежда сидит на мне туго. Я должна прекратить это. Возможно, мне нужно снова начать танцевать. Раньше это было отличным тренажером для моего тела.

Моя голова находится в холодильнике, в ожидании того, что что-то вкусное выпрыгнет и попадет мне в рот, когда я слышу какой-то шум позади.

Я негромко вскрикиваю и оборачиваюсь, мое сердце бешено стучит.

Каким-то образом оно начинает стучать еще быстрее, когда я вижу Зейна, облокотившегося предплечьями на стойку. Он выглядит немного уставшим, но безумно красивым в своих черной рубашке и джинсах.

— Привет, Виолетт, — говорит он, кивая мне. — Что ты делаешь?

— Н-ничего, — заикаюсь я, застигнутая врасплох. Я быстро выпрямляюсь и закрываю дверцу холодильника. — Я просто искала, чего бы перекусить перед тем, как пойти спать.

— Так рано? — он поднимает бровь и проверяет время на микроволновой печи. — Сейчас девять часов пятничного вечера.

— Да, ну, я работаю завтра, — объясняю я. Когда замечаю, что его взгляд устремлен вниз, я вдруг вспоминаю, что на мне нет бюстгалтера. Я складываю руки на груди как можно небрежнее, и застенчиво откашливаюсь.

Мне нравится эта его полуулыбка. Она медленно поднимает уголки его рта вверх.

— Где ты работаешь?

Я рассказываю ему о своей работе в выходные дни в «Сансет Паркс», а он внимательно слушает. Я даже рассказываю ему о Хейлиз, моей любимой постоялице.

— Раньше она была бухгалтером в какой-то большой голливудской студии и путешествовала по всему миру. У нее есть много интересных историй, ты бы слышал ту, когда она провела неделю в мексиканской тюрьме.

— Да? Звучит многообещающе. Мне хотелось бы услышать, — говорит он, его темные глаза наполнены заинтересованностью.

— Не уверена, что ты действительно захочешь. История включает в себя деревянную куклу, досмотры полостей тела и э-э перевоз кокаина.

— Ты права, думаю, я пас, — говорит он со смехом. — Кроме того, думаю, я уже и так достаточно услышал.

Я улыбаюсь ему. Ничего не могу поделать, но он очень, очень милый!

Внезапно я теряюсь и не могу придумать, что бы такого сказать. Я просто стою, скрестив руки, переминаясь с ноги на ногу. Надеюсь, он не думает, что я хочу в туалет.

После минуты полной тишины мы одновременно начинаем говорить.

— Думаю, мне лучше...

— Может когда-то...

Мы оба начинаем смеяться.

— Что ты собирался сказать? — застенчиво спрашиваю я его.

Но он лишь качает головой.

— Ничего важного. Ведь тебе лучше пойти немного отдохнуть? Спокойной ночи, Виолетт.

Я наблюдаю, как он медленно потягивается, подол его рубашки немного поднимается и открывает плоский живот. У меня пересыхает во рту. Все, что я могу выдавить из себя до того, как он уходит в свою комнату — это кивок.

Я — неудачница! Когда он ушел, я позволила своей голове со стуком опуститься на стойку. Ох. Кажется, я только что заработала себя сотрясение мозга. Ах, Виолетт, ты просто находка.

Глава 9.

На следующее утро я просыпаюсь с чувством похмелья. Не то, чтобы я знаю каково это, ведь я не пью.

И не курю, и не принимаю наркотики. Ладно, я — хорошая маленькая девственница.

Хорошо было бы быстренько принять душ, чтобы проснуться, но Зейн дома, так что я ни за что не пойду в его комнату.

Мне приходится довольствоваться одним только брызганьем холодной воды себе в лицо. Ядвигаюсь, как зомби, пока переодеваюсь в свою голубую рабочую форму и закручиваю длинные волосы в тугий пучок. По пути я хватаю бодрящий напиток из холодильника, надеясь, что это придаст мне энергии.

На улице все еще темно, что заставляет меня чувствовать себя подавленной из-за того, что я не лежу сейчас в своей уютной постели. Зевая, я сажусь в машину и начинаю пятнадцатиминутный путь на работу.

«Сансет Паркс» — это большое белое двухэтажное здание, окруженное деревьями и яркими цветами. Средств на содержание дома престарелых выделяется не очень много, и все могло выглядеть гораздо хуже. Но здесь прилагают усилия, чтобы сделать здание более красочным и первоклассным.

Я паркуюсь позади дома, в секции для работников. Я счастлива снова пройти сквозь эти стеклянные двери, но все же надеюсь, что не произошло слишком много изменений с того последнего раз, как я была здесь.

Когда я вбегаю внутрь, то сталкиваюсь с Лиз. Она приветствует меня объятиями и сразу начинает вводить в курс дела. Супруги Фриманы умерли с разницей в неделю. Это печально, но не удивительно, и я рада, что они умерли практически в одно время. Я узнаю, что у Джинни был инсульт, и это шокирует меня. Джинни была даже в лучшей форме, чем я, она каждый день занималась плаванием.

— Недавно к нам прибыли два человека, но они довольно самостоятельны, — говорит Лиз. — Ох, и Хейлиз спрашивала вчера, когда вернется ее «цветочек».

— Ой, — говорю я. — Как она?

— Все по-прежнему, — отвечает она, завязывая свои темные волосы в хвост. — Но Ирма сломала себе правое бедро месяц назад, так что теперь ей требуется помощь в полной мере.

— Бедная Ирма.

Мы направляемся в офис для встреч. Все приветствуют меня, обнимая, и спрашивают о том, как прошли мои каникулы на Гавайях. Но было ли это действительно каникулами, если я работала каждый день в пекарне?

По мнению окружающих, пока ты находишься на Гавайях — ты в отпуске.

Я просматриваю журнал постояльцев, пока проходит наше собрание, чтобы узнать, появились ли новички. После его окончания, я хватаю свою рацию, пейджер и направляюсь в кладовую, чтобы получить коробку с салфетками. Хейлиз всегда нужны салфетки, и она первая в моем списке.

Она уже проснулась, лежит в своей постели.

— Проснись и пой, женщина, — объявляю я, включая свет.

Ее ясные голубые глаза мигают.

— Не мой ли цветочек я слышу?

— Единственный и неповторимый, — я выключаю её кислородный концентратор по пути к кровати. — Доброе утро, красавица.

Хейлиз хмурится, что заставляет ее нежную кожу собраться складочками вокруг рта и глаз.

— Я вот лежу здесь и пытаюсь вспомнить твое имя. Лили, да?

— Близко. Лили зовут мою маму. Я — Виолетт.

— Ах, точно.

Я помогла ей отбросить одеяло и начала долгий процесс поднимания её на ноги. Затем мы начали работать над распутыванием носовой канюли из ее красивых седых волос. Между делом, я рассказываю ей о своем лете на Гавайях и о неожиданной помолвке мамы.

— А чем же занимались Вы? — спрашиваю я, толкая ее инвалидную коляску.

— Ох, да все тем же. Здесь не очень сильно все изменилось, — она устало вздыхает, заправляя в рукав своей ночной рубашки салфетку.

— Никаких оргий? Танцев на столе?

Хейлиз хохочет.

— Ох, мои деньки с танцами на столе давно канули в Лету. Рассказывала ли я тебе о том, как в Негалесе федералы приняли меня за проститутку?

Вот, что мне так нравится в Хейлиз. Вы можете сказать ей все что угодно, а она дополнит это чем-то безрассудным.

Я поднимаю ее, сажаю в кресло и везу к ванной комнате. Когда мы проходим мимо ее мини-холодильника, я достаю из кармана магнитик и цепляю его на дверцу.

— Я привезла Вам сувенир с Гавайев,— говорю я, останавливаясь, чтобы она смогла рассмотреть его.

— Ох, милочка! — Хейлиз всматривается в магнит, а затем слегка хмурится. — Виолетт! Это что, влагалище?

— Что?! Нет, это горбатый кит с открытым ртом! Вот, наденьте очки.

Я передаю ей очки, и она надевает их.

— Ох, теперь вижу! — восклицает она. — Это одна из тех картинок, на которые вы должны смотреть, пока не увидите, что там нарисовано.

— Вообще-то, нет, — возражаю я, заводя ее в ванную.

После того, как я устроила ее там, отправилась убирать комнату. Я застилаю ее кровать так, как она любит, и выбрасываю все мятые салфетки, которые она насобираала отовсюду. Гадость.

Странно, с какой же легкостью я вернулась к своей рабочей рутине. Я провожаю всех своих постояльцев вниз для завтрака, прежде чем осознаю, что уже наступает время ланча и время пересменки. Я задерживаюсь еще на несколько минут, чтобы дожидаться девочек из следующей смены, а затем спешу домой.

Все прошло замечательно! Я даже не устала. Я не могу дождаться того момента, когда смогу как следует отмокнуть в ванне, а потом перекусить чего-нибудь. Возможно, я даже смогу съесть целый пирог. Я так проголодалась! Из-за всей этой беготни.

Как обычно, я проверяю гараж, чтобы понять, есть ли Зейн дома, но там нет его машины. Если я все-таки и чувствую разочарование, то стараюсь не обращать на это внимания.

Как только я оказываюсь в доме, то сразу же хватаю свои вещи, наушники и несколько свечей, а затем мчусь прямо в ванную.

Я действительно нуждаюсь в расслабляющей ванне. Я быстро скидываю свою рабочую форму и включаю воду. Пока набирается вода, я зажигаю свечи и выключаю свет. Звук бегущей воды и мерцание огней успокаивают меня и одухотворяют, будто у меня при себе есть крестик или алтарь.

Притворившись, что я — девственная жертва, погружающаяся в чистую воду, аккуратно ступаю в ванну.

Ах.

Все мое тело вздыхает от счастья, когда я погружаюсь в горячую воду. Все струи включены, ванильные свечи разносят ванильный запах... рай. Я вставляю наушники в уши и включаю какую-то песню Эйдена Кросса.

Думаю, я задремала на какое-то время. Следующее, что я помню, так это то, как я моргаю глазами и вяло потягиваюсь в холодной воде, полностью расслабленная.

Как же хорошо! Я вылезаю из ванны, и мой живот отчаянно бурчит. Подходящее время для перекуса. Я вытираюсь и надеваю длинный белый сарафан, затем я

прибираю после себя. Не хотелось бы, чтобы Зейн считал меня неряхой. Я собираю свои вещи, открываю дверь и ...

Аааааа!

Первое, что я вижу — это голая девица, ползающая по кровати Зейна.

На этот раз это не Наташа, это какая-то блондинка, если верить моим глазам, находящимся в состоянии шока.

Я стою, как вкопанная. Голая блондинка замечает меня и кричит, хватая простыню, чтобы прикрыть себя. Зейн лежит в непринужденной позе на своей кровати, полностью одетый, руки сложены под головой.

— Привет, — говорит он, поворачивая голову, чтобы посмотреть на меня. — Не знал, что ты дома.

Он произносит это так спокойно!

— О Боже, мне так жаль! — вырывается у меня изо рта, который я закрываю руками. — Клянусь, я понятия не имела, что ты дома! Я просто принимала ванну со свечами и включенной музыкой, и кажется, я заснула с наушниками...

— Не беспокойся, — говорит Зейн с полуулыбкой на губах. — Виолетт, это Анна. Анна, моя соседка Виолетт.

— Привет, — я неуверенно машу ей, отчаянно пытаюсь представить ее одетой.

Быстро, я должна что-то сказать, чтобы развеять эту неловкую ситуацию!

— Хм... прикольная задница!

Точно не это надо было говорить.

— О Боже, я не это имела в виду!

Голая девица смотрит на меня, ооченев. Она складывает руки на груди и отодвигается от меня, как будто я какая-то извращенка!

— Я просто пыталась завязать разговор. Я не хотела, чтобы это прозвучало с сексуальным подтекстом, — лепечу я, усугубляя ситуацию. — Это было просто наблюдение. Да, я, наверное... пойду. Ладно.

Я смотрю вниз, себе под ноги и убегаю оттуда. Я не останавливаюсь, пока не оказываюсь в своей комнате. Падаю на кровать лицом вниз и приказываю себе не двигаться в качестве наказания за тупое поведение.

Спустя двадцать минут или час, раздается стук в дверь. Я не отвечаю, но кто-то все равно заходит.

Зейн. Я могу чувствовать его присутствие даже в крошечной тьме.

— Эй, — говорит он, и я чувствую прикосновение к моей ноге. — Ты в порядке?

— Да, я нормально, — говорю я в матрас. — Спасибо, что зашел. Пока.

Кровать прогибается под его весом. Черт возьми! Зейн сидит на моей кровати!

Я переворачиваюсь и сажусь, отскакивая от него, как от огня.

Никогда, даже через тысячу лет я не могла и мечтать о том, что кто-то, настолько великолепный как Зейн, будет сидеть на моей кровати. Никогда.

Я обнимаю колени руками и смотрю на его улыбающееся лицо.

— Мне действительно очень жаль по поводу того, что случилось. Я не имела понятия...

— Нет, кто должен сожалеть, так это я, — говорит он. — Я не должен приводить своих девушек домой. Не тогда, когда ты живешь со мной. Я поставил тебя в неловкое положение, и прошу за это прощения.

Я качаю головой.

— Нет, это твой дом и это я помешала. И я не маленький ребенок, — напоминаю я. — Если ты хочешь приводить каждый вечер новую девушку, то вперед. Возможно, мы могли бы выработать какую-то систему... я могла бы вешать носок на дверь ванной, когда нахожусь там или что-то в этом роде.

Зейн смеется и одновременно с этим потирает подбородок.

— Эй. Я бы не сказал, что провожу каждый вечер с новой девушкой.

— Точно, — закатываю я глаза. — Я прожила здесь почти неделю и до этого момента я видела тебя с пятью, а нет, если считать Голую девушку, то уже с шестью разными девушками.

— Ну, да, я люблю разнообразие, — невинно пожимает он плечами.

— Правда? Потому что все они кажутся однотипными.

— И под однотипностью ты имеешь в виду...?

— Они все распутные. И тупые.

Зейн заливается смехом. Он потягивается и касается моего колена.

— Эй, Анна закончила Йельский университет.

Я ничего не говорю. Место, к которому он прикоснулся, все еще покалывает. Я изо всех сил пытаюсь сохранить нейтральное выражение лица.

Зейн усмехается и снова подкалывает меня.

— Хотя у нее действительно прикольная задница.

— О, Боже! — стону я, опуская голову на колени. — Не могу поверить, что я сказала это! Я должна пойти извиниться.

— Тебе придется перехватить ее в дороге. Прямо сейчас она на обратном пути в Лос-Анджелес.

Моя голова поднимается вверх.

— Из-за того, что я сказала? Извини, я не хотела разрушить твоё свидание!

— Не, забудь об этом, — успокаивает он меня, отмахиваясь. — Она разозлилась на меня.

Я слегка хмурюсь.

— На тебя? Почему?

Зейн искоса бросает на меня взгляд, в его глазах играет веселье.

— После того, как ты ушла, я не смог перестать смеяться.

— Ох, — говорю я. — Э-э...

Ничего не могу с собой поделать и начинаю смеяться, и он присоединяется ко мне. Мы хихикаем вместе в течение нескольких секунд. В этот момент я буквально чувствую, как моя небольшая влюбленность в Зейна растет в геометрической прогрессии.

Это нехорошо.

Он встает и выгибает спину, потягиваясь. Я стараюсь не замечать, как серая рубашка облегает его живот, открывая подтянутый пресс.

— Хочешь чего-нибудь перекусить? — спрашивает он, глядя на меня. — Я угощаю. Ты сможешь рассказать мне, как прошел твой день на работе.

Я должна отказать, придумать какую-то отмазку, сказать, что я слишком устала или что-то в этом роде. Потому что я опасаюсь оставаться с ним наедине, у меня появляется непреодолимое искушение сказать ему «да».

Я чувствую себя так, словно балансирую на краю пропасти, и когда я соглашаюсь пойти поужинать с Зейном, я словно падаю...

Глава 10.

Мы садимся в его обтекаемый серый автомобиль. Я не знаю, какой марки эта машина (я подобным не интересуюсь), но она действительно роскошная. Я откидываюсь на сиденье и вдыхаю пьянящий запах кожи и богатенького мальчика. Поездка до смешного плавная. Не то, что езда в моей старенькой «тойоте», где чувствуется каждая выбоина на дороге.

И даже то, как Зейн водит машину, выглядит сексуально, то, как он небрежно, но уверенно, откидывается на спинку сиденья, положив одну руку на руль. Все под контролем. Сексуально.

Должна признать, что я равнодушна к таким простым удовольствиям. Находясь в этом невероятном автомобиле с удивительно красивым парнем за рулем, я вроде как чувствую себя знаменитостью. Это гламурное декадентское чувство. Я смогла бы жить так.

Мы едем, слушая радиостанцию, на которой играет классический рок, улыбаясь друг другу, и разговариваем о том, какая музыка нам нравится. Зейн говорит, что он слушает старый рок, Metallica и Led Zeppelin; я рассказываю ему о том, что люблю слушать все: и песни из чарта Топ 100, и из бродвейских мюзиклов. Он даже не высмеивает меня за любовь к McPigs — маленькой группе из Лос-Анджелеса. Я включаю ему одну из их песен на своем телефоне, и он хочет послушать еще.

Мы выбираем классный маленький ресторанчик, который находится прямо через улицу от пляжа. Он оформлен в стиле старого пляжного домика с ярко-желтыми ставнями. Мне нравится, что повсюду есть круглые окна.

— В этом месте продают лучшие булочки с корицей, — говорит Зейн, когда я сажусь в кабинку. Он ждет, пока я усядусь, а затем сам садится напротив меня.

— Правда? А суп из моллюсков у них вкусный? — Я беру одно из цветных меню и просматриваю его.

Ничего себе! А цены-то у них сумасшедшие! Что, серьезно — больше двадцати баксов за обеденную тарелку?!

— Не знаю, не люблю морепродукты. Хотя, паста у них вкусная, — он наклоняется вперед и вытаскивает меню с разнообразными пастами.

Я искоса смотрю на блюда, мои глаза расширяются от шока.

— Сто восемьдесят один доллар за тарелку спагетти?!

— Что? Не может быть.

— Так здесь... ох, единичка дорисованная! — я протягиваю палец, чтобы показать ему небольшое пятно.

К моему чрезвычайному удивлению, Зейн берет мой палец и трет по нему своим большим пальцем, пока пятно не исчезает. А затем он вытирает руку салфеткой.

— Я бывал раньше в ресторанах, в которых подавались блюда за двести долларов, а этот к ним не относится, — говорит он, комкая салфетку и бросая ее на стол.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы начать снова говорить. Я кладу руки себе на колени и выдавливаю из себя дежурную улыбку.

— Итак, что ты будешь?

— Цыпленка, — отвечает он, не взглянув на меня. — А ты?

— Думаю, что закажу тарелку супа из моллюсков.

Зейн выгибает бровь.

— И все? Я думал, что ты проголодалась.

Ну, да, пока ты случайно не прикоснулся ко мне. Теперь я волнуюсь!

Но произношу я:

— Я плотно пообедала на работе.

К нам наконец-то подходит официантка, чтобы принять наш заказ. Кажется, она знает Зейна и тепло приветствует его. С таким же успехом, меня здесь могло бы и не быть. Зейну приходится сделать заказ вместо меня, потому что, хоть я и сказала три раза «тарелку супа из моллюсков», она продолжала игнорировать меня. Это меня по-настоящему взбесило!

Так что, возможно, то, что она наступила мне на ногу, и не было случайностью. Думаю, у меня проблемы с контролем над гневом.

После того, как приняли наши заказы, Зейн поворачивается ко мне.

— Итак, как прошел твой рабочий день?

Чувствуя странную нервозность, я начинаю лепетать о том, как прошел мой день. Я также рассказываю ему о путанице с магнитом-«влажалищем». Это его смешит, и я чувствую себя самой остроумной. Он хороший слушатель. Даже когда приносят нашу еду, он не сводит с меня глаз.

— Что насчет твоей работы? — спрашиваю я его. — Тебе нравится быть инженером-программистом?

Он откидывается назад, одна рука лежит на стуле, а другая держит стакан с водой. Он перемещает лед по дну, а затем смотрит в стакан.

— Это работа, — говорит он, пожимая плечами. — Хорошая вещь в работе у Кронус — это то, что они дают мне много свободы на разработку моих собственных проектов.

— О, — говорю я первое, что приходит на ум. — Э-э, как обстоят дела с твоим последним проектом?

— Закончил его на прошлой неделе, — говорит он с улыбкой. Я рада, что он не вдается в подробности, потому что в противном случае я бы все равно ничего не поняла.

— Это означает, что ты возвращаешься в Лос-Анджелес?

— Неа. Что касается работы, я все еще вылавливаю баги. Как твой суп из моллюсков?

И, конечно же, он дождался, пока я сунула себе в рот кусок хлеба, чтобы задать мне вопрос.

— Вкусно, — выдавливаю я.

Он смеется.

— Убедись, что оставишь место для булочки с корицей.

Я стону.

— Ни в коем случае! У меня желудок наполнен до отказа.

— Ну, тогда мы заберем их с собой. — Зейн роняет вилку на тарелку и смотрит искоса на меня. — Как ты относишься к ужастикам?

— Обожаю их, — говорю я быстро.

— У меня есть копия «Дома костей и крови». Хочешь посмотреть?

Мои глаза расширяются от недоверия.

— Этот фильм выйдет только через две недели. Каким же образом ты получил эту копию?

— Я знаю парня, который знает другого парня, — как бы между прочим, отвечает он. — Так ты хочешь посмотреть его или нет?

— Да! — выкрикиваю я с энтузиазмом. А затем неуверенно останавливаюсь.

— С тобой?

— Да, со мной. У тебя есть возражения по этому поводу? — спрашивает он насмешливо.

— Ну, это с какой стороны посмотреть. Я люблю смотреть ужастики в темноте, — говорю я. Делаю глоток своего холодного чая. — Так что не знаю, возможно, для тебя это будет слишком... напряженно.

Что? Я не флиртую, я веду себя игриво, чисто платонически.

Зейн наклоняет голову в сторону, забавляясь.

— О, да неужели, малышка? Возможно, это тебе будет слишком страшно сидеть со мной в темноте.

То, как он говорит это, своим грубым сексуальным голосом так... сексуально! Он флиртует со мной?

Я притворяюсь, что насмехаюсь над ним в то время, как мое сердце, словно сумасшедшее стучит у меня в груди.

— Да, конечно, — говорю я ему и себе. — Только не подпрыгивай, как девчонка, во время самых страшных моментов.

— Я очень постараюсь. — Он улыбается и движением подзывает к нам официантку. — Пошли отсюда.

Зейн заказывает две булочки с корицей на вынос, затем платит за них, несмотря на мои протесты. Когда я пытаюсь спорить с ним, он лишь многозначительно смотрит на меня. Я знаю, что это не свидание, и он просто пытается быть милым, но все же. Я не могу ничего поделать с тем головокружительным ощущением, которое наполняет меня.

Или, возможно, он догадывается, что я не собираюсь оставлять чаевые этой ужасной официантке.

По дороге домой мы обсуждаем наши любимые фильмы. Мы оба удивлены, обнаружив, что нам нравятся одни и те же фильмы, потому что они, по большей части, старые: «Святые из Бундока», «Принцесса-невеста» и «Большой переполох в маленьком Китае». Я люблю фильмы почти точно так же, как и книги.

Я могу говорить о них весь день, и не могу поверить, что Зейн, кажется, чувствует то же самое. Я бы подумала, что он слишком занят очаровыванием девушек, чтобы смотреть много фильмов. Когда я сказала ему это, он лишь улыбнулся и ответил, что может совмещать оба занятия. Затем я пробормотала что-то про порно.

— Ты когда-нибудь смотрела порно? — заинтересованно спрашивает он, глядя на меня, в то время, когда должен бы следить за дорогой.

— Нет! — быстро говорю я, краснея. — Только парни делают так.

Зейн посмеивается. Он переводит взгляд туда и обратно, с дороги — на меня.

— Скажи-ка еще раз, Виолетт, сколько тебе лет?

— Семнадцать, — огрызаюсь я. — А что?

— Иногда ты ведешь себя намного взрослее своего возраста, а иногда ты кажешься такой невинной.

Я хмуро смотрю вниз, на теплый пакет с булочками с корицей внутри, лежащий у меня на коленях. Я знаю, что на самом деле он имеет в виду «наивная», но я не знаю, что я такого сказала, что теперь он считает меня такой. Черт, я даже сказала перед ним «влагалище». Думаю, что если он сравнивает меня с женщинами, с которыми знаком, тогда я действительно кажусь невинной. Я не вижу в этом ничего плохого, а он?

Когда мы возвращаемся домой, Зейн идет в свою комнату, чтобы принести фильм, а я ставлю булочки с корицей в микроволновую печь и закрываю все жалюзи. Так как день облачный и дождливый, в доме стало темно довольно рано. Идеально.

— Я слышал, что этот фильм довольно напряженный, — говорит Зейн, входя в комнату. — Ты уверена, что не хочешь включить свет?

Я закрываю глаза.

— Угу. Только не прибегай в мою комнату, когда тебе приснится кошмар.

Он усмехается в ответ.

— Не переживай, малышка. Последнее место, куда бы я прибежал — это твоя комната.

Он вставляет диск в проигрыватель, пока я пялюсь на его спину. Что, черт возьми, это значит? Не подразумевает ли он, что считает меня отталкивающей?

Я иду на кухню, чтобы взять булочки с корицей. Боже мой, райский запах, на вид они такие воздушные и мягкие. Я кладу их на отдельные тарелки и несу в гостиную.

Зейн развалился на диване. Я передаю ему тарелку, а затем сажусь в кресло вместе со своей прелестью.

— Что такое, Марсер? Почему ты сидишь там?

— Потому что, — вздыхаю я. — Тут удобно.

Зейн хлопает по диванной подушке рядом с собой.

— Точно так же, как и на диване. Иди сюда. А если я испугаюсь? Тебе придется держать меня за руку.

Я не решаюсь. Я не хочу, чтобы он думал, что это многое значит для меня, но знаю, что не смогу сосредоточиться на фильме, если буду сидеть рядом с ним.

В конечном счете, я не могу упустить возможность побыть ближе к нему. Так что я пожимаю плечами и встаю. Я непринужденно плюхаюсь на диван в нескольких дюймах от него.

От него так хорошо пахнет! Этот аромат чистого свежего белья, смешанный с мылом, сводит меня с ума. Я сжимаю ноги вместе, чтобы они нервно не подпрыгивали.

Чтобы отвлечься от его близости, я кусаю свою булочку с корицей. Мои глаза автоматически закрываются от восторга.

— Боже мой, — бормочу я, мой рот набит съедобным блаженством.

— Правда? — говорит Зейн, наслаждаясь моей реакцией.

— Так вкусно!

На мгновение я забываю о присутствии Зейна. Я влюблена в эту булочку. Она практически тает у меня во рту, все это райское наслаждение подавляет все мои чувства. Вкусняшка!

Я облизываю свои липкие пальцы, смакуя последние крохи. Засунув свой большой палец в рот, я оглядываюсь и замечаю, что Зейн пристально смотрит на меня.

Я высовываю палец и смущенно причмокиваю.

— Мне очень жаль, что тебе довелось увидеть это, — бормочу я, краснея.

— Без проблем. Возьми и мою порцию тоже.

Я смеюсь и качаю головой.

— Просто включи фильм.

Вместо этого он продолжает смотреть на меня.

— Думаю, что я бы предпочел понаблюдать за тем, как ты ешь.

Я бью его по твердому бицепсу. Усмехаясь, он нажимает кнопку на пульте, и фильм начинается.

Я очень хотела посмотреть этот фильм. Трейлер был потрясающим, и о фильме все гудят.

Но когда фильм начинается с панорамы жуткого дома, я практически не обращаю внимания на него. Я не могу перестать пялиться на профиль Зейна, пытаюсь выискать хоть какой-то недостаток, но их нет. Я изумляюсь тому, что это, должно быть, было везением, родиться с таким идеальным лицом.

Это, ну, и хороший генофонд.

— Смотри фильм, Виолетт, — бормочет Зейн, глядя прямо перед собой.

Краснея, я перевожу взгляд на экран. Не могу поверить, что он поймал меня за подглядыванием! Снова.

Мысленно выбравив себя, я сосредоточиваюсь на фильме, а не на великолепном парне, сидящем возле меня в темноте.

Я поджимаю под себя ноги и готовлюсь к ужасу.

Итак, это фильм о семье, которая переехала в жуткий старый дом. Начинают происходить странные вещи, что приводит к исчезновению их шестимесячного ребенка. Их дочь-подросток проводит расследование и оказывается, что дом раньше принадлежал лидеру сатанинского культа. Ходят слухи, что он построил дом, используя кровь и кости своих последователей.

Такая история уже снималась раньше, но спецэффекты потрясающие. В фильм полно моментов, от которых хочется подпрыгнуть, особенно, когда девушка попадает в другое измерение в доме, чтобы найти своего братика.

Очень жутко. Я продолжаю думать, что нечто скрывается за диваном, ожидая момента, чтобы высосать мой мозг. Я хочу включить свет, но не могу — не после того, как строила из себя храбреца.

Я искоса наблюдаю за Зейном. Он, кажется, погружен в сюжет фильма, чуть улыбаясь, даже во время самых страшных моментов.

Если бы он был моим парнем, он бы обнял меня одной рукой, а я бы совсем не боялась.

Ох, выкинь эти мысли из головы, Виолетт!

Я так хорошо держалась, но под конец не выдержала. Девушка и ее братик только вернулись из другого измерения и были в безопасности дома. Я совершенно не ожидала ничего страшного, когда вдруг окровавленные руки вылезли из-за стены и утащили девушку назад, в их измерение.

Так что я подпрыгиваю и вскрикиваю негромко, вжимаясь в спинку дивана. Зейн поворачивается ко мне, подняв брови.

— Ты в порядке, Виолетт? — спрашивает он с дразнящей улыбкой на губах.

— Да, — быстро говорю я, вставая. — Мне просто показалось, что я увидела паука.

— Паука, говоришь?

Внезапный щебечущий звук снова заставляет меня подпрыгнуть. Зейн проверяет свой телефон. Он хмурится, потом бросает телефон на подушку рядом с собой.

— Ого, — говорю я, желая сменить тему. — Впервые вижу тебя с телефоном. Я просто поняла, что это странно.

— Почему странно? — спрашивает он, проводя руками по своим волосам.

Я пожимаю плечами.

— Из-за твоей работы и твоей, ну, очень активной социальной жизни.

— Да, я ненавижу эту чертову штуку, — бормочет он раздраженно. — Обычно я отключаю телефон.

— Хм.

Зейн наклоняется и включает лампу, освещая диван светом.

— А что насчет тебя? Большинство подростков приклеены к своим телефонам, но я редко вижу тебя с ним.

— Я разговариваю только со своей подругой Лорен и мамой, — отвечаю я. Потом я бью себя по лбу. — Теперь ты считаешь меня настоящей неудачницей.

Зейн смеется. Он встает и смотрит на меня своими великолепными темными глазами.

— Я думаю, что ты красивая и забавная, и если бы мне не нужно было находиться сегодня вечером в другом месте, я бы заставил тебя посмотреть еще один ужастик со мной, чтобы я смог понаблюдать, как ты притворяешься, что тебе не страшно.

Я смотрю на него, потеряв дар речи. Он считает меня красивой?!

Мы стоим там в течение одной бездыханной минуты. Устрашающий саундтрек из фильма играет на заднем плане. Я отчаянно пытаюсь что-то сказать, чтобы разрушить внезапно возникшее напряжение.

Наконец, Зейн отводит взгляд в сторону, слегка качая головой, как будто пытается избавиться от наваждения. Он хватается свой телефон, наши тарелки и идет на кухню, чтобы положить их в раковину. Тарелки, не телефон.

— С тобой все будет нормально, когда останешься одна? — спрашивает он до того, как отправляется в свою комнату. — Ты выглядишь немного напуганной.

Я хмуро смотрю на него.

— Я не маленький ребенок.

Он только улыбается мне через плечо, прежде чем исчезает в своей комнате.

Как в тумане, я выключаю лампу и телевизор, затем иду к себе в комнату. Рыбкой ныряю в свою кровать.

Я не могу перестать улыбаться. Я воспроизвожу наш день, проведенный вместе, особенно самые лучшие моменты. Я не могу поверить, что провела с ним целый день, еще и с неловким он-собирается-меня-поцеловать моментом в конце.

Знание того, что он находится прямо через коридор от меня, заставляет чувствовать беспокойство, головокружение. В низу моего живота возникает странное

щекочущее ощущение, которое только возрастает, когда я думаю о сокращении этой короткой дистанции между нами и... я не знаю, что бы я сделала. Поцеловала бы его. Провела бы руками сверху вниз по его спине...

Он считает меня красивой и забавной!

Да, точно, Виолетт. Тогда почему он уходит, должно быть, с очередной великолепной женщиной? Он, наверное, жалеет тебя.

Ох, голос разума прав. Я должна перестать думать об этом. Зейн — мой будущий сводный брат, и мы можем быть друзьями. Я могу игнорировать покалывание позвоночника — то чувство парения, которое возникает, когда я рядом с ним. Я просто не допущу этого.

Ага. Следующим вечером я сталкиваюсь с Зейном, только вышедшим из душа. На нем ничего нет, кроме полотенца, низко обернутого вокруг талии. Капли воды скатываются вниз по его крепким мышцам, от груди — к завораживающим бедрам...

Не переживайте, я справилась с этим отлично. Я кричу:

— Фууу! — и выбегаю из комнаты.

Да, это так. Я вошла в комнату и увидела самого горячего и сексуального парня, которого я когда-либо встречала — мокрого и полуголого. И сказала: «Фууу». И почему я все еще одинока?

Глава 11.

— Посмотри на этот снимок, — говорю я Лорен, показывая ей свой телефон. — Мама прислала его сегодня утром из Парижа.

Лорен берет телефон в руки и щурится, глядя на экран.

— Что это она держит?

— Это, должно быть, французская выпечка фаллической формы, которую моя мама держит у рта. Не думаю, что она поняла это, в противном случае, не стала бы так позировать.

Она смеется и возвращает мне телефон.

— Она хорошо выглядит, Ви. Счастливо.

— Да, — соглашаюсь я со вздохом. Я без энтузиазма ковыряюсь в своем тако.

Сейчас мы в Тако Белл, для разнообразия обедаем за пределами кампуса школы. Вообще-то нам не разрешают делать этого, но обычно администрация не настаивает на том, чтобы мы обедали только в школе. Так что мы ухватились за эту возможность. Я заказываю тако, вместо моих любимых энчилада, сегодня хочется чего-нибудь другого.

— Сколько баллов ты набрала за тест по химии? — спрашивает у меня Лорен.

— Девяносто шесть, — говорю я. — А ты?

Она улыбается.

— Девяносто восемь.

Я кривлю лицо.

— Хвастунья.

— Точно, я училась до посинения. А ты едва открыла книгу. Ты будешь работать сегодня над своим эссе?

— Нет, — я занимаю себя тем, что провожу пальцами по волосам. — Думаю, что сегодня буду тусоваться с Зейном.

Лорен поднимает бровь.

— Снова?

— Ага, — бормочу я беспечно. — Это несерьезно. Он спросил, хочу ли я пищу на ужин. Должно быть, после мы посмотрим фильм.

Лорен ничего не говорит, но ее карие глаза смотрят осуждающе.

— Что? — говорю я, обороняясь. — Мы просто друзья. А почему бы тебе не присоединиться к нам? Ты сможешь, наконец, познакомиться с ним.

— Не сегодня. После школы у меня репетиторство.

— Тьфу. Мистер Таннер вернулся, или у нас все еще будет вести уроки мистер Дженсен?

Лорен делает глоток своей содовой перед тем, как ответить.

— Дженсен. Мистер Таннер все еще болеет. Думаю, что ему делали операцию.

— Ох, бедняжка, — восклицаю я сочувственно. — Но мне нравится Дженсен. Они просто должны заставить его стать нашим постоянным учителем. Он занимал эту должность дольше Таннера.

— Да, думаю, всем девочкам это понравится, — Лорен закатывает глаза. — Я рассказывала тебе, что произошло вчера после занятий? Когда я зашла в класс, Кэри Геддес повисла на нем.

— Правда? — мои глаза расширяются. — И что же он сделал?

— Отошел от нее, — она смеется. — Видела бы ты выражение его лица.

— Ну, да, — говорю я, поливая свой тако острым соусом. — Если его когда-нибудь поймают с ученицей, у него будут большие проблемы. Помнишь миссис Альварес?

— Да, но мне все еще интересно, не выдумал ли все это Кейси. Миссис Альварес было шестьдесят лет, и она страдала ревматизмом.

— Точно, — соглашаюсь я, слизывая острый соус с пальца. — Так что, хочешь приехать ко мне после репетиторства?

— Нет, спасибо, — отказывается она. Она кусает свой буррито, а затем вдруг разражается смехом.

Прикрывая рот, она бормочет,

— Я до сих пор не могу поверить, что ты сказала «фуу!».

Даже сейчас я краснею от смущения.

— Я была взволнована. Ты же знаешь, какой я становлюсь.

— Такое могла бы сказать только Толстая Виолетт.

— Я скучаю по ней, — вздыхаю я. — Она была бесстрашной.

— Была. Почему бы тебе не сфотографировать Зейна, чтобы я смогла посмотреть на него?

— Не думаю, что он любит фотографироваться, — говорю я. — Я как-то спросила, почему у него нет никаких фотографий в комнате, а он пробормотал на это что-то невнятное. Знаешь, он совершенно не тщеславен. Я никогда не видела, чтобы он смотрелся в зеркало.

— Хм, похоже на еще одного человека, которого я знаю. — Лорен скручивает свои использованные салфетки и складывает их на свою тарелку. — Нам пора идти. У нас есть десять минут, чтобы вернуться обратно в кампус.

Я не успела доесть свой тако! Но Лорен уже встает, собирая свои вещи. Я откусываю большой кусок и следую за ней.

Мы становимся в короткую очередь, чтобы заплатить за наш обед, и я не замечаю Мэтта и Райчел, стоящих перед нами, пока не слышу его знакомый смех.

Ох, замечательно. Мы с Лорен закатываем глаза. Она тихонько спрашивает меня, не хочу ли я подождать снаружи, но я качаю головой.

Ох, как мило, его рука лежит на ее заднице. Он никогда не клал свою руку мне на зад в общественных местах. Мы едва держались за руки.

Кстати, у меня полон рот тако. От того, что мой бывший ласкает мою бывшую подругу, мне хочется плевать. Это заставляет меня... Я просто так...

Я понимаю, что мне не больно. Я раздражена. Когда я думаю о Мэтте, то ничего не могу с собой поделать и сравниваю его с Зейном, а по сравнению с ним, Мэтт... ничто. Несущественный. Потертый серый цвет, школьный обед, незрелый мальчишка. А Зейн — фейерверк, вспышка света, захватывающий, опасный, сексуальный, и он заставляет меня хотеть. Вот только чего, я не совсем уверена.

Все, что я знаю, если он...

— Виолетт.

Мэтт вдруг поворачивается, замечая меня. Его голубые глаза расширяются, а я давлюсь мясом тако. Ой!

Мои глаза наполняются слезами, когда я беспомощно кашляю. Мэтт тянется ко мне, возможно, чтобы выполнить прием Геймлиха, но я поднимаю руку. Лорен передает мне салфетку, я выхватываю ее и незаметно выплевываю часть пережеванного тако. Тьфу.

Хрипло кашляю, я смотрю на Мэтта так, как будто он во всем виноват. Поворачиваюсь к Лорен и даю ей деньги.

— Я буду ждать снаружи, — бормочу я.

Рейчел выглядит так, как будто на самом деле собирается что-то сказать мне. Я бросаю на нее многозначительный взгляд, и она поспешно отворачивается. То, что я решила, что Мэтт не достоин моих слез, вовсе не значит, что я прощу их за предательство.

Я не прощаю людей. Спросите Шону Брэдли. Мы были лучшими подругами в детском саду, пока я не узнала, что это она воровала мои фрукты со стола. В тот день она потеряла мое доверие, и даже теперь, когда я вижу ее, вынуждена сдерживаться, чтобы не закричать:

— Почему? Почему ты сделала это?

Остальная часть учебного дня, казалось, длилась бесконечно. К тому времени, как закончился урок испанского, я вся издергалась от нетерпения. Я не могу дождаться того времени, как попаду домой. Чтобы увидеть его.

Когда я приезжаю домой, его там нет. Я делаю свою домашнюю работу и принимаю душ. Что же надеть? Я знаю, что это не свидание. Моим первым порывом было взять что-то соблазнительное, но я знаю, что я закончу тем, что буду чувствовать себя глупо и неудобно. Так что я надеваю простую серую футболку и длинную розовую юбку с небольшими кроликами, нарисованными на ней. Откуда она вообще взялась? Я даже не знаю, зачем я упаковала ее.

Я сижу на диване, притворяюсь, что читаю книгу, хотя на самом деле прислушиваясь к шорохам, исходящим от двери. Когда я, наконец, слышу звук открывающейся двери, я уже так взволнована, что чуть не падаю с дивана. Пытаясь

сохранить непринужденное выражение лица, я пытаюсь успокоить свое трепещущее сердце, слепо переворачивая страницы книги.

— Привет, — здороваюсь я с ним, гордясь тем, как нормально звучит мой голос.

— И тебе привет.

Зейн кладет большую плоскую коробку на столешницу и забредает в гостиную. Он выглядит красивым и опасным, со своими растрепанными от ветра волосами и темными очками.

— Кто-то вкусно пахнет, — выпаливаю я, когда он наклоняется над диваном, чтобы посмотреть на мою книгу. — Нет, я имела в виду что-то! Пицца. Вкусно пахнет.

Он только ухмыляется, хватая мою книгу, и — о Боже — переворачивает ее правильной стороной.

Да, я держала книгу вверх ногами. Я делала вид, что читала Толстого вверх ногами. И он раскусил меня. Я такая неудачница.

Зейн направляется обратно на кухню, пока я беззвучно чертыхаюсь.

— Ты голодна? — спрашивает он через плечо.

Я делаю несколько успокаивающих вздохов, прежде чем присоединяюсь к нему на кухне. Я сдаюсь. Я полностью признаю тот факт, что всегда буду выставять себя душой перед самым сексуальным парнем, которого я когда-либо знала.

Забудь об этом. Все нормально, я просто буду еще одним забавным неловким другом.

Приняв такую роль, я чувствую, что давление на меня немного ослабло. Я следую за ним на кухню. Он открывает коробку, а я понимаю, что смотрю на какую-то странную пиццу. Где вся зелень?

— Что это? — спрашиваю я, не в силах сдержать ужаса в голосе.

Зейн посмеивается, глядя на меня.

— Я так понимаю, что ты никогда не пробовала греческую пиццу?

Я качаю головой.

— Там... есть мясо?

— Нет. Там есть шпинат, оливки, помидоры, сыр фета... поверь мне, тебе понравится.

Он достает тарелки из шкафа, так что не видит мое сомневающееся выражение лица.

— Пахнет вкусно, — говорю я с надеждой.

Он кивает, передавая мне тарелку.

— Знаешь что, просто попробуй. Если тебе не понравится, то ты не обязана есть пиццу. А завтра ты сможешь заказать на ужин все, что пожелаешь, и я привезу это. Хорошо?

Мое настроение улучшается. Он так же хочет потусоваться со мной и завтра?

— Ладно, — соглашаюсь я, слишком восторженно.

Мы берем наши пиццы, пару бутылок с водой и направляемся в гостиную. Я думала, что мы будем смотреть фильм, но Зейн приносит свой ноутбук и, в конечном итоге, мы смотрим видео с практическими рекомендациями в интернете.

Ага, оказывается, Зейну очень нравятся проекты «сделай сам» и альтернативные виды энергии. Мы смотрим видео о том, как сделать свои собственные теплицы,

газогенераторы, параболические зеркала и двигатели Стирлинга. Это на самом деле очень увлекательно, и я впечатлена его знаниями.

— Ты что, готовишься к нашествию зомби? — дразню я его, после того, как укусила свою вкусную греческую пиццу (Зейн был прав — вкуснятина!).

— Я просто верю, что нужно быть ко всему готовым, — он улыбается, наклоняясь, чтобы нажать на ссылку. — Знаешь, я на самом деле считаю, что это круто! У меня есть ферма в штате Орегон, она работает на некоторых штуках, которые я построил сам. Как-нибудь я отвезу тебя туда, так что ты сама все увидишь.

Я ошеломлена его случайным приглашением.

— Было бы круто, — едва выговариваю я.

Мне интересно, говорит ли он серьезно. Или это была одна из тех вещей, которые люди говорят между делом? Как, например, я всегда приглашаю свою подругу с третьего класса — Джени Донелли — потусоваться к себе домой, когда мы с ней встречаемся, хотя я едва знаю ее, и на самом деле мне не очень хочется, чтобы она приходила ко мне. О чем мы с ней будем говорить? Единственное, что у нас было общего раньше, — так это наши коллекции наклеек.

Как только мы покончили с пиццей, решили перейти к горячему шоколаду и к видео какого-то парня Джинки из Топ-100 Самых ужасных фильмов.

Большинство фильмов из списка Джинки из 70-х годов, и я никогда не слышала о них. Несколько из них довольно увлекательны, так что я записываю названия тех фильмов, которые мы, возможно, захотим посмотреть.

Я не сильна в многозадачности. Я пишу на обратной стороне чека из Тако Белл, параллельно смотрю на экран и делаю глоток своего обжигаяще горячего какао. Вы уже можете догадаться, что произойдет дальше.

Полная чашка. Горячая жидкость выливается на мои колени. Я подпрыгиваю, задыхаясь от жгучей боли. Зейн сразу же задирает мою юбку.

— Сядь, — командует он, затем исчезает на кухне.

Я все еще сижу, когда он возвращается с мокрым полотенцем. Он легонько толкает меня вниз на диван, приседает на корточки передо мной, и кладет прохладное полотенце мне на бедра. Это сразу помогает успокоить ожог, и я вздыхаю с облегчением.

Через несколько минут боль стихает. Зейн убирает полотенце, чтобы посмотреть на мою кожу.

— Вздутия нет, — говорит он нежно. — Только небольшое покраснение.

Он нежно проводит пальцем по моей внутренней поверхности бедра, легким, как перо, касанием, от которого у меня перехватывает дыхание, и я дрожу совсем не от боли.

Думаю, я издаю какой-то звук. Зейн смотрит на меня, и как будто только сейчас осознает, что делает, он резко поднимается и пятится.

— Держи ожог под полотенцем. Я пойду поищу какую-нибудь мазь с алоэ, — бормочет он.

Я в изумлении наблюдаю за тем, как он уходит. Боже мой. Я не могу поверить, что сижу здесь только в нижнем белье. Не могу поверить, что он прикасался ко мне... там. Я разрываюсь между желанием оскорбиться и нервным возбуждением. И, признаю, чистой похотью.

Ах, слава Богу, на мне красивое белье. Ой, я только сейчас понимаю, что он во второй раз видит его. Хотя, не ту же пару. Сегодняшний мой выбор — это кружево и желтые лютики.

Боже. Так неловко.

Зейн возвращается с каким-то тюбиком в руках и легким одеялом. Он укрывает меня и передает мне тюбик.

— Подожди несколько минут, а затем помажь этим свое... свой ожог, — говорит он угрюмо.

— Спасибо. — Я рискую взглянуть на его безэмоциональное лицо. — Извини, я такая недотепа.

На его губах появляется намек на улыбку.

— Ты притягиваешь к себе неприятности, да?

Я пожимаю плечами, мои щеки краснеют. Я расправляю одеяло так, что оно прикрывает большую часть моих ног.

С минуту он ничего не говорит, просто смотрит на меня. Затем он бормочет что-то о фиксации своих контактных линз и исчезает в своей комнате. Он носит контактные линзы? Хмм... готова поспорить, что в очках он будет выглядеть сексуальным.

Как раз тогда, когда я убеждена, что он не вернется, он входит в комнату, и растягивается рядом со мной на диване.

— Ты не против, посмотреть бессмысленный телевизор? — спрашивает он, беря пульт.

— Да, — говорю я благодарно.

Так что мы сидим и смотрим ситкомы, реалити-шоу... все, что показывают. Мы смеемся над одинаковыми шутками и высмеиваем людей в реалити-шоу. Зейн не имеет ничего против моего сарказма. Он, кажется, наслаждается этим. Мы спорим о наших любимых шоу.

Я даже не помню, как заснула. Следующее, что я помню так это, как Зейн поднимает меня с дивана и несет в мою комнату, как будто я ничего не вешу.

Находиться в его сильных руках настолько... невероятное чувство. Я притворяюсь спящей только для того, чтобы он продолжал нести меня. Он аккуратно кладет меня на кровать и укрывает одеялом. Я открываю глаза, когда чувствую, что он наклоняется надо мной.

— Сладких снов, Виолетт, — шепчет он, целуя меня в лоб.

И впрямь это были сладкие сны.

Подождите, я не перестала быть глупой девицей, постоянно попадающей в беду.

Когда на следующий день мы с Лорен покидаем Тако Белл, то обнаруживаем, что у моей машины спустило колесо, и у меня нет запаски. Куда она делась? Теперь я припоминаю, что, возможно, когда-то я перенесла ее, чтобы освободить место в багажнике. Для коробок с пиньятами¹. Даже и не спрашивайте.

Прежде, чем я понимаю, что делаю, я звоню Зейну. Он смеется над моим робким тоном и обещает, что приедет через двадцать минут с новой запаской.

Он добирается туда за пятнадцать минут. Я представляю его Лорен, которая испытывает соответствующее благоговение, и он с легкостью меняет колесо, пока мы наблюдаем за ним. Почему это так сексуально, когда парни делают мужскую работу, например, ремонтируют машины?

Или, может, дело в Зейне. Что бы он ни делал, это выглядит сексуальным. И не только я так думаю, судя по группе девушек, которые останавливаются, чтобы поглазеть на него и попускать слюни.

Черт возьми, я должна быть единственной, кому позволено пускать слюни, глядя на него. Я нашла его первой!

Лорен потрясена моим поведением. Рядом с ним я превращаюсь в хихикающую лузершу. Я чувствую к себе отвращение, но ничего не могу с собой поделать. Я обеими руками зажимаю себе рот и заставляю себя стоять молча рядом с Лорен.

Когда Зейн заканчивает, то гладит меня по голове, как щенка, и предупреждает, чтобы я держалась подальше от неприятностей. Затем он запрыгивает в свою сексуальную маленькую машину и уезжает прочь.

— Ничего себе, — говорит Лорен, наблюдая его отъезд.

— Зейн или моя глупая неуклюжесть? — спрашиваю я покорно.

— И то, и то. — Она смотрит на меня сочувственно. — Ви, ты по уши влюблена в него.

— Да, — наконец признаю я, плюхаясь на свое сиденье в машине. — Жалкое зрелище, да?

— Ты нравишься ему, но он не хочет этого.

— Что? — я поворачиваюсь к ней, подняв брови. — Ты поняла это за те пять минут, что он пробыл с нами?

— Нет, — вздыхает она. — Я смогла понять это по тому, как он вынужден был отрывать от тебя взгляд каждые несколько минут. Ты позвонила ему, и он примчался тебе на помощь. Он тусуется с тобой все время. Ты думаешь у такого парня, как он, не найдется дел поважнее, чем смотреть с тобой фильмы все ночи напролет?

— Ай, — говорю я немного обиженно.

Лорен смотрит на меня серьезно.

— Ты сама видела, с какими девушками он встречается. Ты видела его хоть раз с другой девушкой, после того, как вы стали настолько дружны?

— Дружны, — повторяю я, ухмыляясь. — И нет, не видела. Но он сказал, что больше не будет приводить потаскушек домой после того раза. Насколько я знаю, он сам ходит к ним домой или... еще куда-то.

Он только пожимает плечами.

— Если ты хочешь его, Ви, я уверена, он не разочарует тебя.

Я посмеиваюсь, когда завожу машину. Но где-то глубоко внутри, маленький цветок надежды расцветает у меня в груди.

Если я хочу его, говорит она.

Не думаю, что когда-либо в своей жизни я хотела чего-то больше.

Глава 12.

— Так что, если по существу, то мой отец — настоящий козел, — говорю я.

Мы с Зейном сидим в шезлонгах у бассейна. Уже поздно, но никто из нас еще не хочет идти спать, так что мы просто сидим здесь и болтаем. Я только что рассказала ему о том, как мой папа без колебаний оставил нас. Даже не вернулся тогда, когда мама узнала о том, что у нее рак.

Я угрюмо смотрю на неярко освещенный бассейн, светящийся, как драгоценный камень в ночи. Зейн с мгновение молчит.

— Твоя мама рассказала мне о том, как ты ухаживала за ней, — говорит он, наконец. — Должно быть, тебе было очень тяжело.

Я пожимаю плечами.

— Нам очень помогали. Друзья и семья.

— Она говорила, что ты оплачивала большую часть счетов. Но по этому поводу она вела себя как-то странно, как будто не хотела говорить, каким образом тебе это удавалось.

Я бросаю на него пронзительный взгляд.

— Я не зарабатывала деньги проституцией или стриптизом, если ты подумал об этом.

Он прячет улыбку.

— Никогда не приходило мне в голову.

— Ничего противозаконного, — говорю я после очередной долгой паузы, во время которой я обдумывала, должна ли раскрыть ему свой секрет. — Я... я пишу книги.

Зейн поворачивается и смотрит на меня с удивлением.

— Ты... пишешь?

Я смущенно киваю.

— Мне всегда нравилось придумывать истории. Я всегда писала. Когда мама заболела, и мы очень нуждались в деньгах, чтобы оплатить все ее медицинские счета, только это пришло мне на ум. Так что я рассмотрела этот вариант. Оказывается, самостоятельно публиковаться очень легко.

— Это потрясающе, — говорит он. Когда я смотрю на него, он кажется впечатленным. — О чем ты пишешь?

— Э-э... — пожимаю я плечами. — У меня вышла серия под названием «Изменяя время». Эта книга о компании тинейджеров, которые постоянно перевоплощаются в разных жизнях. Они должны найти друг друга и узнать, как остановить катастрофическое событие во времени. Это... чепуха.

Зейн качает головой, недоверчиво улыбаясь.

— Звучит круто. Это правда замечательно, Виолетт. Сколько книг ты уже написала?

— Пять. — Я вожусь с ниткой, торчащей на подоле моей рубашки.

— У меня вроде как перерыв сейчас. Раньше на меня оказывали большое давление, чтобы выпускать книги. Думаю, что в какой-то мере я перегорела. Так что теперь у меня небольшая передышка.

Я подавляю в себе желание похвастаться перед Зейном тем, сколько книг я продала, появлением веб-сайтов и видео, посвященных моей серии книг «Изменяя время». Люди не только покупают мои книги, они их обсуждают, заикливаются на персонажах. И постоянно забрасывают меня вопросами о том, когда выйдет следующая книга.

— Так почему твоя мама была такой скрытной по этому поводу? — интересуется Зейн, похлопывая меня по ноге, чтобы привлечь мое внимание. — Я скорее бы мог предположить, что у нее есть наклейка на бампер со словами «Моя дочь — известный писатель».

Я усмехаюсь.

— Я не известная! И... никто не знает, что я пишу, кроме нее и Лорен. Я использую псевдоним.

— Почему?

— Я не знаю. Думаю, я немного чудачка в этом деле. Я не хочу, чтобы мое имя всплыло в интернете. Я даже не пользуюсь Фейсбуком. Мне не нравится мысль о том, что дети из школы будут осуждать мою работу. Они задразнят меня до чертиков. В Хайден Кове живут настоящие сучки.

Зейн начинает смеяться.

— Какой у тебя псевдоним? — хочет он знать.

Я слегка съеживаюсь.

— Элизабет Банни. Элизабет — это мое второе имя. А Банни... ну, кролики, они милые.

Он наклоняет голову в сторону, проводя рукой по губам.

— Неравнодушна к кроликам?

Я на все сто процентов уверена, что он имеет в виду кроликов на моем нижнем белье. Я неловко ерзаю на своем месте.

— Давай сменим тему разговора, — говорю я. — Э-э... давай, поговорим о твоей маме? Где она?

Зейн откидывается назад. Его улыбка все еще играет на губах, но веселость исчезла.

— Она умерла, — говорит он, как ни в чем не бывало.

Молодец, Виолетт. Хороший способ всколыхнуть плохие воспоминания.

— Мне жаль, — говорю я приглушенным голосом.

Он оглядывается и замечает мое покаянное выражение лица. Он тянется и сжимает мою руку.

— Не надо. Это произошло очень давно. Когда она была жива, я едва помнил ее.

Я исподтишка изучаю его лицо, чтобы определить настроение.

— Что произошло, если ты не против такого вопроса?

— У нее была параноидальная шизофрения. Большую часть времени она не жила с нами. — Взгляд Зейна направлен в никуда.

— Я помню, как проводывал ее в разных заведениях. Когда она возвращалась домой, она запиралась в ванной и просто плакала, кричала часами. Когда я был совсем маленьким, я... я стоял снаружи, и просто слушал, как она разговаривала сама с собой. Я думал, что, возможно, она знала, что я стоял там, составляя ей компанию.

Теперь настает моя очередь держать его за руку.

— Ты все правильно делал.

Он пожимает плечами.

— Мы думали, что ей полегчало. Она принимала таблетки, иногда она даже расспрашивала меня, как прошел мой день. Но потом, однажды я зашел в ее комнату и... и она там была. Она повесилась на каком-то проводе, торчащем из потолка.

Я в ужасе закрываю рот обеими руками.

— Как... ужасно.

— Да, — говорит он просто. — После этого мне месяцами снились кошмары. Я не мог смотреть ужастики или гулять во время Хэллоуина. Это было давно. Я уже смирился с этим.

Я действительно не имею понятия, что сказать.

— Я... э-э... хочешь ли ты...?

Зейн отказывается продолжать эту тему, нетерпеливо отмахиваясь рукой.

— Правда, я в порядке. Я не хочу разговаривать об этом. Знаешь, такое происходит, хоть и не имеет смысла. И разговоры об этом ничем не помогут. Иногда об этом лучше забыть.

— Мне... — я смотрю вниз на свои руки. — Мне жаль.

— Не переживай, Виолетт. Давай снова сменим тему разговора, ладно?

— Слава Богу, — благодарно соглашаюсь я, а он смеется.

С мгновение мы молчим. Неловкость, вызванная темой самоубийства его мамы, постепенно рассеивается, как туман, оставляя лишь уютную дружескую атмосферу. Это хорошо. Ладно, это больше, чем просто хорошо. Я не могу прекратить украдкой поглядывать на его прекрасный профиль.

— Хотела бы я сейчас поплавать, — лениво говорю я, глядя с тоской на бассейн.

— Почему бы и нет?

Я морщусь.

— Слишком холодно.

Зейн садится.

— Знаешь, бассейн с подогревом.

— Да? Жаль, я не знала раньше, — вздыхаю я.

— Так пошли, поплаваем, — говорит он, дергая меня за хвост.

— Что, сейчас? — смеюсь я. — Почти полночь!

— И что? Ты превратишься в тыкву? Пошли.

Зейн уже встает и снимает свою рубашку, и я должна оторвать взгляд от его бронзовых мускулистых груди и плеч. О Боже, я что, пускаю слюни? Посмотрите на этот рельефный пресс!

Он останавливается, положив руку на пуговицу джинсов (вздых!) и выжидающе смотрит на меня.

— Ты будешь плавать в одежде?

Кажется, он совсем не осознает, что своим поведением вызывает у меня прямо сейчас сердечный приступ. Когда он начинает расстегивать джинсы, я отворачиваюсь так быстро, что практически падаю с кресла.

Я уверена, что покраснела с головы до ног. Вынуждена откашляться, чтобы заговорить с ним.

— Пойду поищу свой купальник, — удается мне выдать.

Звук его сексуального смеха заставляет мой пульс бешено стучать.

— Не забудь захватить свой надувной круг. Тебе что, десять лет? Тебе не нужен купальник. Здесь только мы вдвоем.

Я так шокирована его предложением, что быстро разворачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

— Я не собираюсь плавать с тобой нагишом!

Зейн стоит в черных боксерах и это вся одежда, и я не думаю, что видела когда-то что-то более прекрасное, чем его длинное тело, запутанные контуры и изгибы его гладких мышц. Теперь он ухмыляется — он что, чувствует, как я глазами пожираю его?

— Плавай в нижнем белье, — говорит он с полуулыбкой на губах. — Я не плаваю нагишом с такими хорошими девочками, как ты.

Я не могу остановить, появляющееся на моем лице хмурое выражение, которое опускает уголки моего рта вниз. Вопросы «почему бы и нет?», «что со мной не так?» крутятся на кончике моего языка. А потом я думаю... что со мной такое?! Конечно же, я не хочу плавать нагишом с Зейном!

Он смотрит на меня и слегка качает головой.

— Принеси свой купальник, Виолетт. И расслабься. Кажется, твоя голова вот-вот взорвется.

Я хмурюсь еще сильнее.

— Я в порядке! Ты просто застал меня врасплох, вот и все. Просто... отвернись. Я не могу раздеваться, пока ты наблюдаешь.

На его лице появляется забавное выражение. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но затем быстро закрывает. Снова качает головой, но отворачивается и плавно ныряет в бассейн. Когда он всплывает, то сразу же начинает наматывать круги.

Я хватаюсь трясущимися руками за край рубашки. Я что, правда делаю это? Подождите, на мне хоть красивое белье? О Боже, я не могу сделать это. Мои груди слишком большие. Это будет слишком неловко.

Боже, не выдумывай, Виолетт. Это просто плавание в бассейне с другом. С невероятно горячим и сексуальным другом. В нижнем белье. Черт побери, он же видел меня в нижнем белье прежде. Он ведь не раздувает из этого трагедию, и я не должна этого делать. Не хочу, чтобы он считал меня ханжой. Я не ханжа!

Я стою, мучимая ханжескими мыслями в голове. Затем что-то мокрое хватается меня за лодыжку и я кричу, отскакивая.

Это Зейн. Его темные глаза мерцают, глядя на меня, отражая подсвеченную воду бассейна. Его темные волосы мило торчат в разные стороны, когда он проводит по ним рукой.

— Что ты делаешь?

— Думаю, — говорю я, похлопывая рукой по своему, все еще сильно бьющемуся, сердцу.

— Да? И о чем же?

— Э-э... не знаю, должна ли я плавать. Я не думаю, что...

— Давай, я тогда облегчу тебе задачу.

Прежде чем я успеваю спросить его, что он имеет в виду, он поднимается, хватается меня за руку и тянет. Я теряю равновесие и с криком и огромным всплеском тону в бассейне!

Ладно, возможно, я и не тону. Я всплываю, уже крича на него.

— Идиот!

— Всегда пожалуйста! — кричит он в ответ. Смеясь, он отплывает.

Теперь, когда шок прошел, мои напряженные мышцы начинают расслабляться от истинного удовольствия находиться в бассейне в такую прекрасную ночь рядом с красивым парнем. Вода идеальной температуры, она охлаждает мою разгоряченную кожу и мягко плещется вокруг моего тела. Я оглядываюсь на Зейна, чтобы убедиться, что он не смотрит на меня, потом я снимаю свои рубашку и штаны под толщей воды.

Слава Богу, на мне черные кружевной лифчик и подходящие трусики. Мило, но не соблазнительно.

Ладно, это не так уж и странно. Я смогу сделать это.

Я подплываю к Зейну, и мы плещемся некоторое время, пока не начинаем соревноваться в плавании. Конечно же, он побеждает. Я хорошая пловчиха, но его рост в 188 см дает ему несправедливое преимущество. Это не останавливает меня от требования реванша. Но я все равно не выигрываю.

После того, как мы вместе непринужденно проплываем пару кругов, решаем сделать перерыв на мелководе. Но в этот раз, я совсем забываю, что на мне только нижнее белье. Я прислоняюсь к краю бассейна, вода касается верхней части моей грудной клетки.

— Как же хорошо, — довольно вздыхаю я, наклоня голову назад, чтобы увидеть звездное небо.

— Да. Действительно хорошо.

Что-то темное в его голосе заставляет меня посмотреть на него. Его глаза встречаются с моими, затем его взгляд медленно скользит вниз по моему телу. Он нарочно задерживается на моей груди, и так без вопросов понятно, куда он смотрит.

Я не могу остановить громкий вздох, который исходит от меня, когда Зейн подплывает ко мне, кладя руки по обе стороны от меня на край бассейна, закрывая своим телом. Мы почти не соприкасаемся, но находимся достаточно близко, так что я могу чувствовать жар его кожи, и у меня начинается головокружение от его близости.

Он опускает голову, чтобы заглянуть мне в глаза.

— Я ошибался, — говорит он нежно.

Его близость заставляет меня сжаться в тех местах, о существовании которых я не имела понятия. Все, что я могу сделать, это заново попытаться дышать и не поддаться внезапной боли, которая подмывает меня соединить наши тела.

— Насчет чего? — спрашиваю я тихим голосом. Мои глаза беспомощно опускаются к его сексуальному рту.

Этот красивый рот изгибается в знакомой полуулыбке.

— Я думал, что смогу контролировать себя достаточно, чтобы быть рядом с тобой вот так, — бормочет он. — Но оказалось, что не могу. Тебе нужно уйти, Виолетт.

Я так удивлена, что едва понимаю смысл его слов.

— Что? Уходи ты. Подожди... почему?

Зейн глубоко вздыхает и поворачивает голову, чтобы избежать моего замешательства.

— Потому что, — говорит он сквозь зубы. — Если ты не уйдешь, я поцелую тебя, и если я сделаю это, то ты окажешься голой.

Ох... подождите, что?!

Шок и желание накаливают мои нервы до предела, как будто в меня ударила молния. Мое сердце радостно подпрыгивает. Он хочет меня!

Он хочет меня.

— Ты очень уверен в себе, — получается у меня сказать почти уверенно.

Он усмехается. Мои гормоны сразу же реагируют на это.

— Прямо сейчас ты должна бояться меня, малышка.

Сексуальная перебранка. Я могу делать это. Делая глубокий вдох, я смело встречаюсь взглядом с его красивыми глазами.

— Я не боюсь, — пишу я. — Я совсем не боюсь.

Замечательно, теперь он позабавлен. Но он не отодвигается от меня, оставаясь на расстоянии поцелуя, возможно, даже переместился на дюйм ближе.

— Если бы ты знала, что я хочу сделать с тобой, ты бы боялась, — говорит он.

Э-э. Ой.

— Что же ты хочешь сделать со мной? — шепчу я.

Зейн ошеломляет меня тем, что подцепив пальцем переднюю часть моего лифчика, притягивает меня к себе достаточно близко, так, что я касаюсь его твердой груди. Затем он наклоняется и шепчет мне на ухо.

Он говорит...

О Боже.

Я знаю, о чем он говорит. Я слышала, как девочки из школы хихикали о том, что их парни делали это. Но я никогда не думала, что такое будут делать со мной, никогда в миллион лет я не могла представить, что кто-то такой, как Зейн, будет шептать мне на ухо, что он хотел бы сделать это со мной. Мне.

О Боже.

Зейн отплывает. Его челюсть сжата, тело напряжено. Он, кажется, тонет в моих широко раскрытых от шока глазах и его голос напряжен, когда он говорит,

— Говорил же, что тебе нужно бояться меня. Просто... я умоляю тебя, уходи, хорошо?

Напряженная тишина повисает на несколько мучительных секунд. Я так сильно хочу прикоснуться к нему, с такой пылкостью, что это пугает меня до чертиков. Поколебавшись, я протягиваю руку к его лицу.

Зейн отмахивается от моего прикосновения с обидной быстротой.

— Извини, — говорит он быстро, видя боль на моем лице.

Его отказ ранит, оставляя меня смущенной и сердитой. Он думает, что может завести меня, а затем отвергнуть?

Я использую лестницу, чтобы вылезти, после безуспешной попытки подняться через край бассейна.

Спасибо всем богам унижения! То, что нужно на прощанье! Зейн не говорит ни слова, когда я ухожу.

Но после пары шатких шагов, я останавливаюсь. Если я уйду вот так, он продолжит думать обо мне, как о маленькой испуганной девочке, которой он меня всегда считал, и мы снова продолжим притворяться, что между нами... ничего нет.

Я делаю глубокий вдох и молюсь о смелости. Затем — трясущимися руками, я медленно расстегиваю застёжку своего бюстгалтера. Лямки соскальзывают с моих плеч, и я позволю ему упасть на пол с тихим хлопком. Мне не хватает смелости обернуться, чтобы он смог увидеть меня. Я смотрю на него через плечо.

Зейн стоит неподвижно в воде по бедра, глядя на меня с такой интенсивностью, от которой у меня перехватывает дыхание.

Я тяжело сглатываю.

— К черту твой контроль.

Затем я ухожу, стараясь, чтобы руки оставались по бокам, а не прикрывали грудь.

Пожалуйста, пожалуйста, хоть бы я не споткнулась и не упала!

Я иду в дом, и к тому времени я — уже дрожащая масса нервов. Я закрываю грудь руками и убегаю в свою комнату, мое сердце пытается выскочить из грудной клетки.

Я не могу поверить, что это только что произошло! В нижнем белье! Что же мне теперь делать? Рискну ли я нарваться на него в душе? Не думаю, что у меня хватит сил встретиться с ним сейчас, но я вся в хлорке. Знаете, а это сушит кожу?!

Боже, это было так...

Сексуально.

Я решаю рискнуть и принять душ, но это самый быстрый душ в моей жизни. Я возвращаюсь к себе в комнату, где ложусь в кровать и укрываюсь одеялами.

Я... возбужденная, растерянная, злая и заведенная. Почему Зейн всегда заставляет меня чувствовать себя такой? Сумасшедшей и переполненной гормонами. Иногда мне с ним так комфортно, я чувствую себя так, как будто могу все рассказать ему. Но затем всегда появляется этот безумный порыв эмоций, когда я смотрю на него, или когда он улыбается...

Он тоже хочет меня.

Эта надоедливая мысль вертится у меня в голове, как самая лучшая песня. Это вызывает у меня головокружение.

Он хочет меня!

Долгое время я лежу с открытыми глазами, прислушиваясь к звукам, чтобы понять, вошел ли Зейн. Если он и вернулся этой ночью, то я уже заснула до того, как это произошло.

Глава 13.

Зейн бесит меня!

Итак, прошло несколько дней после происшествия у бассейна, а из-за переживаний и смущения я избегала его, пока не поняла, что и он тоже избегает меня.

Как он смеет?!

Он постоянно задерживается допоздна, иногда вообще не приходит домой. Я редко вижу с ним утром перед школой, а к тому времени, как я возвращаюсь домой, его уже нет. В те несколько раз, когда мне удалось столкнуться с ним, он был вежливым и отстраненным.

Наши поддразнивающие и непринужденные перепалки остались в прошлом, и я скучаю по ним, по нему, больше, чем я могла себе представить. Напряженность между нами так сильна, что я становлюсь застенчивой от каждого его и своего движения. Такое ощущение, что мы вдвоем создали между нами какую-то химическую реакцию, которую не в состоянии остановить, так что отчаянно пытаемся игнорировать ее.

Я такая неуклюжая и нервная в его обществе, я не знаю, как справиться с проблемой, и начинаю ввязываться в ссоры, чтобы получить хоть какую-то реакцию. Мы спорим по пустякам, например, из-за того, кто выпил молоко, или кто оставил включенным свет в гостиной. Да знаю-знаю... кто ссорится из-за такого? Наверное, давно женатые пары.

Я — глупая девушка-подросток, я признаю это, и как любая другая глупая девушка, которую игнорируют, я решаю, что есть лишь один выход из сложившейся ситуации: Заставить его страдать.

Я не хочу быть слишком очевидной, но прикладываю немного усилий, чтобы принарядиться, когда Зейн дома. Вместо моих обычных старых футболок и джинсов, я ношу короткие юбки с милыми кокетливыми топами, которые открывают немного больше кожи, чем я привыкла. Но отчаянные времена требуют отчаянных мер. Наш месяц совместного проживания практически закончился, и я уже собрала большую часть своих вещей и отвезла их в дом Джейн. Я чувствую... эту нервную потребность. Я чувствую, что если что-то и должно произойти между нами, то это будет сейчас или никогда. И эта мысль невыносима.

Вечер пятницы.

Я странно взволнована и обеспокоена. Зейн в кои-то веки дома, но заперся у себя в комнате. Он едва сказал мне два слова.

Итак, у меня на уме ужасная идея, и я пытаюсь успокоиться, чтобы осуществить ее.

Это очень плохая и распутная идея. Мне должно быть стыдно за нее.

Но я все же собираюсь сделать это.

Прежде чем я осознаю это, я уже стою перед его дверью, держа в руках свое розовое полотенце. После того, как я делаю глубокий вдох, негромко стучу в дверь.

Не дождавшись ответа, я вхожу. Зейн сидит за столом, работая за своим ноутбуком. Мое сердце подскакивает, когда я понимаю, что он без рубашки.

— Я... ах, хочу поднять душ. Подожди, я имею в виду принять!

Я смущенно краснею, но Зейн даже не оборачивается.

— Вперед, — бормочет он равнодушно.

Сукин сын!

— Спасибо! — фыркаю я, и топаю мимо него в ванную, хорошенько хлопнув дверью.

Я вся прямо дымлю, пока сбрасываю с себя одежду. Как он смеет вести себя так, как будто я для него не больше, чем неудобство! Я думала... не знаю, что я думала. Раньше мы, по крайней мере, были друзьями. Зейн задразнил бы меня за мою неловкость. Теперь он даже не может посмотреть на меня.

Злые слезы наворачиваются на глаза, но я смагиваю их. Я позволяю себе расслабиться под струями горячего душа, не торопясь мою голову и намыливаю кожу своим кокосовым гелем для душа.

Как долго я здесь нахожусь? Полчаса? Может и дольше. Я выключаю воду и беру свое пушистое розовое полотенце. После того, как я вытираю волосы и тело, туго оборачиваю полотенце вокруг себя и завязываю его спереди, между грудей. Оно как раз нужной длины — прикрывает мое туловище и едва достигает верхней части бедер. Э-э.

Намного короче, чем я ожидала.

Ну, за короткое время мне удалось напустить много пара. Я вытираю запотевшее зеркало полотенцем и смотрю на свое отражение. Я тренируюсь строить сексуальное выражение лица, но быстро сдаюсь, чувствуя себя глупо. Одной из тех девушек, которые делают тридцать фотографий своего отражения в зеркале, делая губки «уточкой».

Почему девушки делают это? Я делаю губы «уточкой» и это совсем не сексуально. Возможно, даже жутко.

Что Зейн делает сейчас? Может, он думает, что я утонула здесь? Может, его вообще нет в комнате? Я надеюсь, что это так.

Ладно, я ведь не могу здесь оставаться вечно? Я провожу рукой по волосам, откидывая их с лица.

Боже, я выгляжу испуганной. Хорошо, сейчас или никогда.

Вот, я выхожу.

Нет. Ладно... вот, сейчас.

Я открываю дверь и делаю крошечный шаг. Облако душистого кокосового пара проносится мимо меня. Зейн все еще сидит за своим ноутбуком! Он не разворачивается, но по внезапному напряжению его спины и плеч понятно, что он знает о моем присутствии.

Я откашливаюсь, прижимая полотенце к себе.

— Я забыла свою одежду,— бормочу я, и это больше похоже на то, что я умственно отсталая, а не соблазнительная.

Ну, ладно. Но я, наконец, добилась его внимания. Голова Зейна медленно поднимается, и я мельком замечаю его болезненно красивый профиль. Крошечная мышца на его сжатой челюсти дергается. Он злится? Свет исходит лишь из ванной позади меня, а приглушенное свечение экрана ноутбука слишком тусклое, чтобы увидеть выражение его лица.

Тишина повисает между нами, растет, пока не оживает и не наполняет комнату, отнимая у нас голоса и превращая в камень.

Я вдруг замечаю свое отражение в большом зеркале на дверце шкафа. Я ищу отражение Зейна, и мой взгляд пересекается с его и не отпускает. Несколько секунд мы смотрим друг на друга через зеркало, что, кажется, занимает целую вечность.

Я потрясена внезапно возникшей уверенностью в том, что если он повернется или я подойду к нему — прикоснусь к его гладким изгибам спины, чего я так давно хотела, — то проведу эту ночь в его постели. А этот темный пытливый взгляд, которым он смотрит на меня, молча обещает это.

Хочу ли я этого? Не знаю. Я хочу его. Боже, как же я хочу его. Но что я знаю о сексе? Я всего лишь семнадцатилетняя девственница, которая даже не знает, как правильно целоваться.

Наконец, Зейн переводит свой взгляд от меня к своему ноутбуку. Его голос груб и напряжен, когда он бормочет:

— Оденься.

Только он может завести и вывести меня из себя одновременно. Кем он себя возомнил?! Сидит здесь полуголый, выглядит чертовски хорошо, если бы я создалась в этом сама себе (что я очевидно и делаю). Сможет ли он сохранить свое безразличие, если я «случайно» уроню свое полотенце сейчас?

Но я не делаю этого из-за боязни того, что Зейн лишь взглянет на мое голое тело, пожмет плечами и снова отвернется.

Кроме того, я никогда не смогу поступить так. Это выходит за рамки моей опытности. Черт возьми, Мэтт — мой первый и единственный парень — никогда даже не снимал с меня рубашку. Зейн — мужчина, и я знаю не понаслышке, что он снял с девушек (женщин) больше, чем несколько рубашек. И многого другого.

В этом деле я неопытна. Но все же, я не могу оставить за ним последнее слово.

— Думаю, я погуляю голой немного, — огрызаюсь я, когда прохожу мимо него.
— Тебе, наверное, лучше оставаться в комнате. Я бы не хотела раздражать тебя.

Я украдкой бросаю на него взгляд и могу поклясться, что вижу намек на улыбку. Я не останавливаюсь, чтобы убедиться в этом, направляясь прямо в свою комнату.

Тяжело дыша, я не забочусь о том, чтобы одеться, когда хватаю свой мобильник и начинаю набирать номер. Да, я сейчас в состоянии «злого набора», похожего на «пьяный набор», но не настолько я тупа, потому что в состоянии повесить трубку, прежде чем появляются гудки, когда понимаю, что сейчас практически час ночи. Ладно, тогда завтра сделаю это.

Это наша последняя ночь вместе.

Я на кухне — кипячу воду для спагетти, которые готовлю сегодня на ужин. Я не очень сильно обращаю внимание на то, что делаю, так что у меня есть серьезные опасения насчет того, что у меня получится.

Где же Зейн? Что если он решил не приходить домой сегодня вечером? Я раздумываю над тем, стоит ли мне звонить ему, и прихожу к мудрому решению, что лучше не буду.

Я перемешиваю спагетти, чтобы не пригорели ко дну, затем нервно хожу взад-вперед. Это мой последний шанс. После сегодняшнего вечера я могу поцеловаться на прощание со своими шансами на успех, вместо поцелуев Зейна. Как только наши родители вернутся домой, Зейн вернется в Лос-Анджелес. И у меня вряд ли появятся шанс или оправдание, чтобы повидаться с ним.

Вот почему сегодня я пускаю в ход тяжелую артиллерию. Чтобы подготовиться к сегодняшнему вечеру, я потратила три часа: в этом мне помогала Лорен (после того, как я пообещала, что буду держать ее в курсе дела).

На мне новая одежда — только сегодня купила. Сексуальная красная рубашка, сшитая из прозрачной ткани, с глубоким V-образным вырезом. Перед держится на крошечных крючках, которые открывают небольшие зазоры кожи, когда я наклоняюсь вперед.

Легкая черная мини-юбка и высокие каблуки завершают мой сексуально-или-она-старается-слишком-сильно вид. На лицо я нанесла минимальный макияж: только блеск для губ и подводку для глаз; в моих волосах нет никаких средств для укладки, они струятся по спине.

Почему же я так долго собиралась? Я выбирала свое нижнее белье! Потому что я убеждена, что кое-кто увидит его сегодня. Я просто надеюсь, что...

— Что ты готовишь?

Я вскрикиваю, мои руки поднимаются вверх, что очень прискорбно, поскольку я держу дуршлаг полный спагетти.

Вот черт!

Каким-то чудом, Зейн ловит дуршлаг и большую часть его содержимого, за исключением нескольких кусочков, которые, конечно же, попали на меня. И догадываетесь, что? Они обжигающе горячие!

Я кричу и отбрасываю спагетти в раковину. Унизительно? Ага.

Зейн старается не засмеяться, пока ставит дуршлаг на столешницу. Он замечает мой внешний вид, медленно рассматривая с головы до ног, прежде чем заговорить.

— Что такое, Виолетт?

— Э-э... ничего. — Я занимаю себя тем, что очищаю липкие следы от теста со своей рубашки. — Ах, вообще-то, ты уходишь куда-то сегодня вечером? Потому что ко мне кое-кто придет сегодня. На ужин. Я готовлю спагетти. Для этого парня, Марка.

Зейн смотрит на меня несколько секунд.

— К тебе придет сюда парень?

Я нервно киваю, проводя рукой по своей короткой юбке.

— Да. На ужин... спагетти. — Я неуверенно показываю на кипящие на плите фрикадельки в соусе для пасты.

Он прислоняется к столешнице и складывает свои мускулистые руки на груди.

— Вообще-то, думаю, что сегодня я останусь дома.

— Что? Почему?

— Потому что я ни за что на свете не оставлю тебя одну с каким-то упертым ослом, особенно, в таком виде.

Мой рот открывается от возмущения.

— В каком это виде?!

— Ты знаешь в каком. — Он показывает на меня сердито. — Ему будет достаточно просто взглянуть на тебя, и он втрескается по уши. Тогда мне придется надрать ему задницу.

— Ох, нет, не придется! Я могу позаботиться о себе, и я действительно не нуждаюсь в твоём вмешательстве!

— Вмешательстве? — Я вздрагиваю, когда Зейн взрывается от раздражения. — Виолетт, тебе, черт возьми, семнадцать лет! Ты думаешь, что я просто буду сидеть в сторонке сложа руки и молча смотреть, пока какой-то ублюдок использует тебя.

Я хлопаю рукой по бедру.

— Кто сказал, что я не буду использовать его?

Зейн смотрит на меня так, как будто у меня выросла вторая голова. Он слегка качает своей головой.

— Ты ведь то самое не имеешь в виду, — говорит он спокойно.

Я смотрю на него.

— Нет, имею. Боже, ты такой лицемер! Раньше ты приводил сюда девушек каждый вечер, вынося их крошечные мозги. Я знаю, стены здесь очень тонкие и звуки хорошо слышны! Так что не смей меня поучать!

Глаза Зейна опасно сужаются, темные огоньки тлеют в их глубине.

— Это не одно и то же.

— С чего это? Потому что ты — парень?

— Потому что тебе семнадцать! — рычит он. — Черт! Почему ты ведешь себя так? Ты пытаешься похитить со мной за то, что произошло... той ночью?

Это выводит меня из себя!

— Возможно, я хочу быть с парнем, который заканчивает то, что начинает, — глумлюсь я.

Э-э. Ой-ой.

Только сейчас я понимаю, что я, как маленький ребенок, тыкающий в тигра палкой, и слишком далеко зашла. Этот хищный блеск в глазах Зейна не перепутаешь ни с чем, когда он подходит ко мне.

Я отхожу назад, но не боюсь его. Взмолновенность и это странное сочетание волнения и... желания, которое возникает всегда, когда я рядом с ним. Но я не боюсь его.

Ну, может, немножко.

Зейн ловит меня у столешницы, наклоняясь ко мне так, что мы соприкасаемся от груди до колен. Я задыхаюсь от такого контакта. О Боже, это ощущение его жара на моей коже! Что-то первобытное жадно ревет во мне. Я чувствую, как его сердце бьется в унисон с моим, мы оба дышим быстро и тяжело. Я вдыхаю замечательный аромат Зейна, такой сексуальный и такой взрослый, что он заставляет мои внутренности плавиться, как шоколад.

— Так что, ты хочешь, чтобы я закончил начатое? — его голос звучит низко и грубо, когда он говорит.

Зейн кладет одну большую руку мне на бедро и притягивает меня к своему телу, и я снова задыхаюсь. Черт возьми, он такой... твердый... везде. Мысленно, я по-девчачьи пишу.

— Хм, — говорю я нервно, отчаянно пытаюсь оставаться неподвижной, а не ерзать напротив него! — Я не знаю, что...

Зейн пристально смотрит на меня, как бы молча задавая вопрос, на который у меня нет ответа. Его рот в паре дюймов от моего. Если бы он лишь немного опустил голову, мы уже могли бы целоваться, а не ругаться.

Но нет же. Он негромко вздыхает и отходит. Он проводит руками по своим коротким темным волосам, отворачиваясь.

— Та ночь была ошибкой, — бормочет он.

Аррр!

— Что было ошибкой? Добиваться того, чтобы я практически голой плавала в бассейне, шептать пошлости мне на ухо, а затем обходить меня стороной, как чумную?! — Разъяренно, я пихаю его обеими руками. — Ты не можешь играть со мной в такие игры! Я думала, что... я считала нас друзьями. А теперь... ты даже не можешь находиться в моем обществе! Какая же ты сволочь!

— Я знаю! — кричит Зейн в ответ. — И ты заставляешь меня страдать за это каждый проклятый день.

Я смотрю на него.

— Да ты что? И как же ты страдаешь?!

— Ты знаешь как. — Он мрачно улыбается. — Ты прогуливалась здесь в этих своих маленьких сексуальных нарядах, проносясь мимо меня... дразня меня. Ты думаешь, я не знаю, что ты делаешь?

— Не знаю, о чем ты, — вру я, краснея до корней волос.

— Еще как знаешь, — говорит он, и тянет за край моей юбки. — Как насчет того трюка, который ты проделала в моей комнате, «забыв свою одежду»?

От этого я съеживаюсь от смущения. Я знала, что это было слишком очевидно и развратно.

— Я и правда забыла ее, — говорю я тихо.

— Конечно же. Черт. — Зейн смеется и качает головой. — Кто бы мог подумать, что такая малышка как ты, так, к хренам, заморочит мне мозг, что я не смогу трезво мыслить?

Его комментарий о «малышке» больно жалит меня.

— К твоему замороченному, к хренам, мозгу, я не имею никакого отношения, — говорю я холодно.

Он вдруг улыбается.

— Следите за языком, мисс Марсер.

— Ох, да пошел ты к черту, О`Коннор! — Я показываю ему средний палец.

— Ага, я бы принял твое предложение, если бы не знал, что ты убежишь с криком в противоположном направлении.

Я подбегаю к нему и толкаю его в грудь.

— Ага, ты всегда обвиняешь меня в боязни, но это ты всегда убегаешь.

Зейн смотрит на меня, злость искажает его лицо.

— Я пытаюсь защитить тебя, Виолетт, — рычит он.

Я снова толкаю его.

— А я говорила тебе, что могу позаботиться о себе сама...

Зейн вдруг подходит ближе, берет мое лицо в руки и резко обрывает меня на полуслове.

Его голова наклоняется, а затем его рот накрывает мой.

Все остальное отходит на второй план. Сильный запах фрикаделек и соуса, подгорающих на плите, замещает чисто мужской запах Зейна. Я купаюсь в нем. В этот момент только мы вдвоем существуем на всем белом свете, не завися от времени и причин.

Мы отчаянно целуемся, обезумев от этой необходимости. Он немного отстраняется, изменяя давление своих губ на мои. Наши языки соприкасаются. Я беспомощно стону, обвивая руками его шею, пытаюсь взобраться на него, как на дерево. Зейн помогает мне, подняв меня за заднюю часть моих бедер. Мы ударяемся о столешницу, он сажает меня сверху на нее, и отдаленно я слышу, как что-то ломается.

Я вся пылаю внутри той горячей болью, которая заставляет меня беспокойно двигаться напротив него. Я не могу подобраться к нему достаточно близко!

Зейн рычит низким голосом от моих движений. Я настойчиво тяну его за рубашку. Мне нужно чувствовать его кожу. Он отпускает меня лишь на мгновение, чтобы помочь снять с него рубашку, подняв ее над головой и отбросив в сторону.

Я пробегаю руками вверх и вниз по его груди. Наконец-то, наконец-то, я могу прикоснуться к нему! Он невероятен... шелк поверх стали, такой гладкий и обтекаемый. Моя рука накрывает его бешено бьющееся сердце. И это я делаю с ним такое! Ощущение власти проходит сквозь меня, когда он стонет и глубоко целует меня.

Я понимаю, что моя кофта расстегнута нараспашку, лишь тогда, когда он немного отстраняется. Зейн внимательно наблюдает за мной, когда медленно расстегивает мой бюстгальтер. Я краснею от смущения, когда его взгляд опускается, и он негромко выдыхает. Затем его теплые руки и талантливый рот оказываются на мне, и я забываю о застенчивости и просто отдаюсь прекрасным ощущениям.

Мои руки медленно опускаются вниз по прессу Зейна. Он останавливает меня, когда я добираюсь до молнии на его штанах.

— Подожди, Виолетт. — Он неуверенно посмеивается. — Ты убиваешь меня.

Я делаю глубокий вдох.

— У тебя есть что-нибудь? Я имею в виду... защита?

— Нет. — Он ухмыляется, когда я недоверчиво смотрю на него. — Я избавился от нее, чтобы у меня не было соблазна однажды ворваться к тебе в комнату и заняться с тобой разными пошлостями.

Я пялюсь на него.

— Это что, было настолько искушающе?

Он смотрит на меня, позволяя своему взгляду задерживаться на открытых участках моей кожи.

— О, да.

— Ох, э-э, ладно, — бормочу я, прикрывая грудь руками. — Думаю, мы должны...

Я умолкаю, указывая на... ни на что. Зейн кладет руки мне на бедра и приседает немного, так что наши лица оказываются на одном уровне.

Его взгляд серьезен, напряжен.

— Ты хочешь заняться со мной сексом?

Ого. Я краснею от его прямоты.

— Э-э... ого, это вроде как личное... — Я смотрю куда угодно, только не на него.

Зейн берет меня за подбородок и удерживает на месте. Он вскидывает бровь и ждет.

Я заставляю себя посмотреть на него, в его бездонные глаза, в темную, ангельскую красоту его лица.

— Да, — наконец, говорю я, мой голос тих, но непоколебим.

Зейн напряженно всматривается в мое лицо. После нескольких секунд он улыбается.

— Тогда хорошо. Хотя сегодня этого и не произойдет.

Я улыбаюсь в ответ.

— Наверное, нет.

Я слышу смесь разочарования и облегчения в своем тоне так же, как и Зейн.

Он нежно проводит пальцем вниз от моего подбородка к шее.

— Эй, — говорит он насмешливо. — Мы можем заняться и другими вещами.

Он не должен объяснять мне ничего, обещание тлеет в его глазах. Он толкает меня вниз на столешницу и продолжает возносить к небесам.

Глава 14.

Я лежу, задыхаясь, и чувствую себя безвольной, как спагетти, и мне нечего сказать.

Зейн поднимает голову, чтобы посмотреть на меня. Он ухмыляется, глядя на мое лицо.

— Ты в порядке?

Я откашливаюсь, проверяя, работает ли мой мозг.

— Эээ. Дай мне минутку.

Он посмеивается, и я слышу намеки на мужское удовлетворение в его смехе. Он дает мне возможность перевести дух, прежде чем снова начинает говорить.

— Знаешь, а я прочитал твои книги, — говорит он внезапно.

— Ты... — Я не могу смотреть на него, внезапно почувствовав себя невероятно уязвимой. — Ох.

— Они действительно классные. Ужасно смешные и умные.

Теплое зарево окутывает меня, как уютное одеяло.

— Спасибо,— говорю я застенчиво.— Я не...

Стук в дверь прерывает меня. В панике я смотрю на дверь.

Зейн оглядывается на меня.

— Ты кого-то ждешь?

Я подскакиваю так быстро, что, кажется, чуть не заработала сотрясение мозга.

— О Боже! Марк! — задыхаюсь я.

— Тот парень, с которым ты должна была встретиться?

Я отчаянно киваю. Часы на микроволновке показывают 18:57. Я смотрю вниз на свое практически голое тело. Черт!

— Успокойся, — говорит Зейн с ленивой улыбкой на губах.— Я избавлюсь от него.

Я осматриваю его сверху вниз. На нем нет рубашки, джинсы расстегнуты.

— Эээ, не выглядя, как модель с обложки Calvin Klein.

Он смеется, но, к моему облегчению, застегивает джинсы. На ходу он надевает свою рубашку.

— Так лучше? — спрашивает он через плечо.

— Уж точно нет, — бормочу я себе под нос.

Я ложусь, улыбаясь от уха до уха. Это было невероятно! Так вот из-за чего вся эта суета! А мы даже, технически, не занимались сексом. Если настоящий секс настолько же хорош, как и не-секс, тогда да, пожалуйста, еще!

Ничего себе, я чувствую себя замечательно, немного вяло и неприлично, но в хорошем смысле.

Мои приятные ощущение прерываются отвратительными кричащими звуками.

Мамин рингтон!

Я соскакиваю с тумбочки, пытаюсь найти свой телефон. Когда я уже кричу «алло!» в трубку, то задаюсь вопросом, почему я просто не включила голосовую почту.

— Привет, дорогая! Что замышляешь? — щебечет мамин голос мне в ухо.

Да так, ничего. У меня только что был невероятно сногшибательный опыт, благодаря твоему будущему пасынку.

Тьфу!

— Никого... то есть ничего! Совсем ничего, вот что я имею в виду. Как ты? Разве ты не должна сейчас лететь в самолете?

— Вообще-то... — смеется мама.— Поэтому я и звоню.

— Задержка, да? — прерываю я ее, отвлекаясь на свои попытки полностью одеться. Я не могу разговаривать с ней полуголой. Я кажусь себе такой нечестивой.

— Нет, нет! Как раз наоборот. Биллу позвонили насчет проекта Старпойнт. Я подумала, что обрадую тебя... мы сейчас на пути к дому Джейн.

— Черт возьми! — выкрикиваю я. — Это... круто.

— Знаю,— говорит мама радостно.— Не могу дождаться, когда увижу тебя! Мы будем там через 10 минут.

Дерьмо!

— Ох, подожди! Я на самом деле не у Джейн. Физически, я имею в виду. Я у Лорен.

— О, хорошо, — говорит она, и я слышу недоумение в ее голосе. — Билл, поехали в мою старую квартиру,— я слышу, как она просит его.

— Нет, подожди! — выпаливаю я.— Я вообще-то здесь ночевать буду. Лорен... очень расстроена. Она, эээ, только что узнала, что у нее есть тайный сводный брат. Что?

От мамы следует долгая пауза.

— Правда? Ого, это... неожиданно.

Прямо сейчас я бью себя по своей глупой голове.

— Да, сумасшествие. Эээ, я лучше пойду, сейчас она разбрасывается вещами. Так что я позвоню тебя завтра, хорошо? А теперь пока!

— О Боже! О Боже!

Зейн возвращается на кухню и наблюдает за тем, как я в панике бегаю вокруг.

— Что происходит? — спрашивает он удивленно.

Я возмущенно смотрю на него.

— Наши родители возвращаются домой! Моя мама думает, что сейчас я у Лорен, так что я должна быть там, прямо сейчас!

— Черт, — бормочет он, растирая лицо руками.— Это очень подходящее время.

— Я знаю!

Я бросаюсь в свою спальню и хватаю рубашку из сумки. Каким-то образом мне удается надеть ее, ох, это я сую голову в пройму! Наконец-то, мне удастся все правильно надеть, затем я разворачиваюсь и вижу Зейна, стоящего в дверях и грызущего яблоко, и надеюсь, что он не наблюдает за мной с удовольствием.

— Что, все будет настолько плохо, если твоя мама узнает о нас? — спрашивает он, опираясь локтем на дверной косяк.

— Ага, — отвечаю я быстро. — Моя мама крутая, но не настолько. Кроме того, она уже предупредила меня насчет тебя.

— Правда? И что же она сказала?

Я вытягиваю свое зарядное устройство из розетки и засовываю его в сумку.

— Она сказала, что я не должна влюбляться в тебя, потому что ты лишь разобьешь мне сердце, — наконец, отвечаю я.

— Хмм. — Он еще раз кусает яблоко.

Я беру свои сумки и прохожу мимо него. Я делаю всего пару шагов, когда он хватает меня сзади и разворачивает к себе лицом.

— Чт...?— начинаю я говорить.

Зейн притягивает меня к себе, и наши губы неистово сливаются вместе, что выводит все мои чувства из-под контроля. Я бросаю свои вещи и обнимаю его, приветствуя его интенсивность своим огнем.

Он первый отходит. Я до смехотворного рада видеть, что его глаза слегка расфокусированы, и он тяжело дышит.

— Твоя мама права,— говорит он почти себе под нос. Он поднимает мои сумки, как будто они ничего не весят, и направляется к входной двери.

Ошеломленная, я забираю свою сумочку и следую за ним.

Я так переживаю из-за того, что могу столкнуться с мамой и Биллом, когда отъезжаю от дома, что чуть не съезжаю с дороги — дважды! По пути, я быстро пишу сообщение Лорен, чтобы дать ей знать о том, что происходит. Как истинная лучшая подруга, она обещает, что меня будет ждать обед, когда я приеду.

К счастью, это она открывает дверь, когда я стучу. Она осматривает меня с головы до ног и разражается смехом.

— Да знаю я! — говорю я, передавая ей свою сумочку. Она берет ее и приглашает меня войти в квартиру.

— Ты выглядишь, как жертва урагана, — говорит она, все еще хихикая, пока ведет меня к себе в спальню.

Я осторожно осматриваюсь вокруг. Уголок близнецов — это настоящее бедствие. Они бы могли вдвоем спрятаться под всей этой грудой одежды, разбросанной повсюду, и я бы даже не догадалась об этом, пока они бы не высунули свои рыжие головы и не прокричали:

— Бу!

Лорен замечает мой взгляд и улыбается.

— Не переживай, — говорит она и ставит мою сумочку на свой идеально организованный стол. — Они сегодня ночуют у подруги.

— Замечательно, — вздыхаю я и плюхаюсь на кровать. Я поддаюсь очередному желанию проверить телефон на наличие сообщений от Зейна, которые я, должно быть, пропустила пока ехала сюда.

Ничего. Я покинула его пятнадцать минут назад. С чего бы ему писать мне? Какая же я дура.

— Так почему на тебе рубашка с Губкой Бобом? — Лорен хочет знать. — Что случилось с той, новой?

— Ах... эээ... — я закрываю свои красные щеки руками. — Зейн вроде как... разорвал ее.

Карие глаза Лорен комично расширяются.

— Должна ли я сходить за попкорном?

Я слабо киваю.

— И шоколадом.

Я рассказываю ей почти все. Мы сидим на ее кровати, жуя закуску, и она в таком восторге от моего рассказа, что даже забывает накричать на меня за крошки на постели.

— Ого, — говорит она, когда я закончила. — Это так... горячо.

— Правда? — вздыхаю я и бросаю кусочек шоколада в рот, едва попробовав его.

Лорен передает мне салфетку.

— Ладно, а что это еще за комментарий о том, что твоя мама права? Он признает, что разобьет тебе сердце?

Я всплескиваю руками.

— Конечно же, он разобьет мне сердце. Я прекрасно понимаю, что у нас ничего не получится. Я все еще учусь в школе, а у него своя жизнь и работа в Лос-Анджелесе. Я даже не могу представить себе, что мы будем вместе. Понятно?

С мгновение она молчит, затем пожимает плечами.

— Все может произойти. Ты не успеешь и заметить, как мы поедем в колледж, ты ведь хочешь пойти учиться в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе?

Я хлопаю ее по руке.

— Надо ждать несколько месяцев, до того момента мы уже, наверное, расстанемся. Зачем ему вообще встречаться со мной? То есть, ты знаешь, со сколькими девушками он встречался? Со многими.

Она озадачена моей горячностью.

— Ви, ты уверена, что не влюблена в него?

— Нет! Что ты? Нет... — я слабо смеюсь и нервно провожу рукой по волосам.— Он мне просто... нравится.

— Хорошо.— Лорен отступает и падает в свое кресло.— Итак, что теперь? Вы, ребята, типа встречаетесь? Будете тайно видеться друг с другом?

Я автоматически проверяю свой телефон на наличие сообщений. Ничего.

— Я не знаю, Лорен. Думаю, я просто... не знаю. Я подожду, тогда все и разъяснится, я надеюсь.

Про себя я насмехаюсь над словом «встречаться». Это просто слишком незрелое и... слабое слово, чтобы описать наши с Зейном отношения. То, что произошло между нами, было слишком напряженным опытом, чтобы его можно было описать таким прозаическим выражением.

Или я просто романтизирую то, что по сути было развлечением. Ага, наверное.

Но все же. Взгляд в глазах Зейна, когда мы целовались. Мне хочется верить: то, что я видела тогда, было большим, чем обыкновенная похоть. Ведь так?

Я не знаю. Мне хочется, чтобы он позвонил. Больше всего мне хочется услышать его голос, заверяющий меня, что все произошедшее не было ошибкой, и что мы снова будем видеться.

Глава 15.

Я соскучилась по мамочке. Я и не осознавала насколько, пока не увидела ее, бегущую ко мне, чтобы поздороваться, и я чуть не разрыдалась, когда она сжала меня в крепких объятиях.

Она великолепно выглядит! Судя по всему, поездка в Европу хорошо повлияла на нее. Я в восторге от ее новой прически и дорогой одежды. Мама вся светится от счастья и... да... любви. Она затягивает меня в дом, чтобы показать всю одежду и сувениры, которые привезла мне в подарок. Даже Билл выглядит довольным. Он неловко гладит меня по спине, когда я делаю комплимент по поводу его загара.

Мы официально переезжаем в дом Билла. Я ведь должна радоваться этому? Моя новая комната в три раза больше старой, и мама немного переборщила, украсив ее в стиле принцессы. Вся эта фиолетовая и антикварная мебель не совсем в моем стиле, но все равно это мило.

Мне нравится небольшой балкон с французскими дверями — идеальное место для любого принца, желающего взобраться и спасти меня. И гигантская кровать с драматически прозрачным балдахином заставляет меня чувствовать себя девушкой из гарема, и даже не знаю почему, но мне это нравится.

Итак, прошло три дня с того момента, как я виделась с Зейном. Наши графики, кажется, совершенно не совпадают. Но мы часами разговариваем по телефону. И да, я признаю, что мы занимаемся сексом через сообщения.

Не могу поверить, что я призналась в этом. Один вечер с Зейном — и я превратилась в сексуальную бабенку. Как же я соскучилась по нему. Он был в Лос-

Анджелесе, занимался какими-то своими делами, но сегодня вечером он приедет к нам на ужин.

Да. Ужин вместе с родителями. Упс.

Я до ужаса нервничаю и почему-то стесняюсь в мыслях снова увидеться с ним. Как я должна вести себя? Что мне надеть? Моя дилемма осложняется тем, что мама будет там и его отец.

Ох, как же все сложно.

Мама хочет, чтобы я надела красивое платье персикового цвета, которое она привезла мне из Парижа, и я понимаю почему, когда захожу в гостиную и вижу, что она одета в сочетающееся с ним платье! Я сразу же разворачиваюсь, чтобы пойти переодеться, но голос мамы останавливает меня.

— Боже мой, Виолетт, ты так прекрасно выглядишь!

Я, громко вздыхая, останавливаюсь.

— Спасибо, — бормочу я.

Мама держит свой iPad под мышкой. Когда я ее спрашиваю об этом, она вся сияет.

— Я подумала, что Зейну захочется посмотреть наши фотографии из поездки. Я знаю, что ты уже почти все их видела, должно быть, я присылала тебе их тысячами каждый день.

Я открываю рот, чтобы сказать ей, что рада была получать их, но звонок в дверь прерывает меня, и вместо этого я вскрикиваю и подпрыгиваю.

— О, это, должно быть, Зейн. Открой дверь, хорошо? И почему ты такая нервная сегодня, Виолетт? Может тебе нужно потреблять меньше кофеина?

Он здесь!

Жутко волнуясь, я иду на негнущихся ногах в фойе. Делаю глубокий вдох и открываю дверь.

И я полностью обескуражена, когда вижу Зейна, который выглядит невероятно красивым в рубашке с длинными рукавами и бежевых брюках. Его мягкие темные волосы выглядят так, как будто он проводил по ним руками, а его подбородок покрыт небольшой щетиной... как же это сексуально!

— Привет, — говорит он, сверкая своей сексуальной полуулыбкой.

— Привет-привет, — я смотрю на него.

— Эээ, можно мне войти?

— Ох! Да, извини.

Я открываю дверь пошире и отхожу в сторону. Зейн проходит мимо меня, затем оборачивается. Мы стоим вот так в фойе, захваченные неловким молчанием.

Он подходит, чтобы взять меня за руку, но я отступаю назад. Он приподнимает бровь, когда я поспешно отхожу от него.

Я не знаю, как объяснить ему свои чувства: что если он прикоснется ко мне, то сломает плотину подавленных эмоций, которые я так отчаянно пытаюсь контролировать. А сейчас не время для этого, не тогда, когда мама находится в соседней комнате.

Говоря о...

Появление мамы спасает меня в самый последний момент. Она спешит обнять Зейна, странно же ревновать к собственной маме? Также у меня появляется неожиданное желание выкрикнуть: «Он видел меня голой!».

Слава богу, я этого не делаю. Я прикрываю рот рукой и следую за ними в гостиную. Они сидят на диване, а я плюхаюсь в кресло. Как в тумане, я наблюдаю за тем, как мама болтает с ним, заставляя рассматривать фотографии, и рассказывая забавные истории о своих европейских приключениях.

Зейн так мил с ней! Терпеливый и обворожительный, он шутит вместе с ней о своих приключениях.

Время от времени он смотрит на меня, вопрошающе и насмешливо. Я избегаю его взгляда, но украдкой смотрю на него, когда его внимание направлено на кого-то другого.

Я очерчиваю его идеальные черты глазами: его высокий лоб, темные брови над насыщенными темными глазами, прямой нос... этот красиво изогнутый, сексуальный рот. Изысканный изгиб его скулы. Сильную квадратную челюсть, небритость...

Эй, я только сейчас поняла, щетина Зейна намного светлее, чем волосы на голове. Хмм, как волоски на руках. Раньше я не замечала этого... он красит волосы? Мне интересно, они такого же рыжего оттенка, как и у его отца?

Или, возможно, он один из тех людей, чьи волосы на теле видны только на свету? Я знала девушку, в которой экзотически смешалась гавайская, филиппинская и германская кровь. Ее волосы и кожа были темными, но у нее были светлые усы. Их было прекрасно видно на свету.

Ну да ладно. Я делаю мысленную заметку, спросить его об этом позже. Это не сильно-то и важно. Я все время крашу волосы.

Билл заходит в комнату, и они с Зейном начинают разговаривать о работе. Мама выходит проверить ужин. Я неловко ерзаю в кресле, разрываясь между желанием убежать в свою комнату и броситься в объятия Зейна.

— Виолетт?

— Да?

Мама стоит передо мной и по выражению ее лица ясно, что я действительно потеряла нить разговора.

Смущенная, я тут же становлюсь вся внимание.

— Что с тобой сегодня происходит? — спрашивает она, пристально глядя на меня. Она тянется пощупать мой лоб тыльной стороной ладони. — Ты в порядке?

Не смотри на Зейна. Не смотри.

— Да, — рассеяно бормочу я, проводя вспотевшими ладонями вниз по платью. — Да... я... э-э... знаешь... пенис.

— Прости?

Я в ужасе смотрю на маму.

— О Боже! Что я только что сказала? Я хотела сказать пенис!

Может ли мама выглядеть еще более ужаснувшейся? Не думаю.

— Ты и сказала «пенис», — замечает она.

Я быстро прикрываю рот рукой.

— О, нет.

Слишком ли это самоуверенно, надеяться, что Зейн и его отец не слышали наш короткий разговор о «пенисах»? Ну да, конечно. Я не собираюсь смотреть в их сторону. Я буду игнорировать те приглушенные кашляюще-смеющиеся звуки, исходящие от Зейна.

— Я помогу тебе на кухне, — говорю я маме несчастно.

Она смотрит на меня настороженно.

— Думаю, так будет лучше.

Как только мы оказываемся за дверью, она беспощадно допрашивает меня. Я вынуждена сказать ей, что Лорен заставила меня посмотреть пошлый фильм прошлой ночью, и теперь она считает мою подругу какой-то извращенкой с тайным братом. Я удивляюсь, почему каждый раз я делаю из нее своего «козла отпущения». Возможно, что для этого и нужны лучшие друзья?

Мама хочет, чтобы мы ели за маленьким кухонным столом, так как считает, что стол в столовой слишком большой и формальный для нашей компании, состоящей из четырех человек.

Я думала, что сидеть соблазнительно близко возле Зейна будет плохо, но сидеть напротив него еще хуже, потому что теперь я вынуждена смотреть на него. Я накалываю свою спаржу, пока мама весело болтает о свадьбе.

— Почти все гости приняли наше приглашение, и похоже, на свадьбе их будет около двухсот, — говорит мама. Она качает головой. — И большая часть с моей стороны. Как жаль, что у тебя больше никого нет, кроме Зейна. Я рада, что большая часть твоих друзей с работы смогут прийти.

Билл пожимает плечами, вонзая нож в свой ростбиф.

— Они больше знакомые, чем друзья, — бормочет он. Итак, ясно, что он пригласил их только по настоянию мамы.

— Зейн, когда ты возвращаешься в Лос-Анджелес? — спрашивает она, и я прислушиваюсь, желая узнать его ответ.

— Сегодня вечером. Я уже собрался, — говорит он.

— Ох, как жаль, что ты должен возвращаться так скоро, после того, как мы приехали, — вздыхает мама. — Ты же сможешь приехать на нашу вечеринку в честь помолвки?

Зейн сверкает своей убийственной улыбкой.

— Ни за что на свете не пропущу.

Он переводит свой взгляд на меня и ловит на подглядывании за ним. Я поспешно отворачиваюсь, хлопая рукой по столу. Мои пальца задевают край ложки, которая балансирует на тарелке, подбрасывая крошки пюре в воздух. Они приземляются на плечо Билла. Он даже и не замечает этого.

Пока я вытираю пятно от пюре с его рубашки, мама снова поворачивается к Зейну.

— Вы с Виолетт часто виделись, пока мы с Биллом были в отъезде?

Упс!

Зейну удается поймать мой взгляд, полный паники. Его глаза искрятся от озорной злобы.

— Ох, изрядное количество раз, правда, Виолетт?

Я стискиваю зубы и тру сильнее место на бедном плече Билла.

— Это хорошо. Я рада, что вы ладите.

— О, да, — говорит Зейн и усмехается в мою сторону. — Однажды, мы даже ужинали вместе. Это была лучшая трапеза в моей жизни.

Бог ты мой!

— Правда? — огрызаюсь я, глядя на него.

Я чувствую, что сейчас загорюсь. Как он может говорить такое с улыбкой на лице? И посмотрите на то, как он соблазнительно медленно жуёт спаржу.

О Боже, они догадаются о том, чем мы занимались! Они...

— Думаю, ты уже все отчистила, Виолетт, — голос Билла прерывает мои бешеные мысли. Он пытается вырвать из моей железной хватки свой рукав.

— Не говори так! — выпаливаю я, случайно глядя на Билла. — Я имею в виду... э-э, извини!

Каким-то чудом, мама совершенно не обращает внимания на пошлые разговоры Зейна.

— Я очень переживала, что вы не сможете подружиться, — смеется она.

Зейн посмеивается вместе с ней.

— Ну, Лили, в самом начале у нас действительно были запутанные отношения, но сейчас Виолетт для меня как младшая сестра, которую я никогда не хотел.

Я пихаю его ногой под столом. Сильно.

— Ай! — кричит мама и смотрит вниз. — Виолетт! Ты только что ударила меня?

Я задыхаюсь, виновато округлив глаза, а тем временем Зейн (козел) приглушенно смеется в кулак.

— Нет! — отрицаю я и бросаю взгляд на Билла, молча впутывая его. После этого все только набирает обороты.

После обеда я затягиваю Зейна за полу его рубашки в ванную комнату. Я едва успеваю закрыть дверь, как он прижимает меня к ней, поглощая своим телом.

— Мы займемся этим в ванной? — ухмыляется он. — Виолетт, я поражен.

— Да заткнись ты! — Я кладу обе руки ему на грудь и пытаюсь оттолкнуть. Но он не сдвигается с места. — Как ты мог говорить такое перед моей мамой, извращенец?! Если бы она все поняла?

Зейн только качает головой. Он кладет руку на дверь у меня над головой.

— Ох, да ладно тебе. Родители слышат только то, что хотят. Твоя мама так занята подготовкой к свадьбе, что я мог бы делать это перед ней, а она бы даже не заметила.

Он прижимается еще ближе, покрывая поцелуями мою шею. Я неудержимо дрожу.

И вот, теперь мы безудержно целуемся у двери. В ванной.

Я ничего не могу поделать, Зейн делает что-то удивительное своими руками, и я громко стону.

— Тсс! — смеется он и прижимает палец к моим губам. Я замираю под ним.

Вдруг в дверь кто-то стучится.

— Виолетт? Это ты?

Мама!

Я беспомощно смотрю на Зейна. Вот черт!

— Э-э, нет, это я, Лили, — отвечает Зейн, спасая меня. — У меня просто проблемы с... молнией.

Я громко фыркаю. Зейн, с возбужденными глазами, прикрывает мой рот. Мы тихо посмеиваемся из-за маминой тишины.

— Ой, — наконец говорит она приглушенно. — Ну ладно, дай мне знать, если тебе понадобится моя помощь. Ох, нет, я не это имела в виду! Я просто хочу сказать, что если тебе... ох, нет. Ладно, я пойду! Удачи!

Зейн прикасается своим лбом к моему, пытаюсь не засмеяться.

— Хорошо! Спасибо! — удается ему сказать.

Мы оба прыскаем со смеху. Рука Зейна все еще прикрывает мой рот, так что я кусаю ее. Он вздрагивает и отходит в сторону с самодовольной ухмылкой на лице.

— Ты выходишь первым, — шепчу я, пока он застегивает свою рубашку. — И не смей больше говорить пошлостей!

— Не убегай от меня больше. — Дразняще говорит он, но его темные глаза совершенно серьезны.

Он наклоняется, чтобы поцеловать меня в последний раз, затем поднимает и отодвигает от двери.

Когда он успешно прошел незамеченным, я закрываю дверь и снова опираюсь на нее. Я позволяю своей голове повиснуть, посмеиваясь над собой. Мои кости размякли, как кашица, не могу сказать из-за чего точно: либо от поцелуев Зейна, либо от того, что нас чуть не застукали.

Но это полуболезненное, полувосторженное парящее чувство?

Кого мне винить в этом?

Глава 16.

Паршиво, что Зейн находится в полутора часах езды в Лос-Анджелесе, но мы постоянно звоним друг другу, и как только у него появляется возможность, он всегда приезжает ко мне.

Нам все еще приходится скрываться ото всех из-за моей паранойи по поводу того, что мы можем столкнуться с мамой, вот почему мы избегаем людных мест. Я разрываюсь между желанием показать Зейна людям, которых я знаю, и при этом желаю сохранить его для себя в качестве небольшого секрета. Он, кажется, не имеет ничего против.

Мы ходим в кино в разных городках, обедаем в таких эксклюзивных и дорогих ресторанах. Я уверена, что никто из моих знакомых не сможет позволить себе такого.

Ох, и что действительно выводило меня из себя, так это то, что куда бы мы ни пошли, девочки постоянно преследуют его!

Откровенно и прямо передо мной, хотя ясно, что мы с ним вместе. Зейн реагирует на это дружелюбно, должно быть, такое с ним происходит постоянно. Однако, я не переносу все так спокойно, как он. Да, оказывается, я — ревнивая стерва, которая без проблем может послать куда подальше его поклонниц.

Зейн считает это забавным, но это действительно беспокоит меня. Кто знает, сколько девушек бежит за ним в Лос-Анджелесе? Флиртует ли он с ними в ответ? Я заиклилась на этом, но не могу заставить себя расспросить его или попросить конкретней определить наши отношения. Я боюсь того, что он может сказать.

Мне нравится просто гулять с ним по пустынному пляжу по ночам. Мы говорим обо всем на свете. Я рассказываю о своих скучных днях в школе, а он, в свою очередь, о сложном проекте, над которым работает.

Вот чем мы и занимаемся сейчас. Гуляем по пляжу.

— Ладно, ты уверен, что хочешь увидеть это?

Я сижу на коленях, лицом к Зейну. Он развернулся ко мне в профиль и распластался на песке, опираясь на локти, наблюдая, как волны ударяются о берег. Ветер легонько ерошит его короткие темные волосы, а мои же безжалостно треплет.

— Умереть не встать, как хочу увидеть твою фотографию в возрасте десяти лет, — торжественно говорит Зейн. — Дай взглянуть.

— Хорошо. — Я сжимаю снимок в руке. — Ты, наверное, будешь смеяться, поэтому я прощаю тебя заранее.

Я тычу фото ему в грудь. Он берет его и смотрит на него в неярком свете. Затем его глаза расширяются.

— Черт побери, — вздыхает он. — Эта девочка съела тебя?

— Ха-ха, нет. Смешно. — Я отбираю свою фотографию. — Так что я была очень толстой. Это вина моего отца. Он никогда не обнимал меня.

— Так что, ты съела его?

Я бью его плечу.

— Ты такой грубый.

Он смеется и хватается меня за руку.

— Ладно, прости. Могу я снова взглянуть на нее? Я обещаю вести себя хорошо.

— Смотри мне, — обиженно говорю я.

Я снова отдаю ему фотографию, и он внимательно изучает ее. Я не имею ничего против его поддразнивания, черт, да я прекрасно понимаю, что была размером с кирпичный дом. Но показывать ему, как я выглядела в десять лет, похоже на исповедь. Будет ли он теперь смотреть на меня по-другому?

— Ты была милой, — наконец говорит он, отдавая мне фотографию.

— Нет, не была, — поправляю я его. — Я выглядела странно. У меня были блондинистые волосы, смуглая кожа и глаза странной формы. Я была похожа на пришельца. На толстого блондинистого пришельца.

— Не-а. Ты была экзотичной.

Я закатываю глаза.

— Ладно. А как ты выглядел, когда был ребенком?

Зейн садится, поднимая свои длинные ноги и опираясь на них руками.

— Ааа, ну, знаешь, таким, как и сейчас, разве что пониже. И, конечно же, очаровательней.

— Да? Готова поспорить, ты был проказником.

— Я? Не, я был хорошим ребенком. Когда мне было, я не знаю, около пяти лет, я любил говорить всем, что я китаец.

— Что? — Я начинаю смеяться. — Зачем?

Зейн пожимает плечами, улыбаясь, и почесывает подбородок.

— Не знаю. Наша повариха была китайкой. Думаю, мне нравилось, как она разговаривала. Ладно, признаю, что я был странным.

— Это немного странновато, — соглашаюсь я. — Кем ты хотел стать, когда вырастешь? Ты всегда хотел быть инженером-программистом?

— Черт, нет, — усмехается он. — Э-э... я хотел быть школьным дворником. Что? Не смейся. — Он толкает меня плечом. — Мне нравились зеленые комбинезоны.

— О да, я бы могла представить тебя в нем, — говорю я, пихая его в ответ. — Ты бы выглядел весьма привлекательно.

— Я бы выглядел в нем сексуально, — говорит он. Когда я фыркаю, он бросает в меня горсть песка. — Твоя очередь, Марсер. Кем ты хотела стать?

— Динозавром, — говорю я сухо, а он смеется. — Ладно, думаю, что я хотела быть писателем.

— А теперь ты им и стала. Успешным.

Я неловко пожимаю плечами.

— Ох, не совсем, — бормочу я. — Я просто создаю то, что люди будут читать.

Зейн поднимает голову, прищуривая глаза от розоватого света.

— Как по мне, так ты и есть писатель.

— Нет, это не одно и то же, — я качаю головой. — Для меня это не совсем писательство, потому что я не пишу то, что... мне хочется писать. Я пишу то, что продается. Я следую успешной формуле, понимаешь? Все популярные книги имеют практически одну и ту же историю только с разными именами. Я даже не наслаждаюсь процессом, потому что чувствую себя, как на распродаже.

— Эй, ты ведь оплачивала мамины медицинские счета? Для меня это потрясающий поступок.

Зейн тянется, чтобы легонько подергать меня за локон.

— Если бы это было настолько просто, мы бы все занимались этим.

Я угрюмо вздыхаю и погружаю босые ноги в прохладный песок.

— Возможно.

— Иногда приходится идти на уступки, чтобы получить возможность заниматься тем, чем тебе нравится, — говорит Зейн философски. — Думаю, ты этого уже добилась, Виолетт.

— Только в процессе, — бормочу я. Я качаю головой. — Давай сменим тему разговора. Э-э... когда ты лишился девственности?

Он бросает на меня взгляд.

— Ты первая. Когда ты хочешь потерять девственность?

Я нервно смеюсь.

— Эй! Я первая спросила.

— Да, но мой вопрос важнее. Итак... думаю, лучшим твоим ответом будет показать, а не сказать.

Я наклоняюсь, чтобы стукнуть его, но он перехватывает меня и толкает назад. Мы немного боремся, и я оказываюсь лежащей спиной на песке, а он — сверху, на мне.

Зейн смотрит на меня со своей превосходящей позиции.

— Я выиграл, — говорит он самодовольно.

Он перенес большую часть своего веса на предплечья, тогда почему я не могу дышать? Ах, ну, да, он всегда вызывает у меня такую реакцию, когда наши тела соприкасаются. Я утопаю в его тепле, в его запахе. Если мы поцелуемся, его губы будут слегка солоноватыми, как морской воздух.

Его лицо находится в дюймах от моего.

— Ты жульничал, — говорю я тихо, заглядывая в его блестящие темные глаза. — Ты пытался отвлечь меня.

Он нежно смахивает несколько волосинок с моего лица.

— Но ведь сработало?

— Эй, ребята! Никакого публичного прелюбодеяния! Снимите номер!

Внезапный оклик раздражает. Мы с Зейном поднимаем взгляды и видим жутко тощего рыжеволосого парня с длинной бородой, который беззубо улыбается нам. Он подтягивает свои поношенные шорты сзади, маниакально хохоча, а потом уходит прочь.

Мы переглядываемся и смеемся. Зейн перекатывает меня на себя, так что теперь я сижу верхом на его бедрах. Он кладет руки себе под голову и лежит в расслабленной позе.

— Вид мне бы понравился намного больше, если бы на тебе было меньше одежды, — бормочет он. И снова на его лице появилась эта ленивая сексуальная улыбка.

— Конечно, почему бы мне тогда не снять свой топ? — Я оглядываюсь, замечая нескольких людей, гуляющих дальше по пляжу. — Как ты думаешь, я смогу заработать денег, показав своих девочек?

Зейн смеется.

— Милая, я отдам тебе штуку баксов, которая лежит у меня в кармане, если ты покажешь мне своих девочек.

— Ох, так вот, что у тебя в кармане? — спрашиваю я невинно. — Значит, вот такая штука баксов на ощупь.

— Нет, это чувствуется восьмидюй...

Я прикрываю ему рот, затем пихаю в живот.

— Так что, — я откашливаюсь. — Сколько тебе было лет, когда ты впервые занялся этим?

Зейн берет меня за руку и целует ладонь.

— Хорошо, только не осуждай меня. Мне было двенадцать.

Мои глаза расширяются в неверии.

— Что?! Это было... ты...?

— Она была старше меня, ей было тридцать. — Он прелестно щурится, когда делает паузу. — Я был не по годам развитым. После того, как мама покончила с собой, я слетел с катушек. Много пил, спал с каждой попавшейся девчонкой, которая была настолько глупа, что не могла отказать мне... не знаю, что я пытался этим доказать.

Я слезаю с него и ложусь рядом на песок.

— Да ладно, ты был ребенком, пытающимся справиться с ужасной ситуацией любым доступным для тебя способом.

— Да. — Зейн легонько выдыхает и смотрит вверх на пасмурное небо. — Хочешь узнать, что-то действительно ужасное? Я не грустил из-за того, что она умерла. Я был зол. Потому что она снова испортила мне жизнь своей сумасшедшей фигней. Знаешь, я даже не скучал по ней, ее смерть не сильно заботила меня. Думаешь, это делает меня сволочью?

Я старательно пытаюсь смотреть в небо.

— Нет. Ты говорил, что едва знал ее, и все твои воспоминания о ней были травматичными. Тот факт, что она твоя мама, вовсе не означает, что ты должен любить ее. Она была бедной сумасшедшей женщиной, которая родила тебя. Возможно, ты был рад, что она больше не страдает.

С мгновение он молчит, затем поворачивает голову, чтобы взглянуть на меня.

— Где ты была, когда мне было двенадцать?

— Ну, мне было девять лет. — Я направляю свой взгляд на него. — И, должно быть, я была заперта в кузове грузовика со своими пирожными, проедаая себе путь к свободе. Да, такое действительно было.

Зейн переворачивается на живот, смеясь.

— Готов поспорить, ты была классной.

— Ну, да, конечно, — говорю я скромно.

Он тянется ко мне и легонько проводит пальцем по моей щеке. Его глаза, кажется, темнеют от какой-то серьезной эмоции.

— Ты бы мне нравилась даже тогда.

Его взгляд слишком напряжен, и я не могу этого вынести. Это заставляет меня чувствовать себя беспомощной, незащищенной. Ярываю зрительный контакт, отворачиваясь.

— Тебе нравятся толстые девахи, да? — говорю я, отбрасывая волосы назад.

Он берет меня за подбородок, заставляя встретиться с ним взглядом. Его глаза смотрят прямо на меня.

— Мне нравятся девушки с глазами цвета меда и корицы, с губами, которые я не могу перестать целовать, и с потрясающим телом, созданным для моего.

Если бы я была в состоянии говорить, я бы точно разрушила такой момент, сказав что-то тупое, типа «и кто же это» или «пенис».

Слава Богу, я потеряла дар речи.

Зейн наклоняется. Его губы накрывают мои, сметая все рациональные мысли.

Я лечу в сладком, золотом потоке света. Его прикосновения и вкус! Мягкость и твердыня, свет и тьма, удовольствие и боль... Прекрасная боль, необходимость которой я не могу объяснить. Я обнимаю Зейна за шею и притягиваю ближе. Он... все для меня.

Мы целуемся бесконечно долго. Первым отодвигается Зейн, не отрывая от меня взгляда.

Ото всех эмоций, переполняющих меня, кружится голова. Как один поцелуй может быть... более интимным, чем все те вещи, которыми мы занимались на кухонной столешнице?

— Нам лучше остановиться, — говорит он, целуя кончик моего носа. Он улыбается мне сверху вниз. — Хочешь поплавать? Я бы не отказался отвлечься.

Я нервно смеюсь.

— Я тоже.

Зейн легко встает на ноги, затем помогает мне. Мы не заботимся о том, чтобы закатать джинсы, мы просто заходим в воду и наблюдаем за плеском волн.

— Я тоже на нее сильно сердилась, — вдруг выпаливаю я. — На маму. Она знала... знала, что с ней что-то не так. Она ощущала комки в груди, но она отрицала это. Я просто продолжаю думать, что если бы она лучше заботилась о своем здоровье, они бы обнаружили его раньше и сумели предотвратить. Рак... был для меня неожиданностью, понимаешь? Я думала, что у нее грипп.

Я подавляю смешок. Зейн берет меня за руку. Его тепло придает мне сил.

— Я продолжаю думать, что болезнь вернется тогда, когда я меньше всего буду ожидать этого. В один из моих самых счастливых моментов. Так что, я всегда боюсь быть счастливой.

Зейн смотрит на горизонт.

— Знаешь, в мире столько вещей, которые могут пойти наперекос, что ты можешь провести всю свою жизнь, переживая из-за них, и забыть о том, что нужно ценить каждый момент с близкими тебе людьми. А потом ты будешь думать: «Боже, почему я не был благодарен тогда, когда имел это?» — Он оглядывается на меня. — Знаешь, в чем секрет счастливой жизни?

Я качаю головой, молчаливые слезы бегут по моим щекам.

Он сжимает мою руку.

— Никаких сожалений. Живи только мгновением.

Так мы и стоим по колено в воде, держась за руки. Тишина наполнена нашими словами, которые мы не произносим. Я чувствую его присутствие рядом с собой, как будто он часть меня, только выше и сильнее и намного красивее. Но я не могу смотреть на него. Прямо сейчас это делать слишком больно.

Глава 17.

Все в школе разговаривают о танцах на Хэллоуин. Нас с Лорен пригласили несколько парней, но мы им отказали. Мы не посещаем внеклассные мероприятия, думаю, что все уже привыкли к этому.

Такие вещи не для нас. Как и воодушевленное подбадривание на собраниях. Мы вдвоем просто сидим на таких собраниях среди других ботанов, делая домашнюю работу, пока подростки вокруг нас прихлопывают и радуются.

Я не могу объяснить свое отчуждение от жизни старшей школы. Я имею в виду, что уже пыталась попробовать быть менее отрешенной с Мэттом, так как он любил все эту чепуху, но мое сердце никогда не лежало к этому. Со мной что-то не так?

Хотя Зейну повезло. Я не заставляю его посещать глупые школьные танцы со мной и не пытаюсь затащить его на дружескую вечеринку. Я рассказала ему, что не люблю все это, и он, казалось, был этому даже рад.

Однако, скоро в «Сансет Паркс» будут проводить «милые сердцу танцы», куда бы я хотела сходить. Я яростно спорила сама с собой по поводу того, должна ли я пригласить Зейна. Посчитает ли он меня неудачницей из-за этого приглашения?

Я пишу ему после школы, чтобы не струсить.

Я: Привет. Какие планы на Хэллоуин?

Он присылает мне ответ минутой позже.

Зейн: Не знаю. Наверное, буду работать. А что такое?

Я: Ничего. Просто интересуюсь, хотел бы ты пойти со мной на танцы, которые будут проходить у меня на работе.

Я откладываю телефон, ужасно переживая. Делаю вид, что занята поисками чего-то на кухне, не знаю, почему меня это так заботит, ведь поблизости никого нет. Мгновение спустя звонит мой телефон, и я подпрыгиваю как... не знаю как. Нервничая, я читаю его ответ.

Зейн: Ты приглашаешь меня на выпускной бал?

Я: Ха-ха.

Зейн: Во сколько?

Я: В шесть?

Я жду две минуты и 37 секунд. Затем мой телефон пищит.

Зейн: Я буду там.

Я так рада, что он не может видеть мой безумно тупой победный танец.

К несчастью, я больше не одна, как я предполагала. Билл стоит у холодильника и по испуганному выражению его лица понятно, что он находится здесь уже какое-то время.

Замечательно.

— Ты не должна приводить с собой пару.

Мы с Лорен сидим на нашем месте во время обеда — это наша любимая лавочка в столовой. Она ест свой сандвич с индейкой, пока я работаю над эссе по «Преступлению и наказанию».

На самом деле, все, что я делаю, — это пытаюсь убедить ее пойти со мной на «милые сердцу танцы».

Лорен закатывает глаза и аккуратно пьет воду из бутылки.

— Я не хожу на танцы. Почему ты вообще хочешь, чтобы я пошла? Ты ведь будешь с Зейном.

У меня не получается спрятать глупую улыбку.

— Но ты могла бы выбрать парней, с которыми сможешь потанцевать!

— Ого, давняя мечта сбылась. — Лорен закатывает глаза. — Нет уж, спасибо. И разве ты не говорила, что эти старые парни — извращенцы?

— Не все, только Гил и Док. Остальные же идеальные джентльмены. — Я указываю на нее своей ручкой. — Я пытаюсь заставить тебя расширить свой кругозор, так как здесь ты не даешь парням ни единого шанса. Знаешь, Чейз снова спрашивал о тебе сегодня на математике. Он довольно милый, почему бы тебе не погулять с ним?

— Не заинтересована. Только то, что ты влюблена, не дает тебе права заниматься сводничеством.

— Я не влюблена, — быстро отрицаю я. — Я просто устала от того, что этот парень постоянно расспрашивает меня о тебе.

Лорен раздраженно хмурится. Она начинает что-то говорить, но останавливается, когда кто-то окликает нас.

Это Ким. На ее красивом лице взволнованное выражение, когда она подбегает к нам.

— Привет, у вас есть испанский словарь к сегодняшнему тесту? Я совершенно забыла подготовиться!

Лорен роется в своем рюкзаке и достает учебник. Она передает его Ким, которая благодарно улыбается.

— Спасибо! Ты спасла мне жизнь. Я не могу завалить еще один тест! Моя мама говорит, что я не смогу пойти на танцы, если не получу хотя бы четверку. А ведь у меня уже готов очень милый наряд! А вы, девчонки, идете?

Когда мы качаем головами, она говорит:

— Лорен, мне кажется, что Чейз пригласит тебя. Он продолжает расспрашивать, есть ли у тебя парень.

Я посмеиваюсь над кислым голосом Лорен.

— Этот парень не понимает намеков, — рычит она.

Ким смеется, откидывая свои выющиеся волосы назад.

— Ты должна пойти с ним. Он милый и хороший!

— Да, Лорен, — присоединяюсь я. — Дай бедному парню шанс.

Лорен только смотрит на меня многозначительно. Я ухмыляюсь, пока Ким не поворачивается ко мне.

— Виолетт, а ты придешь со своим бойфрендом?

— С кем?

— Я видела тебя с ним на пляже. Он нереально красив! Он учится в колледже?

— Ох, — бормочу я неловко. — Он не совсем мой бойфренд. Мы просто тусуемся вместе.

— Угу, — говорит Ким недоверчиво. — Ну, если бы я тусовалась с таким парнем, я бы хвасталась им перед всеми. Вы выглядите очень горячо вместе, как пара супермоделей.

— Да, конечно, — смеюсь я. Зейн определенно похож на модель. А вот я не сильно.

— Нет, я серьезно. Ох, мне хотелось подойти поздороваться, но вы вдвоем были очень заняты. — Она многозначительно приподнимает брови.

Тьфу! Я чувствую, как краснею, но это не стирает огромную улыбку с лица. Ну, если кто-то и видел, как мы целовались с Зейном, то я рада, что это Ким. Она не расскажет об этом всей школе.

Но мне интересно, рассказала ли она об этом своему брату?

Ким говорит, что встретит нас еще на испанском и убегает. Я притворяюсь, что работаю над своим эссе, но самодовольная улыбка, должно быть, выдает меня с головой. Лорен только качает головой, глядя на мой нелепый вид.

Мне плевать. Я думаю... думаю, я попрошу Зейна прояснить наши отношения.

Я просто надеюсь, что мне понравится его ответ.

Глава 18.

День танцев.

Я решаю надеть свое длинное серое платье с небольшими белыми цветами, нарисованными по всей его длине. Это ни в коем случае не сексуальное платье, потому что я не хочу обидеть постояльцев, выглядя развратно. Когда с завивкой волос все идет наперекосяк, я решаю завязать волосы в хвост.

Я рада, что Зейн встретит меня в «Сансет Паркс», вместо того, чтобы, как обычно, забрать меня от Лорен. Я до смешного нервничаю. Я испортила прическу Хейлиз, несколько раз, так что она решает надеть берет. Это изысканно.

— Ты поможешь мне подготовиться ко сну сегодня? — спрашивает она меня в третий раз.

Я сажусь на корточки перед ее инвалидной коляской, пытаюсь надеть ее протез на правую ногу.

— Я же сегодня не работаю, ты забыла? Сегодня день «милых сердцу танцев». Я пришла, чтобы потанцевать с тобой.

Хейлиз отмахивается от меня.

— Почему такая красивая леди, как ты, должна танцевать с такой старой леди, как я? Виолетт, думаю, ты надела протез не на ту ногу.

Я хлопаю себя по лицу. Неудивительно.

— Извини, Хейлиз! Похоже, я сильно разнервничалась.

— Еще бы. К тебе на танцы придет молодой человек?

Я медленно поднимаюсь, потирая спину.

— Надеюсь. Он сказал, что придет. Хотя сегодня я с ним не разговаривала. Как думаешь, я должна позвонить ему?

Хейлиз пожимает своими хрупкими плечами.

— Если хочется, то почему бы и нет? Дорогая, проверь тот ящик, есть ли там салфетки? У меня появляется насморк от кислорода.

Я смотрю в ее тумбочке.

— Фу, тебе нужно перестать по несколько раз использовать Клинекс, Хейлиз. Это отвратительно. Я могу принести тебе новую коробку из кладовой.

Она надменно фыркает.

— И платить за них? Так же можно и разориться.

Я прячу улыбку. Моя старенькая скряга.

— Если ты никому не расскажешь, я принесу тебе несколько коробок из дома.

— Ох, Виолетт, ты слишком добра ко мне. Не переживай об этом. — Она тянется, чтобы погладить меня по руке. — Который сейчас час? Мы ведь еще не пропустили танцы?

Я смотрю на одни из пяти часов, находящихся у нее в комнате.

— Сейчас 17.35. Нам, наверное, лучше спуститься вниз.

Хейлиз нервно смотрит на свои наручные часы.

— Ох, дорогая. Мне снова нужно в уборную. Я не хочу, чтобы со мной произошел несчастный случай.

— Конечно, — говорю я и везу ее назад, раздумывая, что опоздаю на пять минут.

Хейлиз издает проблемный звук, и я прикидываю, что опоздаю на пятнадцать минут.

К тому времени, как я завожу ее в столовую, прошло десять минут и танцы только начались. Хейлиз сразу же начинает подпевать старой романтической мелодии, играющей из интеркома.

Столы убрали с середины комнаты и расставили по краям. Гирлянды оранжевого и черного цвета украшают зал, а два длинных стола наполнены вкусной закуской.

Я оставляю Хейлиз у стола рядом с ее друзьями, Мелом и Гретхен, а затем спешу в лобби.

Зейн уже здесь, разговаривает с безумно сексуальной секретаршей Мариссой. Она кокетливо посмеивается, а он улыбается ей в ответ.

Я подавляю тошнотворное чувство ревности. Похоже, Марисса не побоялась выглядеть развратно, надев маленькое черное прозрачное платье.

Зейну лучше не заглядываться на ее декольте.

— Привет, — говорю я неуверенно, подходя к ним. Такое ощущение, что я что-то прерываю.

— И тебе привет, — говорит Зейн, сногсшибательно улыбаясь мне. Он выглядит фантастично и сексуально в оливково-зеленой рубашке и черных брюках.

— О, привет, Виолетт, — щебечет Марисса, продолжая тыкать свои груди в лицо Зейну. — Этот парень принадлежит тебе?

Я выдавливаю из себя улыбку, но решаю не отвечать на такой тупой вопрос.

— Спасибо, что пришел, — говорю я Зейну.

— Ты не должна благодарить меня. — Я замечаю, что он держит букет кроваво-красных роз, только когда он передает их мне.

— Счастливого выпускного вечера, Виолетт.

— О! — восклицаю я, прижимая их к носу.

— Как это мило, — вздыхает Марисса. — Как бы и мне хотелось, чтобы для меня кто-нибудь сделал нечто подобное.

Не порти момент, стерва.

— Спасибо, Зейн, — говорю я, смущаясь своего дрожащего голоса.

— Не за что. — Подмигивает он мне.

— Э-э, пошли. Танцы проходят в столовой.

Извиняясь, я прокладываю себе путь. Я веду его прямо к столу Хейлиз и знакоблю с леди, сидящими за ним.

— Так это Вы — тот самый молодой человек, который волнует нашу Виолетт, — заявляет Хейлиз, пристально изучая Зейна. Зейн бросает в мою сторону веселый взгляд, пока внутри я чуть не умираю от стыда.

— Я искренне на это надеюсь, мэм, — говорит он, беря ее за руку.

— Такой высокий и красивый! — Гретхен улыбается своими пухлыми губами. — Какая же вы милая пара. Итак, когда свадьба?

Сначала я думаю, что она говорит о маминой свадьбе, так что отвечаю:

— Тринадцатого ноября.

Глаза Хейлиз вдруг расширяются.

— Виолетт, ты выходишь замуж?!

— Да... что?! Подождите, нет...

Но старушки решили оглохнуть в этот момент, и «режим сплетен» активировался. Хейлиз разгоняется, набирая обороты.

Замечательно. Женщина не может проехать три шага до своей ванной, а сейчас она прям ракета.

Зейн ухахатывается, пока я краснею от обиды.

К тому времени, как я начинаю знакомить его с другими постояльцами и сотрудниками, все уже считают его моим женихом. Зейн спокойно воспринимает это, но я ужасно смущена.

Конечно же, он всем понравился, еще бы, его внешность и очарование гарантируют, что все его одобряет. Он обрабатывает толпу, как профи. Мои сотрудники продолжают отводить меня в сторону и поздравлять, а Эми, одна из медсестер, поет ему дифирамбы.

Позже Зейн приглашает меня на танец. Мы присоединяемся к нескольким парам на танцполе. Я стесняюсь, пока он не притягивает меня к себе и не начинает двигаться в ритме, которому нельзя научиться.

— Мне понравились твои старики, — шепчет он мне на ухо, отчего по всему телу пробегает дрожь.

— Ты им тоже понравился, — говорю я.

— Хотя, — признается Зейн. — Одна женщина прям как адский нападающий. Я готов поклясться, что у этой крохотной леди руки, как щупальца у осьминога. Одна рука под моей рубашкой, вторая на моей заднице, а шестая у меня в штанах. Я хотел позвать на помощь.

— О, нет, — смеюсь я. — Это, должно быть, Мэри. Она любит полапать.

— Небольшого роста? Парик в виде улья и хватка как у клеща?

Я не могу скрыть ухмылку.

— Это она.

— Да, тебе бы лучше, черт возьми, присмотреть за ней.

Прямо сейчас выражение лица Зейна было неотразимым. Я глажу его по груди.

— Ох, бедное дитя! Она обидела тебя?

Он улыбается и умело кружит меня в танце в такт музыке.

— Вроде как. Мне, наверное, понадобится лечение. Чтобы избавиться от этих болезненных воспоминаний. Знаешь специалиста, который смог бы помочь мне?

Я притворяюсь, что обдумываю его вопрос.

— Я могла бы договориться для тебя о встрече с моим школьным консультантом мистером Бобом.

— Значит, вот так? — Зейн смотрит на меня с хитрым выражением на его слишком красивом лице. — А я собирался тебе кое-что подарить.

— Что? — спрашиваю я подозрительно.

— Это сюрприз, — говорит он. — Проверь мои карманы.

Я фыркаю.

— Ага, разбежался. Я уже слышала об этом.

— Правда?

Песня заканчивается и Зейн отводит меня в сторону, к небольшой нише у камина. Место дает нам немного уединения от посторонних глаз, и мне интересно, что же Зейн припрятал у себя в рукаве. Зная его, наверное, что-то пошлое.

— Давай же, Виолетт, — насмехается он надо мной, — проверь мои карманы. Я дам тебе подсказку: это левый карман.

Я с подозрением смотрю на него. Он ждет, держа руки по швам, приглашая меня обыскать его.

Ну ладно. Если Мэри смогла сделать это, то и я смогу. Я быстренько оглядываюсь вокруг. Никто не смотрит в нашу сторону, так что я осторожно сую руку в его левый карман.

— Клянусь Богом, если ты издашь хоть один звук, я натравлю на тебя Мэри с ее железной хваткой, — угрожаю я ему.

Он лишь улыбается.

— Обещаю, я даже не буду наслаждаться этим. Сильно.

Я не успеваю залезть слишком глубоко, когда мои пальцы натываются на что-то твердое.

Нет, это не то, что вы подумали!

Хмурясь, я вытаскиваю светло-голубую коробочку из кармана Зейна.

Э-э. Сверху на ней написано: «Tiffany & Co».

Я держу коробочку так, будто в ней спрятана бомба. Она плоская и квадратной формы. Я смотрю на него неуверенно.

— Что это?

Зейн дразняще усмехается.

— Это коробочка. Открой ее.

Я слишком долго быстро мигаю. Затем я отдаю ему коробочку.

— Что бы это ни было, я не могу принять это. Я уверена, что это очень дорогая вещь.

Зейн вздыхает.

— Виолетт, — говорит он терпеливо. — Ты же знаешь, что я могу позволить себе это.

Он пытается отдать мне ее обратно, но я отхожу назад с бешено стучащим сердцем. Потому что мне очень хочется открыть коробку.

Зейн берет меня за руку и вкладывает в нее коробочку.

— Ты начинаешь меня злить, — говорит он. — Если ты не примешь подарок, я восприму это, как оскорбление. Давай же, в этом нет ничего страшного.

Он наблюдает за мной, выжидая. Теперь я чувствую себя абсолютно неблагодарной.

Ничего же не случится, если я взгляну всего одним глазком?

Чувствуя себя невероятно смущенной, я осторожно открываю коробочку. Внутри я нахожу мягкий кисет и...

Ничего себе!

Очень, очень осторожно я достаю сверкающий бриллиантовый браслет. Он изготовлен из платины и украшен бриллиантами разной величины. Он прекрасен.

Мне хочется спросить, настоящий ли он, но, конечно же, настоящий!

— Он... ого, потрясающий, Зейн, — говорю я, задыхаясь. — Но это слишком! Я не могу... ты же знаешь...

— Можешь.

Он забирает у меня браслет и надевает его мне на запястье. Мою кожу покалывает из-за еле заметного веса. Я загипнотизирована тем, как переливаются бриллианты на свету, отбрасывая маленькие блески.

Веселый голос Зейна выводит меня из транса.

— Теперь я собираюсь спасти нас обоих от многих неприятностей, сказав прямо сейчас, что не приму его обратно, а если ты попытаешься отказаться от него, ты очень разозлишь меня. Так что тебе придется полюбить его.

— Ох, он мне нравится! Он прекрасен! Но...

— Тогда это все! Пожалуйста.

Я хватаю его за рубашку и тяну его вниз.

— Спасибо, — шепчу я.

Затем я целую его. Долго и жадно. Мы отрываемся друг от друга, улыбаясь.

— Так, — говорю я, пробегая пальцами по его четко очерченному подбородку.

— Это значит, что мы можем больше не скрываться?

Зейн наклоняет голову, притворяясь, что раздумывает над моим вопросом.

— Думаю, да.

Я улыбаюсь ему.

— Я в любом случае собиралась это сделать.

— Я знаю.

Ладно, сейчас идеальный момент расспросить его по поводу наших отношений. Я делаю глубокий вдох.

— Извините, что прерываю.

Rrrr! Это Марисса в своем развратном платье.

— Что надо?! — огрызаюсь я. — То есть... чего ты хотела?

Она накручивает на палец прядь светлых волос.

— Тут такое дело, Гил продолжает приставать ко мне, приглашая потанцевать с ним, а ты ведь знаешь, каким извращенцем он может быть, Виолетт? Так что я сказала ему, что уже должна танец Зейну. Могу ли я его ненадолго одолжить? — Она подмигивает ему. — Ты не против?

Серьезно?!

Зейн вопросительно смотрит на меня, вздернув одну бровь.

Я ничего не говорю. Мои губы крепко сжаты. Но Марисса принимает мое молчание за согласие и пищит, как поросенок. Она хватается Зейна за руку и утаскивает его прочь. Он оглядывается на меня, пожимая плечами.

Все в порядке, Виолетт. Успокойся. Смотри на искрящиеся бриллианты.

Это не помогает. Я прячусь за колонной и наблюдаю за своим парнем и секретаршей, танцующими, как будто они — одна из тех пар из телевизионных конкурсов.

Только не хватается аплодисментов!

Если бы не было Мариссы, за Зейном было бы одно удовольствие наблюдать. Он двигается легко и профессионально, и я понимаю, что он, должно быть, занимался танцами.

— Он полон сюрпризов, — разговариваю я со своим браслетом.

Не знаю, почему я занимаюсь этим.

Кстати, сверкание бриллиантов заметит любая женщина, независимо от возраста. Черт возьми, Адель заметила его через все комнату, а она слепая.

Все старушки охают и ахают, рассматривая мой браслет на запястье. Пока я наблюдаю за тем, как Зейн кружит в танце развратницу Мариссу во время бесконечно долгой песни.

Тьфу! Ненавижу быть ревнивицей. Как бы ему понравилось наблюдать за тем, как я танцую с каким-нибудь сексуальным парнем? Говоря о...

Я осматриваюсь вокруг, но нахожу лишь одного парня, весьма отдаленно напоминающего образ секс-символа, — коротко стриженного Ракеля, который работает в ночную смену. Сегодня он в брюках. Возможно, со стороны...?

Ладно, этот парень отпадает. Я пытаюсь уговорить себя быть рассудительной и наслаждаться вечером. Я знаю, что веду себя глупо. Это нужно прекращать.

Я танцую с постояльцами в инвалидных колясках, держа их за руки и стараясь не отскакивать, когда их ноги ударяют меня по лодыжкам. Зейн обеспечивает нескольких старушек острыми ощущениями, закружив их на танцполе. Они реагируют с таким энтузиазмом, что, думаю, на утро у многих будут болеть косточки.

Почти восемь часов. Хейлиз хочет, чтобы я отвезла ее наверх, так что я говорю Зейну, что отойду на пару минут.

— Хейлиз, ты была королевой бала, — говорю я ей, пока везу ее к лифту. — Ты хорошо провела время?

Она устало смеется, сжимая яркий букет из бумажных цветов на коленях.

— Не уверена насчет звания «королевы бала», но я наслаждалась вечером. Я была очень рада познакомиться с твоим молодым человеком. Знаешь, он напоминает мне моего старого парня. Его звали Чарли, хотя он не был настолько красивым, как твой Зейн. Однако, он был очаровательным. Все любили его. Он мог поднять всем настроение, как никто другой.

— Да ты что? Так почему же ты не вышла за него замуж?

Мне пришлось подождать, пока Хейлиз откроет свою дверь, чтобы услышать ее ответ. Я включаю свет в комнате и завожу ее туда.

— Потому что все любили его, — просто повторяет она. — А он их в ответ. Такого бабника, как он, еще надо было поискать!

— Ох, — бормочу я вяло.

Хейлиз бросает на меня хитрый взгляд.

— Нужно следить за ними, когда они такие красивые и очаровательные, Виолетт. Запомни это.

— Уж точно запомню.

— Умница. — Она гладит меня по руке. — Ты очень красивая, чудесная, молодая женщина. Вы прекрасно смотрите вдвоем. Только хорошо защищай свое сердце, договорились?

Я наклоняюсь и громко целую ее в щеку.

— Договорились, бабуля.

Они хихикает и направляется в ванную.

— Пришли Лиз мне на помощь, дорогая. Я готова лечь спать.

— Спокойной ночи, Хейлиз, — говорю я, закрывая за ней дверь.

Ее предупреждающие слова эхом отдаются у меня в голове, когда я спускаюсь вниз. Я сталкиваюсь с Лиз в холле во время своих поисков Зейна и рассказываю ей о просьбе Хейлиз. Она благодарит меня, а также поздравляет с помолвкой с таким суперкрасавчиком.

Куда же запропастился Зейн? Я ищу его везде, включая кухню и три незанятые комнаты внизу.

С замиранием сердца, я также замечаю, что пропала Марисса. Потом Джина, организатор, упоминает, что видела, как они вышли на улицу.

Да неужели.

С бешено колотящимся сердцем, я иду на парковку, где стоят машины работников.

Догадайтесь, что я там вижу? Зейна, облокотившегося на спортивную машину Мариссы, и эту проститутку, которая стоит слишком близко к нему.

Пока я наблюдаю за этой картиной, она встает на носочки и целует его в щеку. Они смеются, а затем Марисса садится в машину. Зейн отходит, когда она сдает назад, и наблюдает, как она уезжает.

Я. Так. Зла.

Скрестив руки на груди, я приближаюсь к нему. Меня всю трясет. Надеюсь, что он не заметит этого.

— А вот и ты, — говорит он, подходя ко мне. — Я искал тебя.

— Правда? Ты искал меня на парковке, хотя я сказала тебе, что буду наверху с Хейлиз?

Зейн хочет взять меня за руку, но я отступаю. Он слегка хмурится.

— Что с тобой такое?

— Ничего, — огрызаюсь я. — Ты хорошо провел время с Мариссой?

— Не совсем. Я просто проводил её до машины, потому что она боялась выйти сама.

Я осматриваю освещенную парковку, а вход в здание буквально в пяти футах.

— Ага, — говорю я, мои слова наполнены сарказмом. — Это так правдоподобно.

Зейн вздыхает почти незаметно, проводя рукой по волосам.

— Не особо. Она просто хотела позаигрывать со мной.

Моя кровь леденеет, в то время как голова готова взорваться.

— Эта лицемерная сучка!

— Этим все сказано.

— Ох, знаешь что? Не смей! Ты поощрял ее весь вечер! — выпаливаю я, всплескивая руками.

Зейн смотрит на меня недоверчиво.

— Ты что, шутишь?

— Ты провел больше времени, заглядывая ей под платье, чем со мной!

Он издает раздраженный звук.

— Я пытался быть милым, — рычит он. — Я не прикоснулся к ней и пальцем. И, да, я смотрел... она прям бросалась на меня! Я просто смотрел. С каких пор это преступление?

Чем больше он говорит, тем злее становлюсь я. Я чувствую, как какая-то плотина во мне прорывается, и красная пелена затмевает мои глаза.

— Да, к счастью для тебя, это не преступление, потому что в противном случае, ты был бы заперт на всю оставшуюся жизнь!

Зейн с опаской смотрит на меня.

— Нужно мне то, о чем ты говоришь?

— Как будто ты не знаешь! — выкрикиваю я. — Знаешь, видя, со сколькими девушками ты флиртуешь передо мной, мне интересно, сколько их еще ухлестывает за тобой, когда меня нет рядом!

Зейн выглядит так, как будто у него разболелась голова.

— Подожди, давай все выясним. Ты не хочешь, чтобы я разговаривал с другими девушками или смотрел на них?

Я понимаю, как глупо звучат мои слова. Но не могу заткнуть себя.

— Ты прав, — говорю я ему. — Ты можешь делать все, что пожелаешь, спать со всеми распутными секретаршами из приемных...

— Виолетт, — Зейн тянется ко мне.

Я в ярости отхожу назад.

— Потому что мы никто друг для друга. То, что ты подарил мне бриллиантовый браслет, не имеет никакого дьявольского значения. Ты, должно быть, раздаешь их, как конфетки. Хотя, мой, ты можешь забрать. Он мне не нужен!

Я начинаю снимать браслет, чтобы потом кинуть его ему в лицо.

Тупая крошечная застежка!

Я пытаюсь расстегнуть его добрые полминуты, чтобы избавиться от этой дьявольской вещицы. Расстроенная, я раздраженно вздыхаю и смотрю на Зейна.

— Ну, ладно, думаю, я отправлю тебе его по почте.

Я разворачиваюсь на каблуках и ухожу. Успеваю сделать только несколько шагов, когда Зейн ловит меня сзади, прижимая мои руки по бокам. Он крепко прижимает меня к своему телу, пока я безрезультатно борюсь с ним.

— Так что? Ты больше не хочешь видиться со мной из-за того, что, по твоему мнению, я сделал не что-то не так? — его теплое дыхание щекочет мне шею.

— Да, — огрызаюсь я. Чувствует ли он, как тревожно и быстро стучит мое сердце? Надеюсь, что нет.

— Я так не думаю, — шепчет Зейн. — Позвони мне, когда твоя истерика пройдет, малышка.

Я сердито напрягаюсь. Он целует мою шею, прежде чем отпустить меня. Мое тело уже скупает по его теплу и силе.

Я приказываю своему телу успокоиться. Резко оборачиваясь, я толкаю его двумя руками.

— Не дождешься! — кричу я.

Да. Как самая настоящая малышка.

Глава 19.

— Итак, давай все разясним, Зейн дарит тебе розы и дьявола бриллиантовый браслет... а ты обвиняешь его в измене. Затем ты бросаешь ему этот браслет в лицо?!

— Э-э. Нет. Я не смогла снять браслет. Было темно, и я не смогла... найти... застежку.

Лорен вздыхает.

— Виолетт?

— Да?

— Можешь подойти, чтобы я смогла ударить тебя чем-нибудь?

— Хорошо, — говорю я тихо. — Только ударь меня сильнее, договорились? Я заслужила это.

Мы сейчас сидим у Лорен на кухне. Лорен печет хлеб с цуккини, пока я кормлю Брианну пюре с зеленым горошком. Брианна заболела и теперь чихает, выплевывая на меня зеленую кашу. Полагаю, что это какое-то кармическое наказание за мою глупость.

Прошло уже два дня, как я не разговариваю с Зейном, и он также не пишет мне и не звонит. Не знаю, почему я думала, что он приползет ко мне на коленях, моля о прощении. Это не в его стиле.

Лорен отмеряет чашку сахара и высыпает его в миску.

— Так почему ты не позвонишь ему и не извинишься?

Это снова завело меня.

— Потому что! Марисса флиртовала с ним, и он, скорее всего, потакал ей в этом!

— Ты видела, как он флиртовал с ней в ответ? — прагматично спрашивает она.
— Он прикасался к ней?

— Нет, но он улыбался ей и разговаривал с ней!

Лорен просто смотрит на меня. Я хлопаю себя по лбу. Малышка Брианна от души смеется, выплевывая горох мне в волосы. Я кривлюсь, а она смеется еще сильнее. С младенцами все так просто.

— Ты не понимаешь, — говорю я Лорен, выуживая горох из волос и вытирая их мокрой салфеткой. — Девушки всегда преследуют его, и это так раздражает!

— Он ничего не может с этим поделать, — замечает Лорен. Она раздраженно вздыхает, усиленно перемешивая ингредиенты. — Парни постоянно смотрят на тебя и пристают. Принимаешь ли ты их предложения?

Я громко вздыхаю.

— Нет, но это не одно и то же. Я веду себя грубо по отношению к ним. К тому же, парни не преследуют меня, когда я с Зейном! Я чувствую себя несчастной женой знаменитости. Наш баланс сил неравномерен. Я не люблю чувствовать себя незащищенной в отношениях. И да, я признаю, что, возможно, неправа в этой ситуации, но все же... это выводит меня из себя!

— Можешь посмотреть в шкафчике со специями, есть ли у нас корица? — Лорен убирает с лица прядь тонких светлых волос. — Думаю, что все сводится к тому, доверяешь ли ты ему?

Я раздумываю над этим. Доверяю ли я Зейну? Я многое рассказала ему о себе такого, о чем больше ни с кем не делилась, кроме Лорен. Я также знаю, что если буду нуждаться в нем, он всегда будет рядом. Но... доверю ли я ему свое сердце?

Не знаю.

Я смотрю в шкафчике со специями, но корицы там не нахожу.

— Нет, — говорю я Лорен.

Она выглядит сбитой с толку.

— Ты говоришь о доверии или о корице?

— О корице, — говорю я. Я подхожу к Брианне и поднимаю ее. — Пошли, малышка, умоем тебя.

Она беззубо улыбается мне, а я прижимаю к себе ее лицо, все измазанное горошком.

— Ты позвонишь ему? — хочет знать Лорен.

— Нет, — отвечаю я. — Но я, наверное, увижу его завтра, если он придет на вечеринку, которую устраивает мама.

— И что ты скажешь ему?

Я смотрю вниз на свой прекрасный сияющий браслет, который Брианна сейчас использует вместо зубного кольца.

— Не знаю, — вздыхаю я. — Я просто не знаю.

Итак, сегодня мама пригласила Джейн и еще нескольких друзей к нам на ужин.

Я слышала, как она и Зейна просила прийти, но мама поймала меня за подслушиванием до того, как я успела услышать его ответ.

Не думаю, что он проедет весь этот путь, ради какой-то глупой вечеринки. Зачем это ему? И он ненавидит меня, вот так. Он не приедет.

Но все же я особенно придирчиво выбираю наряд на сегодняшний вечер. Я надеваю пеструю розовую блузку и обтягивающие черные брюки, в которых мои ноги выглядят бесконечно длинными. Мне хотелось бы надеть свой браслет, но я не могу этого сделать перед мамой. Я даже не представляю, к каким расспросам это приведет.

Я завязываю волосы в хвост, когда она заглядывает ко мне в комнату, чтобы сообщить мне о приезде гостей.

Ладно. Я справлюсь. Если Зейн приедет сегодня, я буду спокойной и хладнокровной, а также по-взрослому извинюсь перед ним, без всяких излишеств. Тогда мяч окажется на его стороне корта.

Спокойно и хладнокровно. Хорошо.

Я спускаюсь вниз, чтобы поприветствовать гостей. Я обнимаю Джейн, а она нервно суетится. Она все еще чувствует себя виноватой за то, что обманывала маму, и я переживаю, что однажды она обо всем ей расскажет. Я раздумываю, не провести ли рукой поперек горла в знак молчаливого предупреждения, но это, наверное, будет излишне. Я вежливо улыбаюсь остальным гостям, на самом деле, не сильно замечая их.

— Жаль, что Билла не будет сегодня, — говорит мама своим друзьям. — Но вы встретитесь с его сыном Зейном. Он должен быть здесь с минуты на минуту.

Как по команде, звучит дверной звонок. Мама просит меня открыть, а я рассеянно смотрю на нее. Ей приходится повторить свою просьбу, прежде чем я начинаю двигаться.

Началось. Я натягиваю на лицо нейтральную улыбку перед тем, как открыть дверь.

Зейн стоит напротив меня. И он не один.

Глава 20.

Рядом с Зейном стоит красивая темноволосая девушка, возможно, его одноклассница. Она невысокая и немного пухленькая, но глаза у нее цвета изумруда. Ее зеленый свитер и длинная вельветовая юбка придают ей романтический стиль и делают похожей на ведьму. Могу только добавить, что она относится именно к тому типу девушек, которых крутые парни считают сексуальными.

— Привет, Виолетт, — говорит этот козел с полуулыбочкой на губах. — Можно нам войти?

— Ох, почему бы и нет? — бормочу я, отходя в сторону. Я захлопываю за ними дверь.

— Так это ты — Виолетт, — говорит новая девушка Зейна, понимающе улыбаясь ему.

— Думаю, да.

Мама заходит в комнату и сразу же начинает обниматься.

— Зейн! Я так рада, что тебе удалось прийти.

— Спасибо за приглашение. — Зейн выпрямляется и представляет девушку. — Лили, это моя давняя подруга, о которой я тебе рассказывал, Дженна. Джен, это Лили, будущая жена моего отца.

— Спасибо за то, что разрешили присоединиться, — мило говорит Дженна-Джен, пожимая маме руку.

— Да что ты, мы рады познакомиться с тобой, — радостно отвечает мама. — Приятно познакомиться с друзьями Зейна. О, а это моя дочь Виолетт.

Дженна переводит на меня взгляд своих зеленых глаз.

— Мне очень приятно, наконец, познакомиться с тобой. Я много о тебе слышала.

Я смотрю на Зейна, сразу насторожившись. Он разговаривает обо мне со своей девушкой?! Рассказал ли он ей, насколько я незрелая?

Его, похоже, забавляет моя реакция. Он наклоняется, чтобы прошептать что-то на ухо дорогой Дженне. Ее глаза расширяются, и она быстро кивает.

Мама, наконец, чувствует напряжение в комнате, и теперь она озадачена этим. Она вскидывает брови, глядя на меня, пытаюсь понять мое холодное выражение лица. Качая головой, она провожает нас в гостиную.

Я держусь подальше от счастливой парочки, впутывая бедную Джейн в напряженный разговор о реалити-шоу. Я не могу противостоять желанию посмотреть на Зейна и Дженну, что заставляет меня стиснуть зубы, когда они разговаривают между собой с такой фамильярностью.

Как посмел он привести сюда девушку! Как? После того, что произошло? Он пытается отомстить мне, что ли? Ррр...

Я преуспевала в избегании их, вплоть до обеда. К счастью или нет, они сидят прямо напротив меня. Ярываюсь между желанием вжаться в свое место и исчезнуть или своей ложкой закидать их зеленым горошком.

К счастью, я решаю, что это поведение недостойно меня. Я могу к этому относиться, как взрослый человек. Ну и что, что он привел девушку сразу же после того, как мы поссорились из-за его любви к флирту, после того, как он подарил мне подарок, потанцевал с секретаршей, и бог-знает-еще-каких-трюков, припрятанных у него в рукаве...

Ладно, знаете что? На самом деле, мы никогда не заявляли, что наши отношения официальные. Так что он может поступать так, как хочет. Как и я.

Я поворачиваюсь к симпатичному парню, сидящему возле меня, и начинаю жалкий разговор о погоде. Милый парнишка, кажется, взволнован тем, что я разговариваю с ним. Мы начинаем разговаривать о наших предпочтениях в музыке, и оказывается, что ему тоже нравится Эйден Кросс и McPigs. Между тем, я сопротивляюсь соблазну посмотреть на Зейна.

Ну, у меня это получается не очень хорошо. Я тайком наблюдаю за ним уголком глаза. Угадайте что?

Он вообще не смотрит в мою сторону! Он разговаривает с женщиной, сидящей возле него. Кажется, ее имя Лорейн, она одна из бывших маминых сотрудниц. Они хорошо проводят время, смеясь на чем-то. Возможно, надо мной? Нет, я преувеличиваю.

— ...так, ты не против пойти? Со мной? — спрашивает Милый парнишка.

— Извини, что? — Я снова поворачиваюсь к нему с извиняющейся улыбкой.

Милый парнишка нервно откашливается.

— На танцы в субботу. Ты не против пойти... со мной? Вся наша школа будет там. Я слышал, что в этот раз они арендуют каток, и школьники смогут не просто кататься на коньках, но и танцевать... разве не круто?

— О, да, — говорю я, неловко ерзая на стуле. — Но я не хожу на танцы, к тому же, у меня слишком плотное расписание из-за совмещения школы и работы.

Милый парнишка выглядит таким удрученным, что я начинаю себя чувствовать плохо.

— Ох, — говорит он. — Все нормально. Я даже и не смел надеяться, что такая красивая девушка, как ты, скажет мне «да», но я подумал, что попробовать стоит.

Ох. Я чувствую себя еще хуже, тем более, что я использовала его, чтобы заставить Зейна ревновать. Не помешало бы быть более милой в своем отказе.

— Э-э, — начинаю говорить я. — Когда ты говоришь, они будут?

— В субботу, но они...

— Как жаль. По выходным я работаю. В противном случае, я бы точно пошла.

— Правда? — вдруг оживляется Милый парнишка, что мне совсем не нравится. — Это же замечательно, потому что я собирался сказать, что они устраивают осенний бал в пятницу вечером. Вообще-то, он только для выпускников, но я смогу провести нас! Мой старший брат подружился с группой!

— О, нет... то есть... — обрываю я себя на полуслове и подозрительно смотрю на него. — Подожди, что ты там сказал про выпускников?

— Да, это только для выпускников, но...

— Кажется, вы вдвоем хорошо проводите время!

Сияющая блондинка присоединяется к нам, глядя Милого парнишку по спине. Она вся прям сияет от материнской любви, и мне не нравится, как она наблюдает за мной с испытывающим блеском в глазах.

— Ага, мам, — воодушевленно говорит Милый парнишка. — Угадай что? Виолетт пойдет со мной на танцы!

— Ох, Джеки! — восклицает она очень громко. — Ты идешь на свои первые в жизни танцы в качестве первокурсника в старшей школе, да еще и с девушкой старше себя!

Первокурсник в старшей школе?!

Я теряю способность моргать. Впервые я пристально смотрю на Джеки. Гладкая нежная кожа без намека на щетину на лице, легкие отметины на лбу, которые, как я понимаю, остались после прыщей... неловкий взгляд, как у щенка, в общем...

Ох.

— Виолетт, — зовет меня мама со своего места во главе стола. — Я не ослышалась? Ты идешь на школьные танцы?

— Вместе с Джеки! — гордо произносит Мамочка. — Это его первые танцы, как это мило. И я уверена, что он наберет несколько баллов одобрения, появившись с такой горячей деткой, как Виолетт!

— Мам, — вздыхает Джеки смущенно.

Не делай этого, Виолетт. Не смотри на Зейна. Не...

Я делаю это.

Наши взгляды встречаются. Его темно-карие глаза блестят от едва сдерживаемого смеха.

Он вскидывает бровь, как бы говоря: «Серьезно, Виолетт?».

За что мне такое наказание? Это, наверное, из-за того, что я вела себя, как глупая, ревнивая девушка.

С пылающими щеками, я отказываюсь отрывая взгляд от своей тарелки на протяжении всего оставшегося вечера. Джеки ведет себя так, как будто мы встречаемся, кладя руку в собственническом жесте на мой стул.

Тем временем, Дженна решает забросать меня вопросами: где я работаю, в какую школу хожу, чем я люблю заниматься в свободное время и так далее. С другой стороны, кажется, обо мне она знает практически все. Она искренне заинтересована, и мне тоже хочется узнать о ней побольше.

— Мы с Зейном вместе учились, — говорит Дженна, толкая его рукой. Он улыбается, но ничего не говорит. — Он всегда был самым горячим парнем в школе, а я — лишь унылой девушкой, которая вечно таскалась за ним повсюду. А теперь посмотрите на него...

— Он настоящая заноза в заднице, — вставляет Зейн. — Уверен, что Виолетт согласится с этим.

— Соглашусь, — говорю я спокойно.

Дженна смеется, заправляя свои длинные волосы за ухо.

— Это точно. Этот парень привык получать все, что пожелает.

— Ну, не все, — напряженный взгляд Зейна останавливается на мне. — Во всяком случае, пока.

Мы смотрим друг на друга на протяжении бесконечно долгих секунд. Почему постоянно находясь рядом с ним, я чувствую в себе смесь сокрушительного удовольствия и парящей боли? Интенсивность моих чувств к нему пугает меня, и еще то, как он смотрит на меня сейчас... как будто он читает мои мысли.

Прикосновение к моему бедру выводит меня из транса, навеянного Зейном.

Я смотрю на Джеки и сбрасываю его руку. Он улыбается мне щербатой улыбкой в ответ. Я игнорирую его.

— Дженна, — говорю я. — Ты живешь в Лос-Анджелесе?

— Нет, на самом деле я приехала на несколько дней навестить своих друзей, потом я вернусь в старый добрый Нью-Йоркский университет. Хотя, возможно, я бы рассмотрела предложение вернуться обратно, если бы у меня появилась возможность поплескаться в джакузи Зейна всю ночь, как мы любили делать это раньше.

Она улыбается ему, а меня начинает тошнить.

Что?!

Снова скидывая блуждающую руку Джеки с себя, я спрашиваю сдавленным голосом:

— Ты живешь у Зейна? — я даже не смею смотреть в его сторону.

— Да. Ведь он лучший! Ты бы так завидовала, если бы знала, какая мягкая у него кровать.

Его кровать? О Боже.

Я чувствую, как кровь отхлынула от моего лица. Я, наконец, смотрю на Зейна, не в состоянии пошевелиться или что-то сказать.

Он замечает мое страдальческое выражение лица, и его глаза расширяются.

— Джен. Ты даешь Виолетт неправильное представление о ситуации.

— Да? — Дженна хмурится и поворачивается ко мне. Она, кажется, мысленно воспроизводит свои слова. Наконец, она вздыхает.

— О нет, это не похоже на то, как звучит! Я имела в виду его кровать в гостевой комнате! Извини! Между нами ничего нет. И не было.

Я не знаю, что думать или говорить, так что просто молчу. Есть большая вероятность того, что я разрыдаюсь прямо сейчас.

Онемевшая, я отодвигаю руку Джеки со своего колена.

— Виолетт, — говорит нежно, но серьезно Зейн. — Мы просто друзья, клянусь.

— Да, — присоединяется Дженна. Ее большие зеленые глаза вдруг начинают сиять. — Кроме того, я знаю, что Зейн просто сходит с ума по одной горячей штучке, имя которой созвучно с цветком.

Я пораженно смотрю на Зейна. Надежда опасливо расцветает у меня груди.

Он смотрит вниз на стол, слегка качая головой.

— Спасибо тебе, Дженна. Когда ты уже уедешь домой?

Она только смеется.

— Ох, взбодрись, Зейн. Я делаю тебе одолжение. А если серьезно, вам двоим нужно поговорить и во всем разобраться.

Я слабо улыбаюсь ей.

— Если сначала мы не поубиваем друг друга.

— Да, он может производить такой эффект на людей.

— Ты правда злоупотребляешь гостеприимством.

— Эй, — говорит Дженна. — Это же ты настаивал на том, чтобы я встретилась с ней.

— Да, и это была дурацкая идея. — Внезапно Зейн наклоняется через стол. — Прикоснешься к ней еще раз, и я сломаю тебе руку.

Сначала я в шоке, потому что думаю, что он говорит это мне, но затем чувствую, как рука медленно сползает с моей ноги.

Глаза Джеки широко раскрыты в панике, когда он замечает выражение лица Зейна, наполненное обещанием суровой расправы.

Ого. Возможно, попытаться заставить его ревновать — это не очень хорошая идея.

К концу ужина Джеки шепчет мне на ухо, что мы больше не можем видеться, и оперативно отказывается идти со мной на танцы. Потом, убедившись, что Зейн не смотрит, он просит меня сфотографироваться с ним. Я позирую с самой глупой улыбкой на лице.

Но он все равно фотографирует меня!

Ну, не думаю, что он направляет камеру мне в лицо. Упс.

Сразу после ужина, я отлучаюсь в ванную. Кажется, у меня начались месячные (рановато!), и я права. Блин.

После того, как я привела себя в порядок, я спускаюсь вниз, решив найти Зейна и извиниться перед ним. Мне все еще больно думать, что другие девушки клеются к нему, но, думаю, что это нереально, ожидать от него, что он будет отталкивать их от себя со скучающим выражением лица.

Внизу я сталкиваюсь с мамой. Она сразу же спрашивает меня, правда ли я встречаюсь с первокурсником.

Я закатываю глаза.

— Нет, это было большое недоразумение.

Она, кажется, рада этому.

— Ох, слава Богу. Я уже начала было думать, что ты отчаялась. Потому что ребенок Барбары еще совсем малявка, а ты можешь найти себе парня и получше.

Я смеюсь над ее серьезным тоном.

— Спасибо, Лили.

— Пожалуйста, дитя. И называй меня мамой. Ох, не могла бы ты сделать мне одолжение и поставить вариться кофе?

— Как скажешь, дорогая мамочка.

Она гладит меня по щеке и благодарит. Я медленно иду на кухню, надеясь столкнуться с Зейном, но увы, удача не на моей стороне.

Я все еще не знаю, что думать о Дженне. Как так вышло, что я ничего не знаю о ней, а она обо мне знает все?

И могу ли я злиться из-за того, что она ночует у него? Я подумываю написать Лорен и спросить у нее совета, но она не встречалась еще с парнями, не будет ли это похоже на то, будто слепой ведет слепого. Возможно, мне нужно спросить Ким? У нее, конечно же, имеется опыт в таких отношениях.

Или же мне лучше вывесить анонимный опрос в интернете? Хм. Я взвешиваю свои возможности, готовя кофе. Мэтт дружил со многими девушками, а мне было наплевать на это, до того времени, пока он не изменил мне.

Но с Мэттом я никогда не ощущала такую связь или такое притяжение, от которого замирает сердце, как с Зейном. Он действительно... Что это на полу?

Я опускаюсь на колени, чтобы рассмотреть маленький блестящий объект, застрявший между плитками. Мне интересно, как он здесь оказался и кому он принадлежит.

Пока я рассматриваю вещь, слышу, как открывается дверь. Звук голоса смеющейся Дженны примораживает меня к месту, настораживая.

— Ни за что на свете, — говорит Зейн. — Но они еще не отстали от меня.

Я слышу удар о столешницу у себя над головой. Они стоят прямо напротив меня. Я сливаюсь с буфетом, молясь, чтобы они не заметили меня.

— Ох, бедный ребенок! Должно быть, тяжело быть востребованным мужчиной. Так что, ты отказал им?

— Ага.

— Так что никаких карьерных изменений в ближайшее время?

Карьерных изменений? Зейн ничего не говорил мне об этом. Я внимательно прислушиваюсь, ревнуя к осведомленности Дженны.

— Не могу поверить, что ты не рассказал ей, — говорит Дженна. Я наострила уши. — Чувак, так нельзя.

Не рассказал кому? Мне?

Кажется, Зейн вздыхает.

— Все сложно. Я знаю, что делаю.

Она презрительно цокает языком.

— Если ты так говоришь. Но она вскоре обо всем узнает.

Наступает пауза, во время которой я представляю, как Зейн проводит рукой по волосам.

— Я справлюсь с этим, — коротко говорит он. — Пошли, найдем Виолетт.

Я задерживаю дыхание, пока слушаю, как удаляются их шаги. Когда я слышу звук закрывающейся двери, то вздыхаю с облегчением.

Я опускаюсь на пол, облокотившись спиной о столешницу. Ладно, что все это значит? Они говорили обо мне? Если нет, то о ком? В любом случае, Зейн что-то скрывает от меня. Но что? И что мне с этим делать? Ни в коем случае я не собираюсь признаваться, что подслушивала.

Мое сердце бешено стучит, когда я все анализирую. Я не могу доверять ему, неважно, насколько сильно я хочу этого.

Голоса людей, входящих на кухню, вырывают меня из моих мыслей. Прежде чем я успеваю среагировать, жуткие стонущие звуки и задыхающееся хихиканье слышатся по другую сторону столешницы.

— Ох, Грант, — вздыхает знакомый голос.

Я быстро подсакиваю, не веря своим ушам. Догадайтесь, что я вижу? Джейн, заключенную в объятия лысеющего мужчины средних лет, который, я в этом уверена, женат.

— Джейн! — задыхаюсь я.

Они оба негромко вскрикивают и отскакивают друг от друга с широко открытыми глазами.

— Виолетт! — выкрикивает Джейн, прижимая руку к сердцу.

— А я-то думала, что ты лесбиянка, — выпаливаю я.

— Это не то, что ты... что? Почему ты считала меня лесбиянкой?

— Ох... — пожимаю я плечами. — Не бери в голову. Мне нужно идти.

Я выбегаю оттуда. Сколько всего интересного можно узнать, сидя на полу!

Глава 21.

Я нахожу Зейна и Дженну, когда они благодарят маму и прощаются с ней. Я пытаюсь поймать взгляд Зейна, но Дженна отводит меня в сторону.

— Виолетт, — говорит она, улыбаясь. — Я очень рада, что мне, наконец, удалось с тобой познакомиться. Надеюсь, когда я буду в городе в следующий раз, мы сможем провести больше времени вместе.

Я сомневаюсь, глядя в ее прекрасные зеленые глаза.

— Да, в этот раз все было... странно.

Она разражается смехом.

— Вроде того, да?

— Прости. Зейн никогда не упоминал тебя или то, что у него кто-то ночует. Я вообще ни разу еще не была у него дома в Лос-Анджелесе, — лепечу я в бессвязном потоке слов.

— Ох, не извиняйся, я все прекрасно понимаю, — уверяет Дженна, глядя меня по руке. — Знаешь, однажды вечером я просто заявила к нему на порог. Это долгая история. В любом случае, я просто хотела, чтобы ты знала, — мы с Зейном просто друзья. Тебе совершенно не нужно ни о чем переживать.

— Ох, ну спасибо...

— Я не совру, если скажу, что если он чего-то хочет, его не остановить.

Она смеется и закатывает глаза.

— Но, когда Зейн определяет тебя в категорию «друзья», ты там оказываешься на всю жизнь.

— Вообще-то, — говорю я. — Наши с ним отношения начались с дружеских.

Дженна лишь улыбается.

— Поверь мне, Виолетт, я знаю наверняка, что тебе никогда не грозило попасть в «дружескую зону». Просто Зейн пытался быть джентльменом впервые в жизни.

Я вспоминаю ту ночь у бассейна и начинаю краснеть.

— В самом деле, — бормочу я. — А можно подробнее?

— Ох, нет, ты не понимаешь, — Дженна тычет в меня пальцем. — Но вот, что я скажу тебе.

Она бросает взгляд через плечо, чтобы убедиться, что Зейн все еще разговаривает с мамой. Затем она заговорщицки придвигается ближе ко мне.

— Ты же знаешь, что Зейн встречался со многими девушками? Со многими. Он ведь может в прямом смысле слова заполучить любую девушку, которую только пожелает. Например, моделей или...

— Ладно, Дженна, — быстро прерываю ее я. — Переходи быстрее к делу.

Она застенчиво пожимает плечами.

— Так, ладно. Я хочу сказать, что раньше я ни разу не слышала, чтобы Зейн говорил о девушке так, как о тебе. Он действительно заботится о тебе, так что... запомни это, несмотря ни на что, хорошо?

Я хочу радоваться из-за того, что рассказывает мне Дженна, но огромное облако сомнений, нависшее надо мной, отказывается уходить. Я не могу забыть то, что услышала на кухне. «Вскоре она все узнает».

Я неуверенно улыбаюсь Дженне, не зная, как воспринимать ее.

— Спасибо, — бормочу я. — Я запомню.

— Запомнишь что?

Внезапно за спиной Дженны появляется Зейн. Он игриво обнимает ее за шею.

— Сливаешь государственные тайны, Джен?

— Я бы никогда не смогла так поступить! — фыркает она, широко раскрывая глаза. — Ты же знаешь меня. Я как банковский сейф.

Зейн бросает на меня веселый взгляд, подняв брови.

— Да, как открытый сейф, где внутри стоит крохотная Дженна и раздает коды с ключами всем желающим. Виолетт, не слушай ее, у нее очень живое воображение.

Я не знаю, что ответить на это, поэтому я просто стою в растерянности. На мгновение мне становится неловко. Но Зейн снова поворачивается к Дженне.

— Эй, сделай мне одолжение, — говорит он, засовывая руку в передний карман своих джинсов. Он достает оттуда какой-то дорогой пульт и бросает ей. — Отгони мою машину домой. Я хочу задержаться ненадолго и поговорить с Виолетт.

Она неуклюже ловит ключи.

— Ты разрешаешь мне прокатиться на «астон мартине»? Ты серьезно?

Зейн неотрывно смотрит на меня, когда отвечает ей.

— Да, только сильно не гони, хорошо?

— Ура! — кричит она восторженно, подпрыгивая вверх и вниз. — Ох, но как же ты вернешься домой?

— Я возьму мотоцикл отца, — пожимает плечами Зейн. — Мы проводим тебя.

Я следую за ними на улицу к машине Зейна. Дженна слишком взбудоражена, и, если бы я была на его месте, то нервничала бы, позволяя ей садиться за руль такого дорогого автомобиля. Но Зейн, кажется, не переживает из-за этого. Он просто

напоминает ей не гнать слишком быстро. Дженна крепко обнимает его, прежде чем садится в машину, и я вынуждена подавить приступ ревности.

Мне и впрямь нужно взять свои эмоции под контроль.

Взвизгнув шинами, автомобиль стартует с места. Дженна сигналиит нам, прежде чем поворачивает за угол.

Зейн наблюдает за тем, как она уезжает.

— Я пожалею об этом, ведь так?

— О, да, — отвечаю я быстро. Вдалеке я слышу крик, следующий за визгом тормозов.

Качая головой, он поворачивается ко мне. В бледном свете луны и мигающих звезд я едва могу рассмотреть его внезапно ставшее серьезным лицо.

— Хочешь уйти отсюда?

— Э-э, — я смотрю вниз на дорогу. — Давай вернемся в дом. Мы можем побыть у меня в комнате.

— Не думаю, что твоя мама одобрит это.

Я закатываю глаза.

— Я проведу тебя незаметно.

— Правда? — тон Зейна наполовину удивленный, наполовину позабавленный.

— Ты уверена, что хочешь ради этого пожертвовать своей репутацией хорошей девочки?

— Ну, — говорю я, как ни в чем не бывало. — Она ведь еще не узнала обо всех тех оргиях с цепями и кнутами, которые я проводила здесь.

— Черт, это были лучшие оргии. Теперь мне очень хочется увидеть твою комнату.

Я указываю на дом, а Зейн начинает идти, засунув руки в карманы.

Когда он немного опережает меня, то оборачивается и подходит ближе.

— Тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил, что ты — самая настоящая самоуверенная всезнайка?

Я киваю.

— Мне теперь хочется знать, почему же.

Провести Зейна наверх было очень просто. Мама болтает со своими друзьями, попивая кофе с тортом и, судя по всему, вспоминая старые добрые времена.

Зейн еще не видел мою комнату. Интересно, что он подумает о ней. Я еще не оставила в ней свои личные отпечатки, поэтому там идеальный порядок.

За исключением моего нижнего белья, лежащего на верхней части комода.

Блин, у меня же сегодня был день стирки. Как я могла забыть убрать его?

Я бегу вперед, открываю верхний ящик и одним махом прячу туда все кружевные трусики.

Пусть он и видел уже мое нижнее белье, но я не хочу, чтобы он считал меня неряхой.

Зейн осматривается вокруг. Он берет мое кварцевое пресс-папье и рассматривает его.

— Милая комната, но она совсем не подходит тебе.

— Знаю, — признаю я. — Нужно было повесить несколько постеров или еще что-нибудь в этом духе, да?

— Ага. И где все пустые бутылки из-под энергетиков, грязное белье, висящее на люстре и на дверцах шкафа, как у всех нормальных подростков?

— И где же ты нашел таких неряшливых подростков?

Он смеется.

— Думаю, это больше характеризует парней.

— Фу. — Теперь, когда я думаю об этом, я понимаю, что он описал комнату Мэтта.

Между нами повисает неловкое молчание. Затем Зейн встает прямо передо мной.

— Итак, — говорит он, глядя вниз на меня.

— Я... э-э...

Я полностью отвлекаюсь на его чистый сексуальный аромат!

— Мне нравится Дженна, — выпаливаю я. — Она кажется... милой.

— Да. Извини, что привел ее вот так, без предупреждения. Она приехала несколько дней назад, не предупредив.

— Ох, — говорю я, пытаюсь сохранить небрежный тон. — Кажется, вы очень близки?

Зейн тянется ко мне и заправляет прядь волос за ухо.

— Ты спрашиваешь, спали ли мы?

— Что? — возмущенно фыркаю я. — Я не это имела... так спали?

— Нет. Никогда. — Он смотрит прямо мне в глаза. — Мы только друзья.

— Ну, она очень симпатичная, — говорю я, практически защищаясь, как будто он не может дружить с симпатичными девушками. — У нее красивые глаза.

— Да, они прекрасны.

— Ага! Такие большие!

Я показываю руками неподходящий жест, похожий на тот, которым парень показал бы лапанье груди. Зейн начинает смеяться.

Я на мгновение закрываю глаза.

— Э-э, могу ли я сейчас что-то сказать, чтобы убедить тебя в том, что на самом деле я не скрытая лесбиянка?

— Сказать? Нет. Возможно, показать. И ты должна быть очень убедительна в своих действиях. — Он одаривает меня сексуальной полуулыбкой.

— Ха-ха, — говорю я.

Затем я делаю глубокий вдох.

— Вообще-то, я хотела извиниться перед тобой за свое сумасшедшее поведение по отношению к шлюшке Мариссе. Хотя я считаю, что ты вел себя излишне мило и поощрял ее флиртовать с тобой, ну, это твое право, и я не должна была вести себя, как ревнивая девушка. — Я останавливаюсь, затем я в ужасе раскрываю глаза. — О Боже, я не хотела сказать девушка! Я хотела назвать себя стервой! Потому что очевидно, что я не... мы не... ну, ты знаешь, не встречаемся, или... пенис?

Зейн складывает руки на груди, ухахатываясь.

— Ой, да ладно! — умоляю я. — Избавь меня от мучений.

— Я правда должен это сделать, — соглашается он, качая головой. — Но я вроде как не хочу. Словно наблюдаешь за крушением поезда.

— Спасибо. Теперь я, наверное, пойду поищу какой-нибудь монастырь. Они ведь любят там девственниц?

Я начинаю разворачиваться, но Зейн притягивает меня к себе. Он такой твердый, теплый и сексуальный... я таю.

— Я не думаю, что они примут тебя туда. Ты выглядишь слишком отвлекающе. Подумай обо всех тех горячих шуточках, на которые ты будешь вдохновлять монахинь. — Его большие руки ложатся на мои бедра, прижимая меня еще ближе к нему.

— Кроме того, у меня есть планы насчет тебя.

Мои руки обнимают его за шею, зарываясь пальцами в его мягкие темные волосы.

— Правда? И какие же это планы?

Зейн дразнит меня, мягко целуя в губы.

— Те, которые связаны с раздеванием. И сексом, в большом количестве.

Пьянящее безрассудство наполняет меня, когда мое тело беспомощно реагирует на него.

— Ага, ты только говорить горазд.

— Да ты что? — усмехается он. — Ладно, малышка, ты сама напросилась.

Зейн поднимает меня с впечатляющими скоростью и легкостью. Он несет меня к кровати и бросает на нее, затем ложится сверху.

— Как тебе такие действия? — бормочет он, улыбаясь.

Я тянусь, чтобы прикоснуться к его прекрасному лицу.

— Ты все еще болтаешь.

Теперь между нами не произносятся слова, только происходит напряженный разговор между нашими руками и ртами, негромкие вздохи или стоны нарушают тишину.

— Виолетт. — Зейн пристально смотрит мне в глаза. — Мне не нужна ни Дженна, ни секретарша, кто-либо другой. Только ты.

Значит ли это, что...?

Он скользит рукой вниз по моему дрожащему животу к пуговице на штанах. Только лишь, когда он опускает вниз молнию, я вспоминаю.

— Подожди. — Я останавливаю его, хватая за руку. — Мы не можем. Я... сейчас не подходящее время месяца.

Зейн поднимает голову и косится на меня.

— И что?

Я хмурюсь.

— А то, что... нет!

Он рычит мне в шею.

— Ты убиваешь меня, Виолетт.

— Тебя? — Я смотрю на него с негодованием. — А как насчет меня? Если так пойдет и дальше, я умру девственницей.

Зейн смеется и целует мне в кончик носа.

— Поверь мне, я не допущу этого.

Он скатывается с меня на кровать. Мы оба лежим на спинах и смотрим вверх на потолок.

— Ого, — говорит Зейн спустя мгновение. — Эта кровать и правда мягкая.

— Правда? — вздыхаю я, потягиваясь. — Спишь на ней и будто находишься на небесах.

— Тебе понравится моя кровать. Она огромная.

Я переворачиваюсь на бок, к нему лицом.

— А мне когда-нибудь представится возможность увидеть твою кровать?

— Ну, это зависит от того, — Зейн подпирает голову рукой, — принесешь ли ты мне завтрак в постель, а также будешь ли выполнять другие обязанности на правах моей девушки?

Я вскидываю брови.

— Девушки или прислуги? И... ты говоришь о том, о чем я думаю? Зейн, мне нужна ясность.

— Правда? Ты собираешься заставить меня сделать это?

— Да, пожалуйста.

— Ну, ладно, — Зейн поворачивает свое лицо, чтобы посмотреть на меня. — Виолетт Марсер, ты станешь моей девушкой?

Я не могу остановить гигантскую улыбку, которая появляется у меня на лице.

— Да! Ура!

Он смеется.

— Круто.

Я наклоняюсь, чтобы от души поцеловать его.

— Что теперь?

— А теперь ты наденешь свою рубашку, а я поеду домой и приму по-настоящему холодный душ. — Он смотрит на меня снова. — По-настоящему холодный.

Он начинает подниматься, но я хватаю его за руку.

— Останься сегодня со мной, — говорю я импульсивно.

Я вижу, как он раздумывает над моим предложением. Он проводит рукой по своим взъерошенным волосам и вздыхает.

— Ты уверена, что хочешь рискнуть и попасться?

— Это того стоит, — говорю я быстро. — Я хочу, чтобы ты остался.

— Тогда я останусь.

Пока Зейн принимает душ, я пишу маме сообщение, что у меня ужасно болит живот, так что я ложусь спать пораньше. Она отвечает мне предложением принести чая и сделать массаж спины. Чувствуя себя ужасно виноватой, я пишу ей, что со мной все будет в порядке, я просто лягу спать.

Честно говоря, за всю свою жизнь я не лгала ей так часто, как за этот прошедший месяц. У меня никогда не было на это причин. Но теперь, я понимаю, что чувства вины и тревоги стоят этого. Зейн стоит этого.

Мы смотрим какую-то фигню по интернету, как в старые-добрые времена, за исключением того, что в этот раз я сижу у Зейна на коленях и на мне только его рубашка. Мне все еще непонятно, как это он до сих пор не видел этих вирусных видео, если учитывать, что он работает с компьютерами. Разве таких ребят не оттянешь за уши от интернета?

Или, возможно, они бы не были такими, если бы были похожими на Зейна.

Около полуночи Зейн убеждает меня пойти поплавать нагишом в бассейне. В конечном итоге, мы больше целуемся, чем плаваем, затем нам приходится принимать холодный душ по отдельности.

Это... невероятно разочаровывающее поведение... но все же захватывающее. Эта неудовлетворенность возрастает практически до болезненного уровня, но я уверена, что когда придет время, все будет еще более удивительным из-за напряженности.

Зейн, кажется, чувствовал себя точно так же, постоянно испытывая пределы своего контроля, доводя нас обоих до края сумасшествия, но спуская на тормозах.

Мы также разговариваем. Иногда кажется, что он хочет что-то рассказать мне, но затем передумывает. Это заставляет меня заикнуться на его разговоре с Дженной. Почему я не могу спросить его об этом? Думаю, я просто не хочу знать ответ. Пока что, не в этот момент, который является лучшим событием в моей жизни.

Я думала, что не смогу заснуть с Зейном в одной кровати, но нахождение рядом с ним было очень умиротворяющим. Мы лежим рядом, я на животе, а он массирует мне спину своими волшебными руками. Я засыпаю, улыбаясь.

Рано утром Зейн будит меня, чтобы сказать, что уезжает. Я настаиваю на том, чтобы проводить его до гаража, а в это время стараюсь заставить его остаться еще ненадолго. Конечно же, он не может, а мне через несколько часов надо быть в школе.

Гараж отца Зейна наполнен большим количеством блестящих игрушек, и я сомневаюсь, что он заметит пропажу мотоцикла, который решил одолжить Зейн. Он берет ключи из специального стеклянного отсека в подписанном мотоциклетном шлеме. Я не знаю, да и мне плевать на то, кто подписал его, потому что я очень устала!

— Ты уверен, что сможешь вести? — спрашиваю я Зейна уже в пятый раз, когда он садится на мотоцикл.

Он берет пару солнцезащитных очков и надевает их.

— Конечно, — говорит он с ленивой улыбкой на губах. — Я просто буду думать о тебе, а сексуальная неудовлетворенность не даст мне заснуть.

— Ох, это так мило.

Боже, он выглядит таким сексуальным в своей кожаной куртке, сидя на опасном мотоцикле.

Ко всему этому еще нужно добавить сексуально пахнущий одеколон. Вкусняшка.

Зейн жестом подзывает меня к себе. Я обнимаю его за талию. Он берет мое лицо в руки и целует меня на удивление нежно.

— Спасибо, — говорит он мягко, его лицо всего в нескольких дюймах от моего. — Я вспоминаю, кто я на самом деле, когда нахожусь рядом с тобой.

Серьезный Зейн такой же привлекательный, как и игривый. Я пытаюсь рассмотреть его глаза за темными линзами очков.

— Это... очень странные слова.

— Да. — На его губах на миг появляется кривая усмешка. — Возможно, я слишком устал, чтобы понимать, о чем говорю.

— А, — говорю я. — Ты ведь шпион, да? Вот почему ты носишь линзы и красишь волосы.

Я только наполовину шучу.

— Ты поймала меня. Я бы рассказал тебе, но мне тогда придется убить тебя. До встречи, Виолетт.

После того, как он уезжает, я нажимаю на кнопку, чтобы закрыть дверь гаража, обдумывая секреты, которые, возможно, скрывает Зейн. Связано ли это с его прошлым?

Он никогда не рассказывает об этом, не дает ничего, кроме обобщенных расплывчатых воспоминаний о своих школьных годах. Мне интересно, что же произошло. Связано ли это с самоубийством его матери? Знает ли Билл об этом?

Или, возможно, я раздуваю из мухи слона. Наверное, тот разговор, что я подслушала, касался его работы, а ко мне не имеет никакого отношения.

Боже, я ненавижу лгать. Особенно самой себе.

Глава 22.

Я едва успеваю в школу. Мне хватило времени только на то, чтобы почистить зубы и одеться, затем я побежала на занятия. Лорен позвонила мне и сказала, что заболела и проведет в кровати целый день, поэтому я и не догадывалась, что надела рубашку навыворот, пока не приехала в школу.

Люди продолжают спрашивать, не провела ли я слишком бурно прошедшую ночь, я отвечаю положительно на их вопросы только затем, чтобы они отстали. Вскоре по всей школе поползли слухи, что я напилась как свинья на вечеринке братства. Мне плевать. Многие обо мне уже говорили: называли меня шлюхой, говорили, что у меня силиконовая грудь, что я проходила кастинг для Playboy, что меня удочерили... и прочую фигню.

Неудивительно, что у меня отсутствует школьный патриотизм и мне наплевать на это место.

Это дерьмовый опыт, особенно для людей с плохим мироощущением. И я никогда не отрицаю слухи, я просто изменяю их так, чтобы ввести людей в заблуждение. Когда ребята подходят ко мне и спрашивают, настоящие ли у меня груди, я отвечаю им, что меня удочерили. Это запутывает сплетников, так как они до ужаса глупы.

Я прихожу на английский за несколько минут до начала урока, и у меня есть время повторить химию. Я точно не помню, но, кажется, у нас сегодня тест.

Я открываю девятую главу, когда Мэтт подходит к моей парте.

— Привет, Ви, — приветствует меня Мэтт с обыденной улыбкой на лице. Как будто он не предал меня, а потом не избегал с момента начала учебного года.

Мой желудок странно сжимается, но мне больше не хочется засунуть его голову в унитаз.

Хотя, он все еще не является моим любимчиком.

— Привет, Мэтт, — бормочу я, застенчиво поправляя свою рубашку.

Он, кажется, доволен моим вежливым ответом.

— Ты уже начала писать свое эссе?

— Начала? Оно уже закончено. Разве его не завтра сдавать?

Лицо Мэтта комично искажается.

— Ох, черт, что, правда? Я ведь еще даже и не начинал!

— Паршиво, — говорю я, пожимая плечами.

— Ага. — Мэтт мрачнеет на мгновение, но потом он оживает. — Я слышал, что Таннера не будет до конца месяца, а Дженсен будет продолжать заменять его. Возможно, он даст мне отсрочку.

— Или, — говорю я, закрывая учебник по химии, — ты можешь написать эссе сегодня вечером.

Ладно, это звучит неправдоподобно. Я понимаю это только сейчас. Судя по тому, как Мэтт лыбится, я, похоже, снова вставила где-то в предложении слово «пенис».

— Я слышал, ты встречаешься с каким-то парнем из колледжа, — говорит он, меняя тему разговора. Он опирается на мою парту точно так же, как и раньше, когда мы встречались. Я хочу его сильно стукнуть.

— Зейн не учится в колледже, он работает в Cronus, — говорю я немного хвастливо. — Он инженер-программист.

Я не могу остановить себя. Лучший способ отомстить своему бывшему парню-изменщику — это заменить его кем-то, кто намного успешнее и красивее его. И если это низкий поступок... ну, я тогда мелочная девушка.

— Ого, ты не стоишь на месте, Ви, да? — Мэтт добродушно гладит меня по руке. — Да, ты всегда была слишком хороша для нас, школьных козлов. Я всегда знал, что какой-нибудь парень украдет тебя.

Я поднимаю на него взгляд.

— Серьезно? Так вот почему ты бросил меня?

Он смотрит вниз на свои руки.

— Ну, вообще-то, да. Встречаться с тобой было довольно сложно. Каждый раз, когда мы выходили гулять, я чувствовал себя так, как будто должен надрать задницу каждому парню, который заглядывался на тебя. Я просто ждал, когда ты поймешь, что я не твой уровень.

Что за фигня. Он, что, забыл ту часть, когда изменил мне? Тьфу.

— Ладно, — говорю я ему, открывая учебник снова. — Спасибо.

Мэтт все еще сидит на моей парте, задумчиво пялясь на мою грудь. Я вынуждена громко покашлять. Я говорю ему, что, кажется, Рейчел, которая внимательно наблюдает за нами, хочет поговорить с ним. Он краснеет и поспешно отходит, извиняясь.

Странно. В своей голове я начинаю воображаемый разговор о полученном опыте с Зейном. Мы оба приходим к выводу, что Мэтт — задница.

— Эй, Виолетт.

Глубокий голос выводит меня из оцепенения. Я смотрю в пару мерцающих карих глаз.

— Ох, э-э, здравствуйте, мистер Дженсен, — лепечу я, удивленная тем, что меня заметили.

Он подмигивает мне, прежде чем пройти к передней части класса, чтобы проверить посещаемость.

Ого, это было странно. Я даже и не знала, что он знает, как меня зовут. Возможно, он слышал сплетню о разгульной вечеринке. Ну, ладно.

Если так продолжится и дальше, думаю, что я начну распространять слухи о том, что отдаю почку своей давно потерянной сестре.

Остальная часть ноября стала официально отстойной. Примерно в одно и то же время у меня появилось четыре школьных проекта. Зачем учителя поступают так? Они хотят, чтобы мы все провалились на экзаменах?

Проект по английскому стоит половины наших оценок, и мы с Лорен не понимаем, как сможем прочитать от корки до корки шесть книг за такой короткий срок. В последнее время, она вообще стала для меня неуловимой. Судя по тому, как часто она пропадает, она, должно быть, занимается репетиторством с половиной школы.

Работа также превращается в сумасшедший дом. К нам заселилось три новых постояльца, в том числе и женщина, прикованная к инвалидной коляске, которую зовут Мардж. Она постоянно играет с кнопкой вызова работников, нажимая ее по поводу и без. Я бегаю к ней в комнату каждые пять минут, а это сбивает все мое расписание. Мне приходится ускоряться, чтобы все успевать вовремя, и из-за этого я не могу проводить много времени с Хейлиз.

Вдобавок ко всему, Зейн занят каким-то особенным проектом на работе: разрабатывает какое-то новое программное обеспечение, которое должно быть готово к началу декабря.

Я не видела его с той ночи, проведенной вместе. Он пропустил все репетиции свадьбы, и мама начинает волноваться, что если так пойдет и дальше, он пропустит и саму свадьбу.

Она превратилась в ходячий комок нервов, и догадайтесь, кто постоянно выслушивает ее причитания?

Так что я немного ворчливая в последнее время. Ладно-ладно, очень ворчливая. Зейн пропустил даже День благодарения, что весьма паршиво.

Всем гостям со стороны мамы удалось приехать на свадьбу, а так как до свадьбы осталось восемь дней, то они пока живут у нас. Так что сейчас весь дом заполнен Хэrrингтонами.

Возможно, и к лучшему, что Зейн не смог приехать. Но я рассказала ему о самом интересном — прабабушка Фрэнсис с ложкой и (чистым) подгузником для взрослых подстерегла Билла на кухне. Выражение ужаса на лице Билла было грандиозным зрелищем.

Прабабушка у нас — немного рехнувшаяся дама.

В последнее время мы с Зейном много ссорились. Признаю, что большинство этих ссор были связаны с моей неуверенностью. Я не могу перестать заикливаться на том, чем Зейн занят в свободное время. Ужинает ли он один, как говорит мне? Работает ли он до восьми вечера? Почему он не может выделить пару часов, чтобы приехать к нам на репетицию?

Мое воображение начало зашкаливать, а Зейн стал раздражаться. Особенно, когда я молчу о том, что меня гложет. Хотя мы оба об этом знаем. Но самое страшное то, что... мне вроде как нравится ссориться с ним. Это разрушительная, захватывающая.... прелюдия.

Знаю. Я — идиотка. Боже, не могу дождаться, когда снова увижу его.

Глава 23.

Свадьба мамы...

Погода сегодня пасмурная. Мама переживает, что может пойти дождь, хотя свадебный планировщик уверяет ее, что они легко смогут перенести церемонию в помещение, даже если с неба упадет хоть одна капля.

Она сводит меня с ума. Мама, а не планировщик свадьбы. Она отказывается отпустить меня от себя хоть на одну минуту. Она ужасно переживает, дрожит, как кленовый лист.

Несмотря на ее нервное состояние, она прекрасно выглядит. На маме простое белое вышитое платье, которое подчеркивает ее стройную фигуру. Макияж естественный, светлые волосы заколоты белой лилией. Мне нравится классический стиль. Я бы хотела так выглядеть на своей свадьбе.

Если я когда-нибудь выйду замуж.

Свадьба проходит в здании Вудберна, в сказочном саду. Яркие экзотические цветы посажены повсюду, и тонко вплетенные в фиалки красочные огни мерцают, обернутые вокруг старомодных фонарей. Большая белая беседка украшена огнями и цветами, а Джерри, свадебный планировщик, информирует нас, что большинство гостей уже сидит на своих местах.

— Ты прекрасно выглядишь, Виолетт, — говорит мама, ее глаза наполняются слезами.

— Только не плачь, — предостерегаю ее я, протягивая платок на всякий случай. — И спасибо. Ты тоже выглядишь потрясающе.

Она тщательно вытирает краешек глаза, а затем небрежно машет рукой.

— Спасибо, дорогая. Я только надеюсь, что в таком возрасте не выгляжу глупо. Ох, а ты видела Джейн? Я нашла сережки, которые она может одолжить у меня.

Я беру свой телефон и прошу Джейн зайти в наш коттедж. Потом я пишу Лорен — уже в пятый раз.

Я: Он уже приехал?

Лорен: Еще не видела его. Не переживай, он приедет!

Я вздыхаю. Зейн не может пропустить свадьбу. В противном случае, я прибью его.

Чтобы отвлечься, я осматриваю свое отражение в зеркале. В полный рост. Мне нравится мое платье. Оно без бретелек, сшито из темно-синего трикотажа, длиной до колен. Мои волосы распущены и завиты на концах, одна сторона заколота сверкающей заколкой, сделанной бабушкой.

Мне хотелось бы надеть браслет Зейна, но сегодня нельзя привлекать внимание к моему запястью.

В кои-то веки я чувствую себя довольной и привлекательной. Мне интересно, что же он подумает обо мне. Будет сложно притворяться, что он только мой будущий сводный брат. Как же я смогу скрыть это от своей семьи? Что, если я снова скажу что-то неуместное? Должно быть, так все и произойдет.

Беспокойство и сомнения крутятся у меня в голове, пока я не начинаю так же нервничать, как и мама. Мы стоим у окна, дрожа, как листья на ветру, и подпрыгиваем каждый раз, когда кто-то хочет поговорить с нами. Затем мама давится мятной конфеткой, а я чересчур стараюсь, выполняя прием Геймлиха, и зря, поскольку она сразу же выплюнула конфетку, как только начала кашлять.

К счастью, я не ломаю ей ребра, а после мы истерически смеемся над сложившейся ситуацией. Не знаю почему.

Прежде, чем мы успеваем собраться, Джейн и Джерри тянут нас в сторону беседки. По дороге, я пишу сообщение Лорен.

Я: Ты уже виделась с ним?

Лорен: Ага. И это было ничего себе!

Я: Ничего себе что?

Лорен: Ты все увидишь.

Блин! Как будто бы я и так не перенервничала! И почему Джерри продолжает толкать меня? Я раздраженно хлопаю ее по руке.

— Иди, Виолетт! — шипит она.

Она сильно толкает меня, и я внезапно выбегаю в проход, а все, кто сидят, оглядываются на меня.

Я спотыкаюсь только дважды, что замечательно, если учитывать, что на мне трехдюймовые каблукы. Сжимая букет, я концентрируюсь на ходьбе по проходу.

Я едва замечаю улыбающиеся лица моей семьи и друзей, Ожидающего в беседке Билла, который выглядит элегантно, но в то же время неуверенно. Мой взгляд был полностью сосредоточен на прекрасном парне в смокинге, стоящем возле Билла.

Он замечательный, самый идеальный человек, которого я когда-либо видела. Такой небрежно элегантный и сексуальный, он, кажется, совершенно недостижимым для меня.

И этот бог — мой парень!

Зейн наблюдает, как я иду по проходу, с намеком на улыбку на его невыразимо прекрасном лице. Я не могу скрыть улыбку на своих губах. Я занимаю свое место, чувствуя себя счастливой. Я так рада находиться здесь.

Я вынуждена отвлечься от Зейна, чтобы увидеть выход мамы.

А вот и она.

Я не отношусь к сентиментальному типу людей, но едва сдерживаю слезы, когда мама с Биллом обмениваются своими обетами. Его обет до смешного прост, но поразительный взгляд на его лице заменяет слова. Мамин обет намного сложнее, по ее щекам бегут слезы, когда она выражает благодарность за свою жизнь, свою семью... за мужчину, стоящего напротив нее. Все, кто знает через что она прошла, плачут вместе с ней.

Я так рада за нее и горжусь ею в этот момент.

Как в тумане я понимаю, что все закончилось. Зейн тянется за моей рукой и сопровождает меня назад по проходу. Он поддерживает практически весь мой вес, за что я ему очень благодарна. Я в эмоциональном раздрае, поэтому не думаю, что смогла бы пройти одна.

— Ну что же, теперь ты официально моя сводная сестра, — говорит он уголком рта. — Неуместно будет сказать, что прямо сейчас ты выглядишь чертовски прекрасно и привлекательно?

Я смеюсь дрожащим голосом.

— Не более, чем мне сказать, что мне хотелось бы сорвать этот смокинг с тебя зубами.

Зейн откидывает голову назад и смеется.

Не знаю почему, я ведь не шучу.

Свадебный банкет проходит в павильоне, бальный зал украшен свадебными цветами: синим и серебряным. Множество свечей венчают мерцающими огнями великолепные люстры. Все вокруг настолько волшебное, что я не могу налюбоваться.

Я стою рядом со столом Лорен, раздраженная. Я должна быть с Зейном, но я не с ним. Почему? Да потому что мы оба решили, что не можем находиться рядом и держать при этом руки при себе. Лорен также сказала, что сексуальное притяжение между нами настолько очевидно, что даже ей хочется принять холодный душ.

И вот почему моя развратная кузина Тейлор сейчас прижимается к Зейну вместо меня.

Тейлор — действующая Мисс Невада. Я знаю, что она моя родная кровь, но я ненавижу её всем своим естеством. Я ненавижу тетю Барб и дядю Майка за то, что они вырастили такую симпатичную потаскушку. Я ненавижу, что никто ей не может объяснить, что это свадебный банкет, а не публичный дом.

— Она снова трогает его руку! — рычу я. — Это... отвратительно! Ты считаешь ее красивей меня?

— Не знаю, — говорит Лорен устало, ковыряясь в своем цыпленке. — Зато у тебя груди большие.

Я едва слышу ее.

— Ох, посмотрите на меня! Я — Мисс Невада, хе-хе! Ох, Зейн, ты такой сильный. Ох, я не могу держать свои руки при себе, потому что ты такой... ох, ну вот опять я провожу рукой по твоей груди. Потому что я — шлюха! Вот как я стала Мисс Невада, благодаря ми...»

— Ви, — перебивает меня Лорен. — Просто подойди к ним.

— Я не могу, — говорю я. — Ты же знаешь, что мы не можем рисковать. Тебя что, вырвало в салфетку?

Она складывает салфетку и кладет ее обратно на тарелку, хмурясь.

— Мой желудок немного не в себе.

— Ты в порядке? Ты ведь не беременна? — говорю я, смеясь. Потому что это Лорен, и не может быть, чтобы она...

Она молчит, стараясь не встречаться со мной взглядом.

У меня отвисает челюсть.

— О Боже, — задыхаюсь я.

Я хватаю Лорен за руку и тяну ее в туалет. Как только мы оказываемся внутри, она отходит и запирается в кабинке. Спустя мгновение оттуда слышится звук рвоты. Я хватаю несколько бумажных полотенец и мочу их.

Лорен, наконец, выходит, вся потная и бледная. Я помогаю ей умыться, затем выбегаю в поисках воды.

Когда я возвращаюсь, она стоит, прислонившись к раковине, ее глаза красны и наполнены слезами.

— Итак, — говорю я осторожно. — Чтобы все прояснить... ты беременна?

Она кивает.

— Да.

Не могу поверить в это! Сузив глаза, я внимательно изучаю ее. Она выглядит как обычно, возможно, немного худее. И более уставая.

Лорен беременна. Как это могло произойти?!

— И... сколько недель? — спрашиваю я.

— Девять, — говорит она мрачно.

— Что? Как? Кто отец? Я надеру ему задницу!

Она отбрасывает волосы с лица.

— Я вроде как встречалась кое с кем. Я не рассказала тебе, потому что... не знаю. Все сложно. И нет, я не собираюсь говорить тебе, кто это. Во всяком случае, пока не расскажу ему о ребенке. И не пытайся угадать, кто это!

Миллион вопросов готов сорваться у меня с языка, но я проглатываю их.

— Ты... что ты собираешься теперь делать?

Лорен сутулится.

— Не знаю. Я не хочу заботиться еще об одном ребенке. Я ведь практически воспитываю Брианну. Я... я просто не знаю.

Я делаю глубокий вдох, осторожно подбирая слова.

— Ты ведь знаешь, какой есть выход, если не хочешь сохранить ребенка. И что бы ты ни решила, я буду тебе помогать. Со всем, что тебе понадобится. Эй, а если ты решишь оставить ребенка, я буду тетушкой Виолетт! Даже если это не практикуется, я могу представить, как мы вместе растим ребенка. Я буду крутой родительницей. Мы можем попасть в реалити-шоу! Я люблю детей!

Лорен только многозначительно смотрит на меня.

— Я еще не знаю, что собираюсь делать. Думаю, сначала я поговорю с отцом ребенка. И мне все еще нужно рассказать об этом маме.

— Хорошо, ты уже была у доктора?

Ей, кажется, снова стало плохо.

— Нет. Я не могу попасться маме на глаза.

Ах, да. Я глажу ее по руке.

— Ну, мы можем поискать в интернете. Я уверена, что там полно ресурсов для беременных девушек. Я посмотрю сегодня, когда вернусь домой.

— Спасибо. — Слабо кивает она. — Э-э... можем мы поговорить об этом позже? Думаю, что я лучше поеду домой и отдохну. Передавай маме мои поздравления, хорошо?

— Конечно. Хочешь, чтобы я отвезла тебя? — спрашиваю я.

— Нет, все в порядке, я позвоню маме. Но спасибо за предложение.

После беглого осмотра в зеркале, чтобы убедиться, что она выглядит презентабельно, Лорен направляется к двери. Она открывает ее, затем, сомневаясь, поворачивается ко мне.

— Пойди поговори с Зейном, — говорит она.

Затем она исчезает, а я плююсь на дверь.

Я... не знаю. Шокирована. Ранена. Обеспокоена за Лорен. Я просто не могу поверить, что она беременна. Единственная, кто мог быть еще более девственной, чем я, была как раз Лорен. И все это время за моей спиной, она занималась этим!

Думаю, что я должна злиться на нее за то, что она скрывала от меня свою связь с кем-то, но все так запутано. Лорен настолько скрытный человек. Она совершенно не любит разговаривать о себе, и...

Ох, подождите-ка! Я знаю, кто отец!

Деймон Фокс, футболист. Она занималась с ним репетиторством с начала школьного года, и, кажется, они хорошо ладят. А их отношения запутанные, потому что у Деймона есть девушка. Шенна, кажется. Она ходит с нами на испанский, но я с ней ни разу не разговаривала. И Лорен она никогда не нравилась! Однажды, она сказала, что у Шенны самый пугающий смех.

Это Деймон, я уверена в этом. Ему лучше поддержать ее, или, в противном случае, я надеру ему задницу.

Но что тогда? Они пожениятся и будут растить ребенка? Я сомневаюсь в этом. Ему лучше поддержать любое ее решение...

Боже. Лорен беременна. У нее будет малыш.

Что произошло бы, если бы я забеременела от Зейна? Без сомнения, он бы поддержал меня, несмотря ни на что. Но как бы поступила я? Какая-то часть меня (и я чувствую себя ужасно, признаваясь в этом) была бы рада иметь ребенка от него. Если быть честной, большая часть меня.

Но реальность отрезвляет меня — я буду незамужней девушкой-подростком с ребенком и с ответственностью, к которой я пока не готова.

Волнуясь за Лорен, я, наконец, покидаю уборную. Хочу поговорить с Зейном. Я не скажу ему о Лорен, мне просто хочется увидеть его.

Я очень расстроилась, найдя его в тисках Тейлор. Она мне никогда не нравилась. Когда я была полной, она игнорировала меня, а затем, когда я постройнела, стала грубо вести себя со мной.

Я ненавижу то, как идеально они выглядят вместе. Тейлор, со своими длинными блондинистыми волосами и модельной фигурой, полностью соответствует темной красоте и мощному телосложению Зейна. Если я встану рядом с ними, какой-нибудь фотограф выкрикнет, чтобы убрали унылую девочку с обложки журнала.

Ладно, мне не впервой отваживаться от Зейна симпатичную девушку. У меня не будет проблем в оттаскивании Тейлор в сторону за ее прекрасные волосы.

Посмею ли я насладиться этим?

О, да, посмею.

Зейн наблюдает за моим приближением, и мне нравится, как полуулыбка освещает все его лицо.

— Привет, Зейн, — говорю я, подходя к ним. — Есть минутка?

— Вообще-то, мы тут заняты, — огрызается Тейлор, оглядываясь на меня. Она прикасается к руке Зейна.

Ох, дела становятся безобразней.

— Ага, я заметила. — Я делаю озабоченное выражение лица, а затем понижаю голос. — Я хочу избавить тебя от унижения, потому что он собирался послать тебя.

Я хватаю Зейна за руку и начинаю отводить в сторону.

— Виолетт! — недоверчиво пялится на нас Тейлор.

Зейн пожимает плечами.

— Она права.

Ха!

Я веду Зейна в сад, в уединенное место возле небольшого пруда с рыбками. Здесь очень романтично, повсюду мерцают огни в крошечной тьме, и воздух наполнен экзотическими ароматами цветов.

Здесь, подальше от толпы, я обнимаю его и вдыхаю свежий чистый запах его кожи. Как только я прикасаюсь к нему, то чувствую, что все будет в порядке.

Руки Зейна сразу же обнимают меня в ответ.

— Что случилось с обещанием держать руки при себе? — спрашивает он, выглядя позабавленным.

— Знаю-знаю, — говорю я, мой голос звучит приглушенно у его груди. — Я просто... соскучилась по тебе.

— Я тоже скучал по тебе. — Я чувствую, как он целует меня в макушку. — Эй, что произошло?

— Ничего. Просто у Лорен проблемы.

— Я могу чем-то помочь?

Я смотрю на него.

— Возможно, меня придется забирать из тюрьмы за избиение кое-кого.

— Кого ты собираешься побить и за что?

— Это из-за Лорен, и... я не вправе рассказывать о ее проблеме.

— Не избивай никого, — говорит Зейн. — Сначала позови меня. Я позабочусь об этом ради тебя.

— Ох, так ты думаешь, что я не смогу справиться? — Я чувствую себя немного возмущенной. Выпрямляюсь в свой полный рост — 5,4 фута (а если на каблуках, так 5,7) и толкаю его в грудь.

— Я знаю, что делаю, чувак.

— О, да, я уверен, что ты крутая. — Зейн улыбается и проводит руками вниз по моей спине.

— Я могу надрать задницу и тебе, — говорю я, придвигаясь к нему ближе.

— Не сомневаюсь в этом.

Как-то так получается, что мы начинаем целоваться. Я забываю, где нахожусь, прошло много времени с тех пор, как в последний раз мы обнимались вот так. Я прижимаюсь к нему, а он прокладывает дорожку из поцелуев вниз по моей шее.

Охх, я хочу...

— Виолетт!

Арррр! Бабуля!

Глава 24.

Я отскакиваю от Зейна. Он загораживает меня собой, чтобы я смогла поправить верх своего платья. После того, как я привела себя в порядок, выглядываю из-за широкого плеча Зейна.

Бабушка стоит, скрестив руки, и строго смотрит на нас. Говоря о крепких орешках, Кэти Хэррингтон, как раз такая.

— Привет, бабуля, — уныло машу я ей. — Мы здесь просто...

— Хм, думаю, я догадываюсь, что вы просто собирались делать. Публично!

Ох, это нехорошо! Я, наверное, сгорю заживо от смущения. Я даже не могу взглянуть на Зейна.

Он, должно быть, весь измазан моим блеском для губ.

— Можно мне поговорить со своей внучкой с глазу на глаз? — холодно говорит она Зейну.

— Конечно, — отвечает Зейн почтительно. Затем он наклоняется, чтобы сказать мне на ухо. — Хочешь, чтобы я остался?

Я качаю головой с сожалением.

— Тебе лучше уйти. Увидимся внутри.

Он колеблется, и я понимаю почему, когда смотрю вниз и замечаю, что судорожно сжимаю рубашку Зейна обеими руками, и тут же отпускаю его.

Зейн ободряюще улыбается мне и целует меня в щеку, прежде чем кивает бабушке.

— Мэм.

Как только он уходит, я поворачиваюсь к ней.

— Ладно, я знаю, что ты собираешься сказать, но сначала позволь напомнить, что мне семнадцать, почти восемнадцать. И я знаю, что...

Взмахом руки бабушка прерывает мое лепетание:

— Виолетт, я не настолько наивна, чтобы думать, что у тебя не было секса. И я предпочитаю думать, что ты достаточно умна и ответственна, чтобы предохраняться. — Она делает паузу и вздыхает. — Но с этим... Виолетт, твоя мама знает?

— Нет! Это просто... просто произошло с Зейном. — Яжимаю плечами и нервно сжимаю пальцы. — Я собиралась рассказать ей обо всем после свадьбы. Я не... не знаю. Пожалуйста, не говори ей ничего, обещаю, что сделаю это сама.

Бабушка приподнимает одну идеально ухоженную бровь.

— Я удивлена, что она до сих пор ни о чем не догадалась. Всем видна та искра, что проскакивает между вами, когда вы вместе.

Я кусаю губу, довольная и смущенная.

— Она была сильно занята свадьбой.

— Еще бы! — Она позволяет улыбке растопить недовольное выражение лица. — Он красив. Понимаю, какое это, должно быть, искушение.

— Бабуля! — смеюсь я и беру ее под руку. — Я все еще девственница.

— Хм, судя по всему, это ненадолго. — Она гладит меня по щеке. — Только предохраняйся. Я слишком молода, чтобы становиться прабабушкой.

Мы возвращаемся в бальный зал.

— Ты должна беспокоиться не только обо мне, — усмехаюсь я.

— Тейлор? — бабушка кивает понимающе. — Она будет счастлива, если будет знать хотя бы имя предполагаемого отца. Она немного распутная, да?

Я лучезарно улыбаюсь ей.

— Я люблю тебя, бабуля.

— Знаю, дорогая, — улыбается она мне в ответ и сжимает мою руку. — Но это не значит, что я не отчитаю тебя, если снова поймаю за занятиями такими вещами на публике. Понятно?

— Предельно ясно.

Думаю, что если бы я вела учет всех своих конфузов, мне бы уже давным-давно пришлось убить себя.

Я нахожу Зейна, общающегося с несколькими парнями, которые, насколько я помню, являются сотрудниками Билла. Когда он замечает меня, поднимает обе

брови. Я пожимаю плечами и застенчиво улыбаюсь в ответ. Он извиняется и подходит ко мне.

— Все в порядке? — спрашивает он, поглаживая мои руки.

— Думаю, да. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь смотреть ей в глаза, но она восприняла это вполне спокойно.

— Да? — усмехается он. — Судя по ее выражению лица, я думал, что мне придется взбираться на башню, чтобы вызволить тебя.

— Мм, — говорю я, щурясь. — Ты бы сделал это для меня?

— Меня можно было бы уговорить.

— Ну, если...

— Виолетт!

Что-то ударяется мне в ноги, толкая меня на Зейна, который притягивает меня к груди.

О мой Бог. Что только что произошло?! Ох...

Я резко оборачиваюсь, все еще находясь в объятиях Зейна.

— Хантер! — выкрикиваю я.

Мой шестилетний чертенок-кузен ухмыляется, глядя на меня. Ирокез на его блондинистой голове превращает его в миниатюрного байкера в костюме.

— Я — акула! Рррр! — он сильно толкает меня в живот.

— Ха, — говорю я, взлохмачивая его волосы. — Акулы так не говорят. И что я говорила об избиении меня?

Хантер принимает позу из каратэ.

— Что ты ударишь меня в ответ еще больше, потому что ты сильнее меня. — Он подходит к Зейну и поднимает голову, чтобы взглянуть на него. — Мама говорит, что ты теперь мой кузен. Это правда? — требует он ответа с подозрением.

Зейн смотрит на него.

— Думаю, да, парнишка. Как ты относишься к этому?

— Нормально, — говорит Хантер задумчиво. — Но... ведь ты не собираешься на самом деле съесть Виолетт?

Мы с Зейном обмениваемся озадаченными взглядами.

— Хантер, почему ты спрашиваешь об этом? — интересуюсь я.

— Моя мама говорит, что он смотрит на тебя так, будто хочет съесть, — отвечает он, как ни в чем не бывало. — Она говорит, что это из-за твоих здоровых буферов. Но почему из-за этого ты хочешь съесть ее?

Зейн начинает смеяться, пока я прикрываю свои пылающие щеки руками. Я убью свою тетюшку!

Он приседает и подзывает Хантера к себе. Мой маленький братишка наклоняется ближе и внимательно слушает все, что нашептывает ему Зейн.

Вдруг его глаза расширяются.

— Правда? — вопрошает он скептически.

— Зачем мне врать? — говорит Зейн торжественно.

— Ух ты!

Хантер быстро разворачивается и срывается с места со скоростью пули. Я поворачиваюсь к Зейну.

— Что ты сказал ему? — недоверчиво спрашиваю я.

Зейн пожимает плечами и наблюдает, как убегает Хантер.

— Просто небольшой секрет, который мы, парни постарше, обнаружили раньше.

Крик привлекает мое внимание к столу, за которым сидит тетушка. Тетя Лиза прикрывает свою грудь одной рукой, а другой активно отмахивается от своего сындикаря. Хантер подпрыгивает к ней, щелкая челюстями. Выглядит это так, как будто он пытается...

Зейн бросает на меня взгляд.

— Я сказал ему, что груди на вкус, как шоколадный торт.

— Ох. Это такая ложь.

— Да, не думаю, что я понравлюсь твоей тете.

— Скорее всего, нет. — Я ловлю взгляд тетушки Лизы. — Быстро, маши ей. Это её очень разозлит.

Мы оба машем. Лиза начинает кричать и тыкать пальцем вокруг, как невменяемая королева диско. Я смотрю на Зейна, и мы оба начинаем смеяться.

— Мы не очень стараемся скрывать наши отношения, правда? — говорю я, откидывая волосы назад.

Он качает головой, улыбаясь.

— Не-а. Пошли. Дадим им пищу для размышлений.

Он берет меня за руку и ведет на танцпол. Играет сексуальная сальса, и Зейн кружит меня в ее ритме.

Я довольно-таки неплохая танцовщица, но он — просто потрясающий. Мы идеально движемся под музыку. Он танцует так, будто это его вторая натура, а я с легкостью следую его примеру. Я знаю, что все смотрят на нас, но мне наплевать. Я даже не могу вспомнить, почему мы должны скрываться.

Мне так весело сейчас. А о последствиях побеспокоюсь позже.

Но «позже» наступает очень рано.

После окончания песни, мама отводит меня в сторону.

— Ты знаешь, что произошло с Лизой? — спрашивает она, ее глаза широко открыты от беспокойства. — Она сказала, что Хантер пытался укунить ее за грудь из-за того, что вы с Зейном сказали ему.

Я нервно провожу рукой по платью, разглаживая складки.

— Нет, не знаю. Думаю, она напилась. Должно быть, я сказала что-то, а Хантер подслушал это. Ты ведь знаешь, какими могут быть маленькие дети, — вздыхаю я шумно. — Она просто пытается устроить спектакль у тебя на свадьбе.

Мама просто смотрит на меня.

— Ага. А что происходит между тобой и Зейном? Вы вдвоем похожи на воркующих голубков. — Она кивает в сторону танцпола.

— Что? С чего ты взяла? Ничего не происходит между нами. Мы просто... ну, ты знаешь. Он хороший танцор.

— Ладно. Хорошо, что ты снова можешь веселиться с парнями. После того, что произошло с Мэттом...

Черт, почему я не могу все рассказать ей? Зейн — мой парень. Видите? Все очень просто.

Я открываю рот, но ничего не говорю, а только вздыхаю. Почему это так сложно?

Мама наблюдает, нахмурившись, как мне неудобно. Вдруг, она подается вперед и кладет ладони мне на щеки.

— Виолетт, я доверяю тебе, — говорит она прямо, глядя мне в глаза. — Ты никогда не давала мне повода не делать этого. И когда я была... я была больна, наши роли поменялись. Это ты заботилась обо мне, оплачивала счета и боролась за нас...

— Мам, — я пытаюсь прервать ее, когда ее глаза начинают наполняться слезами.

— Нет, я просто хочу сказать, что очень горжусь тобой. Ты многим пожертвовала ради меня и никогда не жаловалась. А затем появился Биллом, и медовый месяц, а затем свадьба... ты так спокойно все приняла. — Она останавливается, чтобы поцеловать меня в лоб. — Спасибо, Виолетт. Ты замечательная дочь... ты ведь знаешь, что можешь обо всем мне рассказать?

— Ничего себе. — Я переминаюсь с ноги на ногу. — Да. Спасибо.

Мы стоим вот так, кажется, вечность. Затем мы одновременно пытаемся обняться, но промахиваемся. И это больно.

— Ладно, я, наверное, пойду спасать Билла от твоей бабушки. У него выражение лица, как у оленя, попавшего под машину. — Мама указывает туда, где бабушка загнала в угол Билла. — Эта женщина — настоящая катастрофа. Она сказала мне, что я уже старая, чтобы иметь второго ребенка, так что мне лучше попрактиковаться в безопасном сексе. Можешь поверить в это?

— Э-э, да. Она чокнутая. — Я глажу ее по спине. — Иди спасать своего мужчину.

Мама подмигивает мне.

— Думаю, я лучше пойду. Люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Она посылает мне воздушный поцелуй. Я наблюдаю за тем, как она уходит, спотыкаясь на каблуках несколько раз, пока не подходит к бабушке и Биллу. Она пьяна? Не помню, чтобы от нее разлило алкоголем. Ого, прежде я не видела ее выпившей. Я делаю себе пометку понаблюдать за ней, так, на всякий случай. Или я уверена, что это сделает Билл.

Билл.

Вдруг я понимаю всю реальность происходящего. Теперь он официально мой отчим. Он дал обет в присутствии свидетелей быть с мамой и в горе, и в радости, и ему лучше придерживаться его. Мне странно думать, что мы с мамой теперь можем довериться другому человеку. Если рак снова вернется...

Нет, я не хочу думать об этом. Особенно сегодня.

Мое сентиментальное настроение исчезает, когда я замечаю Зейна рядом с Тейлор. Снова. Они сидят за одни столом вместе, наклонившись друг к другу, и, кажется, ведут веселую беседу.

Ррр. Почему он должен общаться с ней? Из всех людей, присутствующих здесь, почему он не может поздороваться с дядей Ларри? Он забавный, увлекательный парень. Раньше он был водолазом! Это намного интереснее, чем тупая шлюшка — Мисс Невада!

Хотя, знаете, что? Он может изворачиваться всю ночь. Я не побегу туда, как ревнивая девушка. Мне все равно.

Я решаю, что свежий воздух поможет охладить мой пыл. Я не хочу идти через сады, там слишкомлюдно, поэтому я выхожу на улицу через главный вход.

Пока я иду к парковке, пытаюсь успокоиться. Зейн не делает ничего плохого.

Он милый, симпатичный парень, который наслаждается беседой с хихикающей девушкой, в то время как она, раздевает его глазами. И, сказала бы я, что он поощряет это, флиртуя с ней в ответ? Нет, не ему в лицо.

Ох! Я не могу больше! Как будто попала в круговорот ревности. Но я ничего не могу поделать со своими чувствами.

Возможно... ничего не выйдет. Между нами. Очевидно, что я не могу доверять ему, поэтому... нам лучше снова стать друзьями.

Мое сердце болит от того, что я больше никогда не смогу прикоснуться к Зейну, поцеловать его. Это мучительно. Но я не могу больше жить вот так.

Я не знаю, что мне делать!

Позади меня слышатся шаги. Зейн. Я поворачиваюсь с улыбкой на лице.

Но это не он.

Красивый незнакомый блондин улыбается мне.

— Здравствуй, — говорит он. — Ты ведь дочь Лили?

Первое, что я делаю, — это оглядываюсь вокруг, чтобы понять, нахожусь ли я недалеко от людей. На парковке стоит группа разговаривающих между собой рабочих, также неподалеку от здания слоняется несколько человек. Мои плечи слегка расслабляются.

— Да, — отвечаю я, вежливо улыбаясь. Я совершенно не настроена на измену сегодня.

— Меня зовут Шон. Я работаю с Биллом, — представляется он. — Ну, я работаю с ним на одном этаже. Вообще-то, я в другом отделении, основанном на вводе информации. Мой отец и Билл — хорошие приятели, если тебе интересно, почему меня пригласили.

Почему ты мне рассказываешь это?

— Мило, — бормочу я себе под нос.

Мне не нравится, что его взгляд продолжает блуждать по моему телу, поэтому я начинаю отступать к зданию.

— Я не расслышал твое имя, — говорит Шон, подходя ближе ко мне и преграждая путь к отступлению.

— Виолетт. — Возможно, если я буду давать односложные ответы, то он поймет намеки и уйдет.

— Виолетт, — повторяет он. — Красивое имя. Могу я сказать тебе... что я смотрел на тебя весь вечер. Ты такая красивая, а твое тело просто невероятно.

Ну, ладно. Я начинаю уходить, но он следует за мной по пятам.

— Эй, ты куда? — он тянется, чтобы схватить меня за руку, останавливая меня. — В чем дело? Не умеешь принимать комплименты?

Я смотрю на него, отталкивая его руки от себя.

— Комплименты умею, а вот раздевание глазами — нет.

Он посмеивается, как будто не замечая моих прожигающих взглядов.

— Ох, не будь такой, детка. Я бы хотел пригласить тебя когда-нибудь на свидание. Возможно, я бы купил тебе все, что ты пожелаешь.

Серьезно.

— Я — семнадцатилетняя девушка, — огрызаюсь я. — А не проститутка.

Глаза Шона расширяются от удивления.

— Тебе семнадцать? Ого, ты выглядишь взрослее. Должно быть, это заслуга твоего невероятно сексуального тела.

Его взгляд ползает по мне сверху вниз.

— Фу. — Дрожу я от отвращения. — Послушай, уходи. Тебе лучше не загонять меня в угол в темном переулке. Вокруг полно народу, и большинство из них мои родственники. Если ты предпримешь хоть какие-то действия в мою сторону, я ударю тебя по яйцам и позову на помощь.

Шон не обращает на меня внимания.

— О, да, я заставлю тебя кричать, маленькая сучка...

Я ненавижу, когда извращенцы обращаются со мной вот так. И к тому же он пытается схватить меня за грудь!

Но у него не получается. Шона яростно оттаскивают назад за ворот рубашки.

Знаете, что было бы круто? Если бы это была моя бабуля, схватившая извращенца, как червяка на крючке.

Но это не она. Это Зейн. Конечно же, это Зейн.

Кажется, хватка Зейна стала еще сильнее, судя по цвету лица Шона.

— Как ты разговаривал с ней? — спрашивает он смертельно спокойным голосом.

— Извини! П-прости! — задыхается Шон, пытаюсь освободиться.

Зейн смотрит на меня, подняв брови, и молча спрашивает, принимаю ли я его извинения.

Я угрюмо пожимаю плечами.

— Радуйся, что он пришел один, — в ужасе бормочу я.

На мгновение кажется, что Зейн не отпустит Шона. Кажется, он все еще раздумывает, пока в движениях извращенца не появляется паника. Задыхающиеся звуки раздаются в ночи. Люди направляются в нашу сторону.

Наконец, Зейн снова обретает контроль над собой. Он отпускает Шона, а затем с силой толкает его и тот падает на колени.

— Не смей смотреть на нее больше, — глухо говорит он.

Я наблюдаю за тем, как Шон отползает назад, как таракан. Боже, хотела бы я сказать что-нибудь парню, заставив его при этом чувствовать себя дешевкой и придурком, как это сделал он со мной. Но любое оскорбление, которое я скажу ему, только возбудит его. Тупые извращенцы.

— Тебя нельзя оставить ни на минуту, — Говорит с усмешкой Зейн. — Ты в порядке?

— Нормально, — отвечаю я быстро. — Все под контролем. Ты можешь идти и дальше веселиться с Тейлор.

Зейн поднимает глаза в темное небо.

— Только не это, — стонет он.

— Только не что? — огрызаюсь я. — Если хочешь каждый раз тусоваться с моей кузиной, когда я отворачиваюсь, то вперед! Я лучше пойду на улицу, займусь своими делами.

— Ага, займешься своими делами, которые включают в себя лапанье тебя каким-то мудаком?

— Конечно же! — выкрикиваю я, взмахивая руками.

Зейн качает головой. Почему он выглядит так, как будто хочет рассмеяться?

— Мы не будем снова этим заниматься, — повторяет он устало.

— Да, не будем! Так что возвращайся к своей девушке и флиртуй с ней, мне все равно.

— Виолетт, — вздыхает он. — Что мне нужно сделать, чтобы убедить тебя, что я не изменяю тебе?

Я провожу рукой по своим волосам.

— Не знаю! Каждый раз, когда я отворачиваюсь, ты разговариваешь с какой-нибудь девушкой. И они всегда симпатичные. Почему бы им не быть всегда толстыми? Действительно толстыми?

Зейн только смеется.

— Разговаривать — не значит изменять. Ты ведь это знаешь, так?

— Скажи это моему отцу и Мэтту, — говорю я с горечью.

— Но я не они. Я не изменяю. Понятно? — он наклоняется, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Но ты что-то скрываешь, — шепчу я.

— Это не то, что ты думаешь. Я расскажу тебе все, но не...

— Но не сейчас. — Я поворачиваюсь к нему спиной. — Вот почему я не могу доверять тебе.

Зейн молчит с мгновение.

— Так что ты хочешь делать? — наконец, спрашивает он.

— Я не хочу ссориться, — говорю я.

— Что ты хочешь делать? — повторяет он.

Я прислоняюсь к нему. Его руки обнимают меня за талию, притягивая к теплу своего тела.

— Я хочу узнать, насколько мягкая твоя кровать, — говорю я тихо.

— Пошли.

Зейн берет меня за руку, и мы практически бежим в сторону парковки. Пока мы ждем, когда подгонят его машину, слышатся отвратительные крики.

Я достаю свой телефон из потайного кармана платья и нехотя отвечаю.

— Мам?

— Пожалуйста, скажи, что ты где-то поблизости, — говорит она быстро. — Прабабушка Фрэнсис бросается едой, и только ты можешь успокоить ее.

Я оглядываюсь на Зейна. Он пристально наблюдает за мной.

— Сейчас буду, — стону я.

— Быстрее, Виолетт!

— Чрезвычайное происшествие с прабабулей, — говорю я ему, после того, как кладу трубку. — Она сходит с ума, а я единственная, кого она слушается.

Зейн роняет голову на грудь.

— Когда мы наконец займемся любовью, я не переживу этого, — бормочет он, глядя вниз на землю.

— Я, э-э, поговорю с тобой позже?

Я подхожу, чтобы поцеловать его, но он быстро отходит назад.

— Нет. Не прикасайся ко мне сейчас.

— Что? Почему это? — я хмурюсь.

Небольшая самоуничижительная улыбка играет на его прекрасных губах.

— Поверь мне, это ничем хорошим не закончится. Я позвоню тебе позже, хорошо?

И тут волшебным образом появляется машина Зейна. Парковщик выпрыгивает с водительского сиденья, выглядя радостным из-за того, что побывал за рулем такой крутой машины.

— Хорошо, — говорю я ошеломленным голосом. Я не знаю, куда деть руки, поэтому просто неловко размахиваю ими. — Увидимся позже?

Он останавливается, чтобы посмотреть на меня, прежде чем сесть в свой «астон мартин».

— Разумеется!

Почему это происходит? Я смотрю на небеса в поисках ответа, и знаете, что я получаю в ответ?

Каплю, попавшую мне в глаз.

Но настоящее испытание меня ждет в бальном зале, где прабабушка уже разделась практически догола. Она говорит, что наступило время принимать ванну.

Ого. Вид обнаженной старушки напрочь отбивает любое желание. Очень хорошо.

У меня, наверное, никогда не будет секса.

Глава 25.

В следующий раз, встречаясь с Деймоном в школе, я бросаю на него злой взгляд. Он виновато смотрит в сторону. Это подтверждает мои подозрения о его причастности к появлению ребенка у Лорен.

— Поступай правильно, — бормочу я ему, когда мы пересекаемся в коридоре.

Он смотрит на меня широко открытыми глазами, а затем поспешно уходит.

Серьезно, Лорен, как ты могла спутаться с ним? Он милый, но кроме симпатичной мордашки ему больше нечем похвастаться.

Итак, я снова решила вернуться к своему творчеству. Я обновляю все свои страницы в интернете, как можно больше отвечая на вопросы поклонников, и сижу за компьютером, ожидая, когда же меня посетит муза.

Ничего не приходит на ум. Я не смогла предвидеть, как мне сложно будет вернуться в мир своих персонажей после стольких месяцев, во время которых я совершенно забыла о них.

Я все еще продолжаю отвлекаться. В то время, когда я должна думать о сюжетной линии, я сижу в интернете и смотрю смешные видео с котами. Потом мама зовет меня вниз, чтобы я помогла ей с рождественскими украшениями.

Блин, Рождество! Что мне подарить всем? Я все еще не придумала, что я подарю Зейну. Однажды мы блуждали с ним вместе по художественной галерее маленького городка, и Зейн указал на изысканную скульптуру в виде красивой русалки, сидящей на скале. Он вспомнил, что она напоминает ему об одной картине, которая ему так нравилась в детстве. Он даже пошутил, что эта русалка похожа на меня.

На следующий день я вернулась в тот городок и купила ему эту скульптуру. Не знаю, понравится ли ему мой подарок. Я также купила ему маленькую модель двигателя Стирлинга, хотя насчет него я тоже сомневаюсь. Богатым людям очень сложно угодить.

Ох, в такой день очень сложно начинать писать. Лучше сделаю я это завтра.

— Ну, давай уже покончим с этим.

— Как ты могла скрыть это от меня? Когда все началось? Было больно? Не могу поверить, что ты сделала это раньше меня! Где это произошло?

Мне приходится остановиться, чтобы перевести дух. Лорен просто смотрит на меня устало. Сомневаюсь, что она ответит на все интересующие меня вопросы, но мне так хочется узнать обо всем. Я подавляла их до сих пор, не желая добавлять ей переживаний.

Под глазами Лорен темные круги. Ее пока еще не стошнило, но она выглядит измученной.

— Я уже говорила тебе, что расскажу все после того, как поговорю с отцом ребенка. Прости, Ви. Все так сложно.

Все, на что я способна, — это сочувственно кивать. Любой человек может заметить смущение Лорен из-за того, что она сидит в приемной женской консультации, ожидая, когда ее беременность будет подтверждена на бумаге, и она сможет обратиться за государственной помощью. Гордость чуть не заставила ее отказаться от пособия, но я вынуждена была напомнить ей, что, в первую очередь, это нужно для ребенка.

— Было больно, — говорит она внезапно, как гром среди ясного неба. — В самом начале. Но затем все прошло. Это было... Сначала я думала, что буду сожалеть, но затем я почувствовала, не знаю, что хочу снова заняться этим.

На мгновение я теряю дар речи. Это Лорен. Ей даже не нравится, когда люди проходят мимо нее в коридорах. Она превратилась в нимфоманку прямо у меня на глазах?

— Ты любишь его? — выпаливаю я.

Лорен, кажется, сильно удивляется, как будто раньше она никогда не думала об этом.

— Не знаю, — признается она спокойно, глядя на свои руки, лежащие на коленях. — Это, возможно, странно прозвучит, но все зависит от его реакции.

Я хмурюсь, вспоминая трусливое поведение Деймона.

— Ему бы лучше отреагировать правильно. В противном случае, я прибью его. Нашлю на него весь гнев Толстой Виолетт.

От моих слов она негромко хихикает.

— Спасибо, Ви.

— Я серьезно, Лорен. — Я смотрю ей в глаза. — Ему бы лучше вести себя с тобой правильно.

Она лишь пожимает плечами и неловко ерзает на своем пластиковом стуле.

С мгновение мы молчим. Кто-то зовет: «Сидни!», и испуганная девушка, должно быть, одного с близняшками возраста, встает вместе с хмурой женщиной. Парочка проходит в кабинет с мрачными выражениями лиц.

— Виолетт? — говорит вдруг Лорен, привлекая мое внимание.

— Да?

— Ты говорила с Зейном о ... ты говорила о том, что он был с многими девушками...?

Я кривлюсь от воспоминаний, но я знаю, к чему она ведет.

— Он регулярно проверяется, также он всегда использует презервативы. Мы разговаривали об этом раньше, когда он спросил меня, собираюсь ли я принимать таблетки.

— И ты собираешься это сделать?

— Я знаю, что должна, но... фу... это так неловко!

Лорен многозначительно оглядывается.

— Более неловко, чем это?

— Наверное, ты права.

Затем ее вызывают. Я пытаюсь зайти с ней, но она говорит мне, что мне незачем наблюдать за тем, как она писает. Так что я сажусь обратно на свое место, погружаясь в собственные мысли.

Я хочу думать о Лорен и об ее затруднительном положении, но мои мысли продолжают возвращаться к Зейну.

Нужно ли нам повременить с сексом? Мы столько раз были близки к этому, но нас все время что-то жестоко прерывало.

Возможно, это знак, что я еще не готова?

В физическом смысле я, конечно же, готова. Мне достаточно только подумать о Зейне, заглянуть в его прекрасные карие глаза... и я сделаю все, что он попросит.

Возможно, в этом и вся проблема.

Блин, почему все должно быть настолько запутанным? Это ведь всего лишь секс? Много людей занимается им, и все в порядке.

Ну, да.

Глава 26.

Утро субботы.

Прошло только несколько часов с начала моего рабочего дня, когда Генри (ростом метр восемьдесят и весом восемьдесят два килограмма), поскользнулся на выходе из душа и упал на меня.

Я раздавлена. Я едва могу достать свою рацию, чтобы позвать на помощь. Тем временем, Генри пытается подняться на ноги, используя мою шею. Уверена, что даже Хейлиз слышит мои крики.

— Я в порядке, — говорю я Эми уже в третий раз.

Она держит мою руку, осторожно двигая ею. Я немного морщусь, когда она поворачивает ее влево.

— Я все равно хочу, чтобы ты взяла выходной, — говорит она. — Отдохни немного, прими горячий душ. Не думаю, что у тебя останутся синяки.

Я качаю головой.

— Правда, я в порядке. Я даже могу отработать до конца свою смену.

— Джоди уже едет, и она спросила, понадобится ли она завтра. Ей позарез нужна дополнительная работа, так как Рождество на носу. — Эми улыбается и гладит меня по плечу. — Кроме того, ты выглядишь уставшей. Успокойся.

— Хорошо, — соглашаюсь я неохотно. — Мне подать отчет об инциденте, прежде чем я уйду?

— Ох, да. Я сделаю это вместо тебя.

Я поднимаюсь наверх, к Хейлиз, чтобы попрощаться с ней. Когда я рассказываю ей, что произошло, она поражает меня своим безудержным смехом. Не вижу ничего смешного в том, что старый голый мужчина упал и чуть не раздавил ее любимый цветок.

У этой женщины странное чувство юмора.

Я сажусь в машину и пишу Зейну:

Я: Я пострадала на работе.

Зейн: Ты порядке? Что произошло?

Я: Старик упал на меня. Я в порядке. Хорошие новости: мне дали три дня выходных, а в понедельник еще и нет занятий в школе!

Он не отвечает мне, так что я завожу машину и направляюсь домой. Минуту спустя, мой телефон звонит, оповещая о пришедшем сообщении. Я проверяю его, стоя на светофоре.

Зейн: Я заеду за тобой сейчас. Планируй остаться у меня на эти дни.

Мое сердце взволнованно стучит в груди. Он хочет, чтобы я осталась у него! Да, черт возьми!

По дороге домой, я придумываю подходящую ложь, которую скажу маме. Она суетится вокруг меня, заставляя лечь в постель, после того, как я рассказала ей о том, что произошло на работе, и почему я так рано вернулась домой. Затем я говорю ей о том, что проведу эти выходные с Рейчел (да, именно с той самой Рейчел) и ее семьей в Лос-Анджелесе, а она настаивает на том, что мне лучше остаться дома, но я сопротивляюсь.

Чувствую себя просто ужасно из-за этого. Я уверяю ее, что со мной все хорошо, что мне очень хочется поехать. После этого она соглашается и говорит, что я должна проводить Зейна, пока буду там. Едва сдержалась от истерического смеха.

Я собираюсь с завидной скоростью, бросая свое лучшее нижнее белье и любимую одежду в сумку. Затем я принимаю долгий и тщательный душ. Возможно, сегодня все произойдет! Я тщательно проверяю, в порядке ли все мои бритвенные дела.

Когда я убеждаюсь в собственной гладкости и шелковистости, вылезаю из душа и надеваю смелое фиолетовое белье, которое мне купил Зейн.

Я даже не примеряла его раньше, но могу сказать, что оно классно смотрится на мне. Сверху я натягиваю розовую гавайскую рубашку и свои лучшие джинсы, а затем уже крашусь.

Я пишу Зейну, чтобы он встретил меня дома у Лорен. Он отвечает мне, что в двадцати минутах езды. Ох, должно быть, он гонит, как сумасшедший. Наверное, он бы даже сбил меня, не заметив. Я прячу свой браслет в карман пиджака, чтобы надеть его, когда выйду из дома, хватаю сумку и лечу вниз по ступенькам.

Мне едва хватает времени на то, чтобы рассказать все Лорен, когда слышится стук в дверь. Качая головой, она открывает дверь Зейну, который выглядит ужасно

сексуальным и опасным в своей черной кожаной куртке и потертых джинсах. Его глаза встречаются с моими, и от того жара, что тлеет в них, мне хочется выйти проветриться.

Он кивает Лорен, а затем оглядывается на меня.

— Готова? — спрашивает он, выгибая бровь.

— Да, я... — я отрываю от него напряженный взгляд и поворачиваюсь к Лорен.
— Можешь пользоваться машиной, когда пожелаешь, и звони в любое время.

Лорен улыбается мне.

— Спасибо. Будь осторожна, хорошо?

— Буду.

Зейн берет мою сумку, и мы прощаемся с Лорен. Затем мы выходим за дверь и направляемся к его машине быстрым шагом.

На этот раз это грузовик — большой, блестящий и черный.

— Я не хотел тратить время на то, чтобы возвращаться за машиной, — говорит он, открывая для меня дверь. — Надеюсь, ты не против?

Кабина грузовика просторна и роскошна.

— Нет, — отвечаю я, благодарно улыбаясь ему, когда он помогает мне забраться в салон.

Он бросает мою сумку на заднее сиденье, а потом садится сам. С мгновение он просто сидит, глядя на руль.

— Ты в порядке? — наконец спрашивает он, заводя грузовик. — Ты не сильно пострадала?

Я кривлюсь.

— Не, ерунда.

Я рассказываю ему о том, как Генри принимал душ, и обо всем ужасе происходящего.

Зейн косится на меня, уголок его рта искривлен.

— Подожди, он что, когда падал на тебя, был голым?

Я оглядываюсь на него, слыша задор в его голосе.

— Кто же выходит из душа одетым? И это не смешно!

— Вообще не смешно, — торжественно соглашается Зейн, качая головой.

— Только незрелая задница будет смеяться над этим. — Ну, и Хейлиз.

— О, да. Законченный козел. — Он сверкает передо мной яркой белозубой улыбкой.

Я не могу остановить хихиканье. Никто же не пострадал, так что могу посмеяться над тем, как я оказалась под голым пожилым джентльменом.

Ага, эта ситуация была совершенно не травматичной.

— У меня есть для тебя сюрприз, — говорит Зейн. Он кивает в сторону приборной панели. — Нажми вон ту кнопку.

Там в прямом смысле находится сто кнопок. Я нажимаю на одну и мне в лицо дует холодный поток воздуха.

— Не эту, — смеется Зейн, нажимая другую кнопку.

Музыка в цыганском стиле вдруг заполняет кабину. Я поворачиваю голову, чтобы взглянуть на него.

— Это McPigs?

— Ага. Их новый альбом.

У меня отвисает челюсть.

— Но он ведь еще даже не вышел!

Зейн скромно пожимает плечами.

— Я знаю парня, который знает другого парня.

Я скидываю брови.

— Ты точно не скачал его незаконно?

— Кто, я?— Его глаза невинно расширяются. Затем он смеется. — Нет, малышка, этот альбом не был получен нелегально.

Вообще-то, мне все равно, где он добыл этот альбом. Я не могу поверить, что он добыл его для меня! Я не могу перестать улыбаться, в то время как McPigs поют/кричат о встрече с Джоном Ленноном.

Когда заканчивается песня, Зейн убавляет звук.

— Эй, Виолетт? Я хочу, чтобы ты знала, то, что ты остаешься у меня на пару дней, вовсе не значит, что я чего-то жду от тебя. Ты понимаешь, о чем я говорю? Мы не должны заниматься тем, чего ты не хочешь.

Я лишь смотрю вперед, слегка улыбаясь.

— Тогда, как ты сможешь увидеть меня в фиолетовом белье, которое ты мне купил?

Полная тишина, а затем:

— Оно на тебе сейчас?

— Ага.

Зейн ругается себе под нос, и грузовик внезапно ускоряется. Я задыхаюсь и хватаюсь за приборную панель.

Нервно смеясь, я смотрю на него.

— Ты сегодня в нетерпеливом настроении?

— Я был терпеливым, — рычит он. — Продолжай вот так меня дразнить, и я съеду на обочину. Ты узнаешь, как мало терпения у меня осталось.

Его грубый голос волнует меня еще больше, подталкивая на опасную территорию.

— Я могла бы позволить тебе подглядеть, — говорю я, дергая подол своей рубашки.

Зейн снова ругается и крепко сжимает обеими руками руль.

— Ох, дорогая, ты доиграешься.

— Правда? Наконец-то.

Он качает головой, и, к моему облегчению, начинает смеяться.

— Почему бы тебе не побыть хорошей девочкой и не вздремнуть? Перестань мучить меня.

— Думаю, я все-таки посплю немного, — бормочу я, устраиваясь поудобнее на своем месте.

— Сладких снов, Виолетт, — говорит он тихо, когда закрываются мои глаза.

— Я буду мечтать о тебе, и эти сны будут сладкими,— шепчу я сонно.

Глава 27.

Некоторое время я не могла заснуть, но теперь вдруг дремота охватила меня. Находясь в комфортном грузовике Зейна, чувствуя себя защищенной, я впадаю в глубокий сон.

Когда я, наконец, просыпаюсь, мы подъезжаем к отелю, который выглядит очень богато, а оформлен в виде средневекового замка.

— Где мы? — спрашиваю я Зейна сонным голосом. — Я думала, мы поедем к тебе домой?

— Мне захотелось удивить тебя. — Он улыбается мне.

Я загипнотизирована красочным гигантским фонтаном, находящимся перед отелем. Затем я взволнованно вздыхаю.

— Это же Марви Маркус и принцесса Пиппи! Мы в Сказочном Замке?!

— Где каждая девочка — принцесса, а мальчик — пират.

Я взволнованно подпрыгиваю на своем месте.

— Зейн! Спасибо! Я и представить не могла, что ты привезешь меня сюда!

— Будет весело, — говорит он смело. Он практически убедил меня.

Камердинер, переодетый в пирата, забирает грузовик, и сразу же перед нами возникает другой парень, который пытается забрать сумки у нас из рук. Но так как у нас только две сумки, Зейн несет их сам. Пока он регистрирует нас, я восхищаюсь обстановкой холла, которая декорирована в стиле эпохи Возрождения. Потолок кажется мерцающим шедевром, ангельские персонажи Сказочного Замка резвятся в сумеречном небе.

— Пентхауз уже забронировали, но мне удалось достать для нас люкс, — говорит Зейн, подходя ко мне. — Ты не против?

Я обнимаю его за талию, прижимаясь к нему.

— Все отлично, — бормочу я ему в грудь.

Большинство людей раздражала бы рождественская музыка, играющая в лифте, но мне нравится. Я с энтузиазмом рассматриваю замысловатые замки, выгравированные на дверях лифта, а Зейн просто улыбается мне.

Он ведет себя ужасно тихо, не отрывая от меня взгляда все это время. Я не настолько наивна, я знаю, как выглядят парни, когда думают о сексе. Он наблюдает за мной, как хищник за своей добычей, прежде чем наброситься на нее. И это странное напряжение возвращается, я чувствую, как из-за него потрескивает воздух между нами, и я вижу, как напряженно застыл Зейн.

Я стараюсь изо всех сил игнорировать это, списывая свое нервное поведение на волнение от того, что я нахожусь здесь. Я случайно врезаюсь в него, когда мы выходим из лифта, и отскакиваю назад, словно обожглась. Зейн протягивает руку, чтобы поддержать меня, на его прекрасном лице играет сексуальная усмешка.

Номер люкс до невозможности огромен и красив. Декор совмещает стили старой таверны и дворца султана. Возможно, это звучит странно, но смотрится отлично. Мне нравятся темные блестящие деревянные полы и экзотические ковры, и элегантная мебель в жемчужных тонах.

В просторной гостиной повсюду есть окна, раздвижные стеклянные двери, ведущие на балкон с невероятным видом на парк развлечений. Я не устаю любоваться видом. Я хочу увидеть спальни, их ведь больше одной?

Вот и они. Главная спальня с гигантской пушистой кроватью и примыкающей ванной комнатой, в которой есть гидромассажная ванна. В другой спальне находятся

две кровати, а в другой ванной комнате есть стеклянный душ, достаточно большой, чтобы вместить трех тощих людей. И достаточно большой для нас с Зейном. Мое лицо становится красным, когда я представляю нас там, занимающихся вещами, далекими от мытья.

Мы будем ночевать в разных комнатах? Сейчас это кажется довольно глупым решением. Зейн приносит обе наши сумки в главную спальню и ставит их на кровать. Он с интересом наблюдает за мной, пока я осматриваюсь вокруг, инспектируя каждую деталь нашего роскошного номера.

Теперь я стою перед ним возле кровати, мы оба молчим и напряжены. Мы смотрим друг на друга, как будто затерявшись во сне. Почему я вдруг чувствую себя такой застенчивой и неуверенной рядом с ним, когда несколько часов назад готова была запрыгнуть на него?

Давай же, Виолетт, сделай шаг! Это естественный шаг в наших отношениях, который давно уже приближался. Мы ведь занимались раньше другими интимными... вещами.

Ах, мне не нужно было думать об этом... теперь я краснею!

— О чем ты думаешь?

Голос Зейна пугает меня. Пока он изучает выражение моего лица, на его губах блуждает полуулыбка.

— Ни о чем, — заикаюсь я, краснея еще сильнее.

— Да? Так почему ты краснеешь?

— Не знаю!

Зейн садится на край кровати и манит меня к себе.

— Иди сюда.

Я подхожу к нему, и он притягивает меня к себе на колени. Когда я обнимаю его за шею, поглощая часть его тепла и силы, то чувствую себя раскованней.

— Ты снова себя накручиваешь, — говорит он, положив руки мне на бедра. — Просто успокойся, хорошо? Я на тебя не давлю.

Я делаю глубокий вдох, чувствуя его знакомый сексуальный аромат.

— Я знаю. Но разве ты не хочешь...?

Одна рука, раньше лежавшая у меня на бедре, гладит меня по спине вверх и вниз, лишая напряженности.

— Давай, сначала поедим или погуляем по парку. Хорошо?

Я не могу остановить благодарную улыбку, появляющуюся у меня на лице.

— Да! Я проголодалась.

Я спрыгиваю с его колен. Зейн тихонько вздыхает и проводит рукой по лицу. Импульсивно, я делаю шаг в его сторону, вставая между его ног и кладу руки ему на плечи.

— Спасибо за терпение, — говорю я, глядя ему в глаза.

— Ты не должна благодарить меня за это.

— Должна. И за это тоже спасибо. — Я оглядываюсь вокруг.

Зейн притягивает меня ближе, обнимая за талию.

— Все для тебя.

Я наклоняюсь вперед, чтобы чмокнуть его в губы. Но как только мои губы соприкасаются с его, дикая жажда наполняет меня. Поцелуй подавляет все мои

сомнения и голос разума в моей голове, взяв в плен мое тело. Мои руки обнимают лицо Зейна в то время, как углубляется поцелуй, и все выходит из-под контроля.

Он отвечает, агрессивно поднимая меня и сажая к себе на колени.

Прекрасное, болезненное тепло наполняет мои внутренности в то время, как снаружи я вся дрожу. Я отчаянно, до сумасшествия хочу быть ближе к нему. Я срываю с него рубашку и поднимаю руки, чтобы он так же поступил со мной.

Затем я толкаю его на кровать и ложусь на него.

Я чувствую безумное желание, но... я не знаю, что мне делать! Моя неопытность делает меня неуклюжей, когда я хочу быть смелой, когда мне нужно... ох, я не знаю, чего хочу!

К счастью, Зейн берет всю инициативу на себя. Он перекачивает нас, так что теперь он сверху, контролирует поцелуй. Я беспокоюсь извиваясь под ним, мои пальцы расстегивают его джинсы.

То ли смех, то ли стон вырывается из уст Зейна, когда он хватается за руки и заводя меня их за голову.

— Прекрати, Виолетт, — говорит он, задыхаясь. — Нам нужно притормозить или я сделаю тебе больно.

— Плевать, — говорю я ему безрассудно. — Я хочу тебя.

— Черт, — бормочет он, на мгновение закрывая глаза. Когда он снова открывает их, его взгляд прожигает меня. — Нет. Между все нами произойдет мило и медленно, даже если это убьет меня.

Разве он не понимает, что это я умираю? Я замираю под ним.

— Нет, Зейн, — я чуть ли не всхлипываю. — Я не могу ждать ни секунды.

— Черт возьми, Виолетт, — ругается он. Измученное выражение его лица нажимает на все мои правильные кнопки.

— Я буду должен тебе новое белье, — рычит он.

— Почему?

— Потому что я сорву его с тебя.

О, да!

Глава 28.

То, что происходит дальше... потрясающе, я не знаю, как еще описать это. Это даже приблизительно не похоже на то, как я представляла свой первый раз. Я ожидала горькую песню о любви, комнату, наполненную свечами и тихими вздохами.

Но между нами с Зейном происходит все по-другому. Возможно потому, что напряжение нарастало между нами слишком долго, или потому, что мы были связаны, я не знаю. Вместо нежного дождя, стучащего в окно, я получила прекрасный дикий ураган. Вместо любовной песни, я получила тяжелый рок — кричащий концерт посреди шторма, с бьющими басами и дикими танцами под дождем и в грязи. Боль, смешанная с огромным удовольствием, делает мой первый раз еще прекраснее.

Это не могло быть более совершенным и более правильным.

Я перекачиваюсь на бок, морщась от небольшой боли. Зейн сразу же поворачивается ко мне, выглядя обеспокоенным.

— Ты в порядке?

— О, да, — улыбаюсь я ему, немного легкомысленно от переполняющих меня эмоций.

Зейн неохотно смеется. Он проводит рукой по лицу.

— Черт возьми, я никогда не был настолько груб, даже с теми девушкам, которые могли выдержать подобное. С тобой же... я потерял контроль. — Он тянется ко мне и заправляет прядь моих волос. — Извини.

Я опираюсь на локоть и всматриваюсь в него.

— Подожди. Ты признаешь, что секс со мной отличается от секса с любой другой девушкой, и что все было настолько классно, что ты потерял контроль. И ты извиняешься за это? Чувак.

Зейн смотрит в потолок.

— Я создал монстра, — бормочет он.

Я самодовольно хихикаю, хлопая его по руке.

— Неплохо для девственницы, да? Итак, я лучшее, что было в твоей жизни?

Он ухмыляется мне, выдергивая простыню из моей крепкой хватки.

— Да, Виолетт Марсер, ты — богиня секса. Ты лучшее, что у меня было. Я думал, что оглохну на какое-то время.

Я смущаюсь, но, смеясь, пытаюсь забрать свою простыню назад.

— Это из-за моего сексуального тела?

Зейн вдруг перекатывается так, что теперь он полулежит на мне. Он ласкает мое лицо одной рукой.

— Из-за этого. — Он наклоняет голову и накрывает мой рот своим. — И этого. — Он перемещает свою руку мне на сердце. — Этого, — шепчет он. Затем его руки сдвигается ниже по моему животу и еще ниже.

Я задыхаюсь, не в состоянии отвести от него взгляда. Невысказанные слова повисают между нами. Он прикасается своим лбом к моему, и мы лежим вот так в течение драгоценной минуты.

— Чем ты теперь хочешь заняться? — спрашивает он лениво, разрывая чары. — Мы можем пойти прогуляться по парку и перекусить там.

Я пробегаю руками вверх и вниз по его гладкой груди.

— Или, — говорю я, — мы могли бы поесть здесь, а погулять пойти попозже.

Зейн посмеивается тихо и сексуально.

— Мне нравится ход твоих мыслей. Вот, что я предлагаю, почему бы мне не пойти и не набрать тебе горячую ванну, затем я быстро приму душ, а после мы закажем еду? Что ты хочешь?

— Мясо, — говорю я быстро. — Ты знаешь, что я люблю. И я бы лучше приняла душ.

— Поверь мне. Ты почувствуешь себя лучше после ванны.

Я хмурюсь, глядя ему в спину, когда он поднимается и исчезает в ванной комнате. Спустя минуту, я слышу звук льющейся воды.

Зачем мне нужна ванна? Мое тело не так уж сильно и болит. Зейн просто чрезмерно осторожничает. Это мило.

Затем я пытаюсь подняться, ладно, это больно. Оборачивая простыню вокруг себя, я хватаю одежду из своей сумки и осторожно ковыляю в ванну. Зейн что-то говорит мне, но я слишком отвлечена его невероятным телом, чтобы обращать на его слова внимание. Он лишь смеется и качает головой.

После того, как он помогает мне забраться в ванну, сам направляется в душ в другой спальне. Я опираюсь головой о небольшой выступ и закрываю глаза, вздыхая от удовольствия.

Не знаю, откуда берутся слезы, но как только я начинаю плакать, то уже не могу остановиться. Я тихонько рыдаю себе в ладони, даже не зная, почему это делаю. У меня только что был самый потрясающий опыт в моей жизни, так почему я чувствую себя вот так?

Как я себя чувствую? Точно не счастливой. Восторженно несчастной? Радость, смешанная с болью? Я не могу объяснить этого. Я чувствую себя так, как будто парю в облаках, но это ощущение дорогого стоит.

Я влюблена в Зейна, я прекрасно это понимаю. Как и то, что не смогу удержать его. Расстояние и моя неуверенность... это всего лишь вопрос времени, когда мы расстанемся. Когда он устанет от меня? Он никогда не признавался мне в любви, не разговаривал о нашем будущем. Он ничем мне не обязан. Он не должен любить меня в ответ. Неважно, как мне от этого больно...

Пофиг. Я постараюсь удержать Зейна, как можно дольше. Я хочу жить мгновением. Без сожалений.

В этом ведь секрет жизни?

Зейн входит, неся для меня обезболивающее и стакан воды, и говорит, что еду принесут через двадцать минут. Я упоминала, как отлично он выглядит после душа? Его мокрые волосы выглядят практически черными, а от его кожи исходит запах чистоты.

Он одет в черные тренировочные штаны, которые болтаются на его бедрах, он все еще без рубашки. Ему нужно запретить носить рубашки и штаны...

Блин. Мне нужно сосредоточиться.

Я вылезаю из ванны, чувствуя себя бодрой и свежей. После того, как я насухо вытираюсь пушистым полотенцем, надеваю свои ярко-розовые трусики с нарисованным кроликом и зеленый шелковый халат — идеальный наряд для того, чтобы разгуливать перед своим сексуальным парнем.

Как только я выхожу из ванной комнаты, привозят нашу еду. Мы сидим на полу у окна в гостиной. Я ем огромный сочный гамбургер и жареную картошку, в то время как Зейн, ест свою здоровую фигию похожую на салат из порея и капусты. Фу.

Я умираю от голода! Уже практически три часа дня, и до этого времени я ничего не ела. Зейну наплевать, что я ем как свинья, кажется, ему нравится, что я так наслаждаюсь пищей, и слава Богу. Я не жру все подряд, как это было раньше, но я люблю поесть.

— Так я побываю у тебя дома? — спрашиваю я его после того, как делаю большой глоток воды.

Зейн сомневается, глядя в окно.

— Я думал, что покажу тебе свой дом в понедельник, прежде чем отвезти тебя домой.

— Правда? — восклицаю я взволнованно. — Было бы круто.

— Ага. — Он наигранно улыбается, но я притворяюсь, что не замечаю этого. Мог ли он быть более воодушевленным?

Я решаю сменить тему разговора.

— Итак, — говорю я, указывая на него жареной картошкой. — Что ты хочешь на Рождество?

— Тебя.

Я кривлюсь и бросаю в него свою картошку.

— Я серьезно.

— Я тоже. — Он передает мне картошку назад. — У тебя ведь рождественские каникулы на носу? Проведи их со мной.

Я начинаю смеяться, но когда замечаю совершенно серьезное выражение его лица, мой смех утихает.

— Ты, должно быть, шутишь. Моя мама никогда...

— Я поговорю с ней, — отвечает Зейн, изменяя свою расслабленную позу. — Она согласится.

Мои глаза расширяются.

— Ты собираешься рассказать ей о нас?

Он слегка усмехается.

— Ты думаешь, что она не знает?

— О том, что мы встречаемся? — я указываю на нас. — Она сойдет с ума! Она прибьет меня!

— Ты думаешь, что она ждет, что ты останешься хорошей маленькой девочкой до конца жизни? — Зейн делает большой глоток из своей бутылки. — Послушай, я обо всем позабочусь, понятно? Если ты хочешь остаться со мной, я все устрою.

Мое сердце стучит, как бешеное, когда я смотрю на него.

— Конечно, я хочу этого. Это было бы... замечательно.

Мне нравится, как озаряется лицо Зейна. Он наклоняется ко мне, его глаза темнеют.

— Ты невероятная. Иди сюда.

Я сразу же подползаю к нему. Позабыв о еде, мы начинаем целоваться. Он тянет за пояс моего халата, распахивая его. Когда Зейн смотрит вниз, он разражается смехом.

— Подожди... повернись-ка. Это же...?

Я не понимаю, о чем он говорит, но я поворачиваюсь к нему спиной. Он снимает халат с моих плеч, затем я чувствую его руку у себя на заднице.

— Это тот же кролик, — смеется он, голос его звучит удивленно.

Я разворачиваюсь, задыхаясь.

— Ты помнишь?!

— Как я мог такое забыть? Черт возьми, мне снились сны об этих трусиках.

— Какие еще сны?

Зейн грешно улыбается, похлопывая по мордочке моего кролика.

— Я покажу тебе позже.

Я вспоминаю то унижительное происшествие. Это случилось, когда Мэтт бросил меня. Я помню, что была полностью опустошена и рыдала, как идиотка. Блин, а потом врзалась в Зейна (в то время Сексуального парня) и как я была огорчена тем, что прекрасный незнакомец видел мой конфуз.

Кто мог подумать, что все обернется вот так с прекрасным незнакомцем, и что предательство Мэтта будет не более, чем далеким воспоминанием?

Качая головой, я улыбаюсь Зейну.

— Я думала, что никогда с тобой больше не увижусь.

— Если бы я не знал, что встречу с тобой снова, то попросил бы у тебя номер телефона.

— Ах, это так... подожди-ка, что? — я недоуменно смотрю на него. — Откуда ты знал, что мы увидимся еще раз?

Он откидывается назад и опирается на локти, наблюдая за мной дразнящим взглядом.

— Я узнал тебя по тем пятидесяти фотографиям прекрасной дочери, которые показала мне твоя мама, Виолетт.

— Серьезно? Блин! Почему ты молчал об этом?

— И пропустил бы это выражение на твоём лице после того, как ты узнаешь новость? — усмехается Зейн.

— Просто замечательно, — бормочу я. Я надеваю халат и завязываю пояс очень туго.

— Перестань, Виолетт, не злись. — Он берет меня за руки и притягивает к своей голой груди, так что я полулежу на нём.

Я крепче обнимаю его, кладя голову ему на плечо.

— Я не злюсь. Просто ужасно смущаюсь. Опять.

Зейн посмеивается, проводя рукой по моим волосам.

— Знаешь, — начинает он после недолгой паузы. — Я уговаривал себя держаться от тебя подальше.

Я наклоняю голову назад, чтобы посмотреть на него.

— Почему?

— Я сразу же захотел тебя, когда впервые увидел твою фотографию, — признается он. — Затем, когда я нашел тебя плачущей и застрявшей в двери... ты была такой милой и уязвимой. А потом ты появилась на моем пороге. Я не хотел сделать тебе больно, поэтому постарался держаться от тебя подальше.

Он криво улыбается мне. Я толкаю его в грудь.

— А та ночь у бассейна? Это так ты соблюдал дистанцию?

Его улыбка становится еще шире.

— А, тогда.

— Да, тогда.

— Это был эксперимент.

— Эксперимент? — повторяю я недоверчиво. — Ты шутишь?

— Эй, сейчас же все в порядке, ведь так? — Я чувствую, как подо мной трясется его тело от едва сдерживаемого смеха.

— Даже больше, чем в порядке, — признаю я. Я зеваю и сладко потягиваюсь перед ним. — Который час?

Зейн тянется к своему телефону, лежащему на столе в нескольких сантиметрах от нас. Он поднимает его и смотрит на экран.

— Тринадцать.

Я сажусь, полная энергии.

— Хочешь прогуляться по Сказочному Замку?

— Конечно, а ты? — спрашивает он лениво.

— Да, я чувствую себя замечательно! Пошли.

Зейн встает и качает головой, глядя на мой энтузиазм. Мы быстренько прибираемся, затем начинаем собираться. Я наблюдаю с головокружительным увлечением, как мой парень (!) надевает серую рубашку и джинсы. Очень жаль видеть, как такое прекрасное тело прикрывают одеждой, но рубашка с длинными рукавами дразняще обтягивает его мускулистый пресс, а его зад в этих джинсах выглядит... ммм...

Зейн ловит меня на подглядывании и бросает в меня рубашку. Затем, возвращая мне долг, он, сложив руки, смотрит на меня, пока я надеваю розовый свитер и черные штаны. Его внимание заставляет меня нервничать, поэтому я запутываюсь в свитере. И поэтому, к моей радости, ему приходится помочь мне. Возможно, мне нужно попробовать быть более сексуальной и станцевать для него стриптиз? Но я, наверное, споткнусь и окажусь в больнице с лифчиком, обернутым вокруг шеи.

Да, наверное, так и будет.

Глава 29.

Мне нравится Сказочный Замок! Он похож на тщательно продуманную ярмарку эпохи Возрождения: с прогулками на лошадях, шариками и сладкой ватой и блуждающими менестрелями¹, и... ох, чего тут только нет! Так как сейчас декабрь, старинный городской сквер украшен в рождественском стиле: новогодними елками, красочными венками, мигающими огоньками, все это радует маленьких сказочных принцесс! Посетителям предлагается возможность переодеться в разные костюмы. Проходим мимо бесчисленных сверкающих принцесс, соблазнительных девиц, лихих пиратов и... вампиров?

Серьезно?

Ладно, возможно, это покажется глупым, но я всегда хотела побывать здесь со своим парнем.

Мэтт не хотел приезжать сюда, он вообще никуда не любил ездить. Даже после того, как я рассказала ему, что приезжала сюда ребенком, а теперь мечтаю вернуться с каким-нибудь красивым парнем, за которого можно было бы держаться во время катания на опасных аттракционах или к которому можно было прислониться, стоя в длинных очередях. Я видела, что так делают другие пары, и мне это показалось таким романтичным.

Я довольна, что Мэтт постоянно отказывал мне, потому что теперь я здесь с Зейном, а что может быть более совершенным. Мы стоим в очереди на мой любимый аттракцион «Пиратская бухта», и Зейн обнимает меня своими сильными руками. А я тем временем лакоплюсь сладкой ватой! Жизнь прекрасна!

Я замечаю девушку в брекетах, наблюдающую за нами с задумчивым выражением лица. Она стоит дальше нас, кажется, вместе со своей шумной семьей. Веснушчатый мальчик тыкает в нее сзади игрушечным мечом, а она отчаянно пытается игнорировать его.

Ее взгляд встречается с моим. Я стараюсь улыбкой молча выразить мое к ней сочувствие. Но она не замечает меня, так как пялится на Зейна. Этого и следовало ожидать.

— Я обожаю сладкую вату! — Я оборачиваюсь в объятиях Зейна, улыбаясь ему.
— Единственное, что я ненавижу, так это липкие пальцы.

Я поднимаю пальцы вверх, а он берет мою руку и аккуратно облизывает каждый палец. Мои глаза затуманиваются от щекочущего ощущения, которое он вызывает у меня.

— Ммм, — говорит он, ухмыляясь. — Я обожаю твои липкие пальцы.

— Гадость, — смеюсь я, выбрасывая оставшуюся сладкую вату в урну.

Очередь продвигается вперед. Я вынуждена подтолкнуть Зейна пройти вперед. Когда я оглядываюсь на него, то вижу, что он с напряженным выражением лица пристально наблюдает за гигантским сооружением, где находится одна из самых страшных американских горок.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спрашиваю я.

— Да.

От его краткого ответа я хмурюсь.

— Нет, ты не в порядке. Крохотная мышца на твоей челюсти дергается. А это означает, что ты чем-то расстроен.

Зейн смотрит на меня.

— Нет, не значит.

— Значит.

— Не-а.

Я пристально вглядываюсь в его лицо, пока он отказывается встречаться со мной взглядом. Он побледнел под своим золотистым загаром? Думаю, что да.

— Подожди, ты что, боишься кататься на американских горках?

— Нет, — быстро отвечает он. Затем он хмурится, глядя куда-то вдаль. — Я бы не сказал, что боюсь. Я просто не люблю ту часть перед большим падением. Этот медленный подъем, ожидание... очень раздражает.

Большой и сильный Зейн О'Коннор боится американских горок? Мило!

— Не беспокойся, — уверяю его я, беря за руку. — Я сумею тебя защитить.

— Спасибо, Виолетт, — отвечает он сухо.

— Мы не обязаны туда идти, если ты не хочешь.

— Ох, не беспокойся обо мне, — усмехается Зейн. — Все не так серьезно.

Я не могу сдержатъ смех. Я отворачиваюсь, чтобы скрыть его, тогда-то я и замечаю снова девушку с брекетами.

— Тьфу, — бормочу я, снова глядя на Зейна. — Та девушка фотографирует тебя на свой телефон. Она пялилась на тебя все это время.

Зейн не утруждается даже взглянуть в ее сторону, он только слегка отворачивается.

— Не говори, что ты ревнуешь.

Я сердито смотрю на девушку.

— Конечно же, нет, но это же грубость! Она, должно быть, пишет своим подружкам: «Ох, посмотрите на этого невероятного сексуального парня, который стоит с дурнушкой». Зараза!

Он щурится.

— Ты только что назвала себя дурнушкой?

— Эта маленькая сучка, наверное, так считает. Хочешь, чтобы я подошла к ней и поговорила?

— Спокойно, тигрица. — Зейн улыбается и гладит меня по плечам. Очередь передвинулась.

Ворча, я двигаюсь вперед. Я бросаю на девушку мрачный взгляд. Испугавшись, она быстро отворачивается.

Замечательно, теперь я чувствую себя стервой. И совершенно незрелой. Что происходит со мной? Я стону про себя, вспоминая слова Хейлиз.

Береги свое сердце. Ага, как же.

Мне сейчас так весело. Зейн катается со мной на каждом аттракционе, совершенно не жалуясь. Даже, когда я заставляю его прокатиться на «Карусели для Принцесс». Я покупаю ему тупую желтую футболку с надписью «Сказочный Замок V.I.P» и заставляю надеть ее. Он лишь пожимает плечами и натягивает ее поверх рубашки, совершенно не стесняясь. И он выглядит в ней сексуально! Разумеется, когда я примеряю такую же футболку, я похожа на клоуна с большой грудью.

Мы ужинаем в Pirate Dan's. Этот ресторан расположен на большой деревянной парусной лодке в искусственном озере. Я ем лингвини¹ с моллюсками, а Зейн какой-то салат. Обстановка прекрасна: темная столовая освещена мягким светом от больших китайских фонариков, а музыка причудлива и романтична. Пираты и девицы бродят вокруг, убеждаясь, что наши стаканы всегда наполнены.

После ужина мы поднимаемся на палубу и бесконечно долго целуемся под звездами. Затем Зейн берет меня за руку и отводит обратно в отель.

После чего мы стоим на балконе, наблюдая за фейерверком. Глядя на всплески света в ночном небе, согретая теплом и безопасностью, находясь в объятиях Зейна, я, наконец, отпускаю все свои страхи и сомнения и позволяю себе быть по-настоящему счастливой.

Без сожалений.

Глава 30.

В эту ночь мы практически не спали, так что когда я, наконец, проснулась, часы показывали десять утра. Я потягиваюсь всем телом, чувствуя прекрасную боль и наполненность.

Зейн наклоняется и целует меня в голый живот.

— Хочешь принять душ вместе?

Я смеюсь и натягиваю на себя простыню.

— Нет, по отдельности. После прошлой ночи у меня побаливает тело.

— Прости,— говорит он, покаянно ухмыляясь. — Примем душ по отдельности. А затем позавтракаем. Ты не против?

Я улыбаюсь ему в ответ.

— Звучит круто.

Пока я достаю свои вещи из сумки, звонит телефон Зейна. Нахмурившись, он глядит на экран и бормочет:

— Это с работы. Мне нужно ответить.

Он выходит из комнаты, бормоча короткое приветствие в трубку.

Я не могу перестать улыбаться. Прошлая ночь была потрясающей. Если бы у меня была возможность каждое утро просыпаться рядом с Зейном, мне бы больше ничего и не нужно было.

Если однажды мы поженимся...

Заткнись, Виолетт. Прекрати мечтать, это глупо. Живи мгновением.

Качая головой, я направляюсь в ванную. Я не успеваю насладиться ванной, когда мой урчащий живот убеждает меня вылезти оттуда и одеться.

Блин, я забыла лифчик. Я оборачиваю вокруг себя полотенце, хватаю свою чистую одежду и возвращаюсь в спальню.

Убедившись, что Зейн все еще принимает душ, я сбрасываю полотенце и роюсь в своей сумке в поисках чистого лифчика.

Разве я его не взяла с собой? Зачем я взяла 15 пар трусиков?

Ох, замечательно, я свалила сумку Зейна с кровати. И она открыта, так что все его вещи рассыпаются по полу.

Я подбираю сумку и аккуратно складываю его вещи. Что-то завалилось под кровать. Похоже на какую-то рукопись. Заинтересовавшись, я поднимаю бумаги и переворачиваю их.

Хмм. Заголовок гласит: «Влюбляясь в твой призрак», а под ним приклеены две неоново-зеленые заметки. Хмурясь, я читаю первую строчку, написанную элегантным почерком:

Эйден,

роль Логана создана для тебя! Он рок-звезда, но хочет вести нормальный образ жизни, поэтому инкогнито поступает в старшую школу. Там он влюбляется в милую и умную девушку. Этот сценарий написан Дженнифер Кингсли, а продюсером будет Ноа Дикенсен! К тому же, Чаз сказал, что Элейна согласна, если и ты не против. Прочитай его и скажи мне свое мнение!

Эйден? Что за фигня? Я читаю вторую записку.

Ты был прав насчет финала и той сцены в кафетерии. Разговаривал с Дрю, и она сказала, что насчет этого можно договориться. Мы могли бы обсудить изменения, если бы ты взял свой чертов телефон! Или же ты слишком увяз в своей роли в качестве «Зейна О'Коннора» в Захолустье? Дрю нужен ответ, как можно быстрее. Пожалуйста, не отключай телефон!!

P.S. ты был прав, я вообще не узнал тебя! Ты выглядишь сексуальным с темными волосами и глазами!

У меня ужасно трясутся руки, сценарий выпадает из них и падает на мягкий ковер с негромким хлопком.

Не может быть. Этому должно быть разумное объяснение. Не может быть, чтобы Зейн был... не может быть.

Бумажник Зейна лежит прямо передо мной на комод. Я никогда не прикасалась к нему или к другим его вещам. Я подхожу к комоду, все плывет передо мной, как во сне. Я открываю бумажник после нескольких попыток.

Пачка черных кредитных карточек, на каждой из которых написано название «Crosswinds Corporation». Я нахожу его водительские права — Зейн О'Коннор. Но на фотографии прекрасная звезда — Эйден Кросс.

Я недоверчиво смотрю на фото. Раньше я не видела его права, зачем мне это? Длинноватые темно-светлые волосы, необычные голубые глаза... я видела его лицо

бесчисленно количество раз по телевидению, на обложках журналов... его фото повсюду развешаны в шкафчике Ким.

Я едва понимаю, что так он похож на Билла. Покрашенные волосы, контактные линзы... для чего все это? Подготовка к роли в кино?

Вот, что для него все это значит? Я значу? Всего лишь подготовка? Теперь все понятно. Зейн/Эйден — использовал меня. Я знала, что он что-то скрывает от меня, и как дура я не обращала внимания на это. Потому что глубоко внутри я доверяла ему.

Какая же я идиотка.

Я стою как вкопанная, пока звук отключаемого душа не приводит меня в движение. Я кладу на место бумажник Зейна и его сценарий, затем я быстро накидываю на себя одежду.

Мне нужно убираться отсюда. Я даже не хочу видеть его или находиться с ним в одной комнате. Я должна уйти.

Я собираю свои вещи, не заботясь о том, что могу что-то забыть. Где же, черт возьми, моя обувь?

Я замечаю ее под креслом. Я хватаю ее и, закидывая сумку через плечо, бегу к двери.

Как раз в это время открывается дверь в ванную комнату. Я не останавливаюсь. Я добираюсь до двери, распахиваю ее, затем осторожно прикрываю за собой. Я не хочу, чтобы он догадался о том, что я ушла раньше времени.

Мое сердце стучит ужасно быстро, я задыхаюсь, и у меня кружится голова, я вызываю лифт. Наконец-то, открывается дверь. Когда нажимаю кнопку вниз, я слышу, как меня окликают по имени.

Я поднимаю глаза, чтобы увидеть, как Зейн бежит на полной скорости, босой и без рубашки. Он приближается так быстро, что, возможно, поймает меня, прежде чем захлопнутся двери лифта. Я нажимаю кнопку снова и снова. Дверь закрывается прямо перед носом у Зейна.

Кажется, я плачу. Горячие слезы безудержно льются из моих глаз, когда я прижимаюсь к стене.

Взгляд на его лице — сбитый с толку, разочарованный, немного злой. Он не догадывается, что я уже все знаю.

Я не помню, как вышла из лифта и прошла через лобби. Все вокруг становится туманным. Вдруг я оказываюсь на пороге отеля.

Сине-белый автомобиль останавливается передо мной. Оцепеневшая, я открываю заднюю дверь и сажусь в машину.

— Я могу вам помочь?— спрашивает темноволосый водитель, поворачивая голову, чтобы взглянуть на меня.

— Мне нужно домой, в Хайден Ков.

— Леди, это не такси.

Ох. Замечательно.

— Извините, — бормочу я, быстро выскакивая из автомобиля.

В следующий раз я убеждаюсь, что на машине написано «такси», прежде чем сажусь туда.

Служба такси Рико. Замечательно. Я забираюсь на заднее сиденье крошечной белой машины.

— Мне нужно добраться до Хайден Ков. Поторопитесь, пожалуйста, — говорю я женщине пожилого возраста, сидящей за рулем.

Она хмурится, глядя на меня в зеркало заднего вида.

— Хайден Ков, говоришь? Это в двух часах езды. Не думаю...

Она замолкает, внимательнее изучая меня.

— Это будет дорого стоить, — предупреждает она.

— У меня есть деньги. Просто... поехали, пожалуйста!

Зейн появляется в дверях. Он замечает меня как раз, когда я отъезжаю.

Очень близко. Он успевает постучать в окно, прежде чем водитель такси давит на газ, и мы оставляем его далеко позади.

Я не могу сопротивляться соблазну взглянуть на него. Он стоит на дороге, тяжело дыша, наблюдая за моим отъездом.

Я отворачиваюсь, закрывая глаза. Боль в моем сердце подавляет меня.

— Это твой парень? — спрашивает пожилая леди. — Что он сделал?

— Ничего, — говорю я с закрытыми глазами. — Просто... он... не тот, кем я его считала.

— С ними всегда так, дорогая.

Я нее обращаю внимания на постоянное пиканье телефона, сообщаемое, что у меня есть пропущенные звонки. Я брожу по интернету в поисках Эйдена Кросса. Судя по фотографиям и различным сайтам, Эйден Кросс и прекрасная молодая актриса Элейна Скай являются горячей парочкой.

Боже. В одной статье приведена фотография Эйдена и Элейны, где они обнимаются и целуются, и она была сделана несколько дней назад. Меня тошнит.

Так же в интернете много его фотографий с другими красивыми девушками. В клубах, ресторанах... на красных дорожках. На одном фото он запечатлен, положив руку на задницу какой-то модели. Он сразу же появился на обложках журналов после того, как был сфотографирован с новой сексуальной короткой стрижкой. Его волосы блондинистые на всех фото, а глаза — ярко-синие.

Я пытаюсь найти Зейна, которого я знаю, на этих фотографиях знаменитого певца, но не нахожу его. Я ищу человека, которого не существует.

Мне так холодно. Все внутри у меня замерзло, и моя грудь болит. Все остальное мое тело онемело. Я не знаю... что мне теперь делать?

Я просматриваю свои сообщения, и мое сердце подскакивает, когда я вижу пятнадцать пропущенных звонков и сообщений от мамы.

Он звонил ей?

Черт! Я быстро пишу ей, давая знать, что со мной все в порядке, и я скоро буду дома. Я посылаю Лорен такое же сообщение. Она тоже писала мне миллион раз. Остальные пропущенные звонки от Зейна. Я удаляю все его сообщения, даже не взглянув на них, затем я отключаю телефон.

Оставшуюся часть поездки я смотрю в окно, ничего не замечая и отчаянно пытаюсь ничего не чувствовать.

Когда я возвращаюсь в Хайден Ков, я не знаю куда пойти. Точно не домой. Не к Лорен. Я еще не готова к разговорам. Пока, нет.

В конечно итоге, такси высаживает меня на пляже. Только здесь я могу все обдумать. Я сажусь на песок и просто наблюдаю за волнами.

Вот так я и сижу, долго. Когда я прихожу в себя, солнце садится над водой в ослепительном отражении света.

Я провожу руками по щекам и обнаруживаю, что они холодные и мокрые от слез.

Прежде чем уйти, я включаю телефон и звоню Лорен.

— Ви, где ты?! Ты в порядке?

Она в панике. Разговаривала ли она с Зейном?

Я снова начинаю плакать.

— Лорен, могу я приехать к тебе. Зейн, он...

— Он здесь, — перебивает она меня. — Он больше часа простоял в коридоре. Что произошло, Ви? Он выглядит уничтоженным.

— Нет! — решительно качаю я головой. — Я не могу... я не хочу видеть его!

Лорен вздыхает.

— Ты должна. Он сказал, что не уйдет, пока ты не поговоришь с ним лично. Если он останется, у нас будут неприятности. Ты знаешь, как домовладелец относится к подобным вещам.

Я опускаю голову в отчаянии, слезы наполняют мои глаза.

— Ладно, — говорю я в трубку. — Я приду.

Чертов Зейн. Я не хочу сейчас делать это. Я еще не готова встретиться с ним.

Эйден Кросс. Я, должно быть, сплю.

Глава 31.

С пляжа я иду к квартире Лорен. К тому времени, как я добираюсь до комплекса, я измотана физически и эмоционально. Уверена, что выгляжу ужасно. Мои глаза щиплет от слез, а волосы в беспорядке от сильного ветра.

Но мне плевать.

Я замечаю его раньше, чем он меня. Он стоит, прислонившись к стене, как раз напротив двери в квартиру Лорен, сложив руки на груди.

Лорен сказала, что он, похоже, уничтожен, и я потрясена, понимая, что она права. Лицо Зейна бледное, под его глазами темные круги. Он выглядит так же ужасно, как я себя чувствую.

Его голова резко поднимается, когда я осторожно подхожу к нему. Его глаза, кажется, не могут оторваться от моих.

— Виолетт.

Он тянется ко мне, но я отскакиваю.

— Не прикасайся ко мне!

Я собиралась огрызаться, но говорю громко и с паникой в голосе. Меня всю трясет от его вида. Он больше не тот парень, с которым мы сидели на песке и разговаривали часами на пролет. Не тот парень, с которым я провела самую прекрасную ночь в своей жизни. Он — незнакомец, невероятно популярный... лжец.

— Ты знаешь, — говорит Зейн. Его голос тихий, лишенный эмоций.

Я напряженно киваю.

— Прощай, Эйден.

Я пытаюсь пройти мимо него к двери Лорен, но он хватает меня за руку и прижимает к стене.

Наклонившись, чтобы заглянуть мне в глаза, он быстро говорит:

— Виолетт, мне так жаль, что ты обо всем узнала вот так. Я собирался рассказать тебе...

— Все нормально, — перебиваю я его, отворачиваясь. — Ты использовал меня, я все понимаю. Я должна была обо всем догадаться раньше. Между нами все кончено, уходи.

Зейн громко выдыхает в отчаянии.

— Нет, все не так. Мы с тобой... послушай, давай уйдем куда-нибудь в более уединенное место, чтобы мы смогли поговорить?

— Нет! — яростно качаю я головой. — Я никуда с тобой не пойду!

Я говорю слишком громко, и рядом с нами приоткрывает дверь миссис Джейкобс. Она обеспокоенно наблюдает за нами через щель.

— Ты в порядке, Виолетт? — зовет она.

Зейн отступает на шаг. Я натягиваю на лицо улыбку.

— Все хорошо, спасибо. Извините за шум.

Миссис Джейкобс хмурится, подозрительно глядя на Зейна.

— Позови, если понадобится, — говорит она, прежде чем закрыть дверь.

— Пошли отсюда, — бормочет он, кладя руку мне на талию.

Я отхожу назад.

— Я никуда с тобой не пойду. Я не знаю тебя. Не знаю!

Он разочарованно смотрит на меня сверху вниз.

— Ты знала меня прошлой ночью, когда выкрикивала мое имя.

Я задыхаюсь, а затем со всей силы даю ему пощечину. Мы оба ошеломлены. Моя ладонь горит. Я тру ее о штанину.

Выражение его лица мрачнеет, Зейн слегка кивает.

— Я заслужил. Прости, — признается он хмуро.

Затем он наклоняется ближе, его рот задевает мое ухо.

— Я не изменился. Это все еще я. Ты знаешь меня, меня настоящего. Я все тот же парень, которого ты встретила, застряв в дверном проеме, плача, с порванными штанами, тот же парень, который был в тебе всю эту ночь.

Его голос низок и жесток. От его слов я вся дрожу, и в моих мыслях мелькают воспоминания.

— Пожалуйста, просто отпусти меня, — умоляю я. Слезы бегут по моим щекам все быстрее и быстрее. — Держись от меня подальше!

— Я не могу. — Его лоб легонько прикасается к моему, в глазах Зейна читается мрачная решимость. — Пойдем со мной... выслушай меня. Я никуда не уйду без тебя.

Я смотрю на него, срываясь на крик.

— Почему ты так поступаешь со мной?! Ты ведь уже вдоволь насмеялся. Просто... отпусти! Оставь меня в покое!

Он качает головой, выражение его лица неумолимо.

— У тебя есть три секунды, в противном случае я вынесу тебя отсюда. Один.

Я пытаюсь освободиться от его хватки, но он прижимается ко мне всем телом.

— Кто-то может вызвать полицию, — угрожаю я.

— Мне пофиг. Два.

Какой у меня есть выбор? Все больше людей выглядывает из дверей, и не займет много времени, пока кто-то начнет жаловаться. Я не хочу, чтобы у Лорен были проблемы.

— Ладно, — говорю я сдержанно. — Мне нужно сказать Лорен.

Зейн отходит в сторону, чтобы пропустить меня. Когда я добираюсь до ее квартиры, распаивается дверь. Лорен стоит в дверном проеме, выражение ее лица подтверждает, что она все слышала. Близняшки толкуются позади нее, рыжие головы вздрагивают от нетерпения, а это плохо.

— Все нормально, Ви? — Лорен бросает быстрый взгляд на Зейна, затем на меня.

Я киваю.

— Я позвоню тебе позже. Если позвонит мама, можешь сказать ей, что я скоро буду дома?

— Конечно. Позвони мне, если я понадобится.

Она многозначительно смотрит на меня. Я лишь пожимаю плечами. Когда она закрывает дверь, я поворачиваюсь к Зейну.

— Пошли.

Я молча следую за ним к его грузовику, отказываясь смотреть на него. Я даже не хочу вдыхать слишком глубоко, чтобы не почувствовать запах мыла и свежести, исходящий от него, потому что это всегда заводило меня. Я потрясена, что до сих пор испытываю к нему такие чувства, думаю, во всем виноваты подростковые гормоны.

— Поехали в Тако Белл, — выпаливаю я, когда он заводит машину.

Зейн смотрит на руль, сжимая челюсти.

— Это вряд ли можно назвать приватным местом, где можно поговорить.

— Я не хочу находиться с тобой наедине, — говорю я прямо.

— Теперь я для тебя маньяк, что ли?

Я щурюсь, глядя на него.

— Я не доверяю тебе. Потому что ты врал мне.

Зейн не отвечает. Мы едем в ресторан в полной тишине. Все так сюрреалистично. Я в одной машине с Эйденем Кроссом, с моим любимым певцом. Я занималась с ним сексом. Как я не смогла догадаться? Как?

Кто мог бы предположить, что твой бойфренд, на самом деле, знаменитая рок-звезда? Такого не бывает в реальной жизни. Даже в своих самых диких мечтах я не могла предположить, что это будет его самый большой секрет.

Ха, если раньше я считала, что у нас с Зейном есть шанс... да, все мои мечты разбились к чертовой матери.

Я такая дура.

Зейн подъезжает к парковке Тако Белл, но никто из нас не выходит из машины. Почему я выбрала Тако Белл?

Выглядывая из окна, я замечаю машину Мэтта и Ким. Ким — самая яркая фанатка Эйдена Кросса. Если бы она разглядела Зейна поближе, то, возможно, сразу бы догадалась о его тайной личности.

От этой мысли я чувствую себя тупицей. Как будто он какой-то супергерой.

— Ты, наверное, считал меня душой, — говорю я, положив руку на дверь.

Он смотрит на меня.

— Почему? — говорит он настороженно.

Я горько смеюсь.

— Каждый раз, когда я обвиняла тебя во флирте с секретаршей, официанткой и кузиной... хотя на самом деле ты изменял мне с актрисой Элейной Скай и... супермоделями.

— Мы с Элейной просто друзья.

— Да, конечно, — фыркаю я. — Вот почему полным-полно фотографий, где вы не можете оторваться друг от друга.

— Нет, эти фотосъемки были устроены нашими агентами для рекламы, — рычит он сквозь сжатые зубы. — Как и все остальные фотографии, которые ты, должно быть, видела. Я даже не знаю имен большинства девушек.

— Ага, — говорю я, закатывая глаза. — Тогда думаю, тебе не нужно знать чье-то имя, чтобы лапать ее за задницу.

Он наклоняется и берет меня за руку.

— Я не был ни с кем с того дня, как мы вместе пообедали.

Я вырываю руку.

— Почему я должна верить тебе? Ты обо всем мне врал. Ты ведь даже не работаешь в Cronus, да? Это все было ради будущей большой роли? Выдуманное имя, внешность... мы?

Зейн качает головой.

— Нет! Я отказался от этого давным-давно. Мой агент пытался изменить мое решение. Она тайно засунула сценарий мне в сумку, чтобы заставить меня пересмотреть его. Я не поэтому приехал в Хайден Ков.

— Тогда почему ты приехал?

— Не знаю. — Он вздыхает и смотрит через лобовое стекло. — Думаю, мне захотелось отдохнуть от самого себя. Не пойми меня превратно, у меня лучшая работа в мире, я занимаюсь тем, что мне нравится. Но у меня практически нет личной жизни. Черт, если я подстригусь, об этом сразу же напишут все газеты.

— Знаешь, когда я — Эйден Кросс, я всегда играю. Я тот, кем хотят видеть меня мои поклонники, это хорошо, я принимаю эту часть своей работы. Я бы не занимался этим, если бы мне не нравилось. Они могут обладать Эйденем Кроссом, он весь их. Он ненастоящий. Вот почему я приехал сюда, я начал терять себя во всей этой шумихе. Я должен был снова найти себя настоящего. А потом я встретил тебя.

Я отворачиваюсь от его напряженного взгляда. И нервно натягиваю юбку на колени.

— Дженна знает, — говорю я тихо. — Ты рассказал ей все.

— Дженна была со мной с самого начала, — говорит Зейн. — Когда мне было двенадцать, и со мной происходила всякая хренотень, отец решил, что мы должны начать все сначала. Мы переехали из Сиэтла в Лос-Анджелес. Я пошел в школу под новым именем, чтобы все начать с чистого листа. Эйден — мое второе имя, О'Коннор — девичья фамилия мамы. Когда я познакомился с Дженной, я был Эйденем Кроссом. Потом кто-то снял на видео, как я пою на какой-то вечеринке, и выложил его в интернет. С тех пор я — Эйден Кросс...

Зейн слегка пожимает плечами, как будто то, что он открыл в себе талант к пению в детстве и стал сенсаций в интернете за одну ночь, ничего не значит.

— Ты мог все рассказать мне! — выкрикиваю я. — Ты должен был все рассказать мне. Боже. Я рассказывала тебе обо всем! Я доверилась тебе, а все это время... ты не смог доверить мне свой маленький секрет.

— Я доверял тебе и сейчас доверяю. Посмотри на меня, Виолетт! — Он хватается за руку, но в этот раз не отпускает. — Извини, что обидел тебя. Но, пожалуйста, поверь мне. Я не рассказал тебе, потому что не хотел потерять тебя. Я думал, что смогу совмещать обе стороны своей жизни. Я облажался.

Мои чувства сейчас в полном беспорядке, я задыхаюсь от слез. Я отчаянно пытаюсь вернуть себе контроль, но не могу. Мое сердце разбито.

— Когда ты собирался рассказать мне все?

Кажется, Зейну больно. Теперь он жалеет меня? Все из-за этого?

— Я собирался рассказать тебе все, когда отвез бы к себе домой.

Я вырываю руку из его хватки и с силой вытираю глаза.

— И что тогда? «Спасибо, за хорошо проведенное время»?

— Нет. — Он опускается на свое сиденье и вздыхает. — Я собирался рассказать тебе обо всем и умолять о прощении. Ты должна была сказать, что все хорошо, и ты любишь меня, потому что знаешь меня настоящего. Потом я собирался попросить тебя остаться со мной, потому что я так сильно влюблен в тебя.

Мое сердце делает один большой скачок, прежде чем упасть на пол и разбиться на миллион маленьких осколков. Качая головой, я шепчу:

— Не говори этого мне. Не сейчас.

— Почему нет? Ты же хотела услышать правду?

— Но почему сейчас? Между нами ничего не выйдет. Что я должна делать? Следовать за тобой повсюду на концерты и наблюдать за тем, как девушки пихают тебе в лицо свои груди? Боже, ты считал, что я была ревнивой раньше...

— Это ничего не значит! — Зейн разочарованно проводит рукой по волосам. — Только ты имеешь значение. Виолетт, пожалуйста... дай нам шанс. Я не могу потерять тебя.

— Ты лгал мне! — плачу я. — Я не знаю, что было по-настоящему.

— Все это по-настоящему.

Он притягивает меня ближе и целует, сильно и глубоко.

Не в состоянии сопротивляться, я целую его в ответ. Я залезаю к нему на колени, сливаясь с ним, на несколько драгоценных минут забывая обо всем: о его лжи, о миллионах причин, по которым мы не можем быть вместе.

— Скажи, что любишь меня, — говорит Зейн грубым голосом между нашими отчаянными поцелуями.

— Я люблю тебя, — шепчу я. — Но я не могу быть с тобой.

Я отодвигаюсь от него, и это самый тяжелый поступок, который мне доводилось совершить.

— Я не хочу снова видеть тебя... Эйден.

Наощупь я нахожу ручку двери. Зейн хватается за руку.

— Виолетт...

— Нет!

Я отворачиваюсь от него и открываю дверь. Отказываясь смотреть на него, я выскакиваю из грузовика и иду к ресторану.

Не оглядываясь.

Прежде чем зайти внутрь, я провожу руками по лицу, чтобы стереть следы слез. Мне плевать на мой ужасный внешний вид, но я не хочу, чтобы они увидели, что я плакала. Не дожидуся.

Тако Белл полностью забит. Я нахожу Мэтта и Рейчел, сидящих на одной стороне кабинки. Мэтт замечает меня и машет. Кажется, он удивлен, что я пришла. Я просто киваю ему и ищу Ким.

Она сидит за большим столом с группой своих хохочущих подруг. Я ловлю ее взгляд и машу ей. Она сразу же подходит ко мне.

— Ты в порядке, Виолетт? Похоже, ты плакала.

Я качаю головой и заставляю себя улыбнуться.

— Ким, можешь сделать мне одолжение? Отвези меня к Лорен.

— Э-э, конечно. Только я сначала предупрежу друзей, хорошо?

Прежде чем мы уезжаем, я останавливаюсь у двери и выглядываю на парковку. Я рада видеть, что грузовик Зейна исчез.

Я больше никогда с ним не увижусь.

Глава 32.

Ким дает мне выплакаться на заднем сиденье ее машины по дороге к квартире Лорен, за что я безумно ей благодарна. Я прошу ее зайти вместе со мной к Лорен, и она соглашается.

Лорен удивляется, увидев нас вдвоем, но быстро приглашает войти. Она приказывает близняшкам спуститься к своим друзьям, которые живут этажом ниже, и они подчиняются ее приказному тону.

Я рассказываю Лорен и Ким обо всем. Глаза Ким становятся все шире и шире.

— У тебя был секс с Эйденом Кроссом?

Я киваю, прижимая колени к груди.

— Тогда я не знала, что это был он. Я думала, что он был... не знаю. Теперь, я как будто неживая. Понимаете, теперь все изменится?

— Определенно, — соглашается Ким. Она выглядит пораженной.

— Но, Ви, он все еще тот же человек, — Лорен наматывает прядь волос на палец. — И он сказал, что любит тебя.

— Да, но... — хмурюсь я, глядя в пространство. — Мне наплевать на то, что он сказал. Если он не рассказал мне правду, значит, я для него мало что значу. К тому же, как мне относиться к его фотографиям с теми женщинами? Ким, он с кем-то встречается?

— Ходят слухи о нем и Элейне Скай, — признается Ким. — Но никто не подтверждал их. Их не разу не сфотографировали целующимися.

Она негромко смеется.

— Поверь мне, я бы об этом знала.

Я впадаю в молчаливый ступор. Лорен осторожно садится на пол возле меня.

— Ты сможешь простить его за то, что он лгал тебе?

— Ты должна это сделать, — подбадривает Ким, гладя меня по плечу. — Чувак, это же Эйден Кросс! Я бы отдала свою левую грудь, чтобы пойти с ним на свидание.

Я не могу сдержать смеха, хотя ее слова и вызывают тревогу.

— А если серьезно, — говорит Ким, заглядывая мне в глаза. — Я могу понять, почему он поступил так. Готова поспорить, что он уже устал от бросающихся на него малолетних поклонниц, таких как я. Возможно, с тобой у него были самые нормальные отношения за последние годы. Наверное, он хотел сохранить их такими, как можно дольше.

— Точно подмечено, — бормочет впечатленная Лорен.

Ким улыбается и пожимает плечами.

— Я видела парочку фильмов на эту тему.

— Ага, вся эта история похожа на сюжет какого-то ужасного фильма, — говорю я. — Вот почему я не могу до конца осознать всю сложившуюся ситуацию. Все так сюрреалистично, я даже не знаю, что и думать. Но он обманул меня. Не в чем-то таком незначительном, как его любимый цвет. Он лгал мне о своей личности! Как я могу простить его за это?

— На то, что у людей появляются тайные личины-маски, есть много причин, — говорит Лорен, напоминая мне, что у меня тоже таковая имеется.

Я бросаю на нее многозначительный взгляд, это совершенно не одно и то же. Я использую псевдоним для своего творчества, а не создаю совершенно новую жизнь. Кроме того, я рассказала Зейну о своих книгах. Вот так.

— Девчата, дело не в том, могу я простить его или нет, — наконец, говорю я, опуская подбородок на колени. — У нас ничего не выйдет. Глупо даже надеяться на это.

— Нет, Виолетт! — рычит Ким. — Не сдавайся.

На удивление Лорен соглашается.

— Всегда можно найти выход, — говорит она. — Если ты любишь его, ты найдешь способ быть с ним.

— Ага, но если бы он любил меня, то рассказал бы правду.

Я устало поднимаюсь на ноги.

— Пора вернуться домой и «встретиться лицом к лицу с музыкой»¹, — бормочу я.

— Откуда взялось это выражение? — интересуется Ким. — Думаешь, все будет в порядке? Кому не нравится музыка?

Лорен пожимает плечами.

— Возможно, потому что это звучит лучше, чем «столкнуться с электрическим стулом» или «столкнуться с мамой-драконихой».

— Столкнуться со смертью.

— Спасибо за поддержку, — говорю я. — Я дам вам знать, если выживу. Возможно.

«Столкнуться с мамой-драконихой». Ха. Правильнее сказать, столкнуться с нежной мамой-овечкой. Уверена, она даже не накричит на меня.

Возможно, все обойдется тихим выговором в перерыве между крепкими объятиями.

После десяти мучительных минут...

—...ты больше никогда не покинешь этот дом. Ясно?!

Меня передергивает в кресле.

— Предельно.

Мама делает глубокий вдох. Очевидно, крики во всю глотку истощили ее.

— ...никогда не могла бы подумать, что ты можешь быть такой безответственной! О чем ты только думала?!

Я кривлюсь из-за ее разочарованного тона.

— Все, что я могу сделать, так это попросить прощения. Моему поступку нет оправдания, и я заслуживаю любое наказание, которое ты придумаешь.

Мама мгновение просто смотрит на меня. Затем она вздыхает и садится на диван.

— Ты спала с ним, Виолетт?

— Ну, мама, мы практически не спали.

Она вздыхает.

— Ох, Виолетт! Серьезно... фу. Ладно, ты хотя бы предохранялась? Вы использовали защиту?

— Э-э... да?

— Звучит не очень убедительно. Ты уверена?

Я поеживаюсь на своем месте. Первые три раза мы точно предохранялись, но четвертый... это было рано утром, и я не помню...

— Уверена, — говорю я маме, потому что не хочу посвящать ее в кровавые подробности.

Она прикрывает глаза руками.

— Для меня было бы нереально думать, что это больше не повторится. Поэтому думаю, нам нужно обсудить варианты приема противозачаточных таблеток. Зейн тоже должен присутствовать. Мне определенно нужно поговорить с ним.

— Я не... ты не должна переживать по этому поводу, — говорю я быстро. — Мы больше не вместе. Мы расстались.

Мама открывает рот, чтобы что-то сказать, но передумывает, а потом говорит:

— Ох, милая. Он бросил тебя? Мне так...

— Ой, нет, — перебиваю я. — Все произошло по взаимному согласию. Из-за расстояния, понимаешь. Находиться друг от друга так далеко было сложно. С чего ты взяла, что это он меня бросил?

Она краснеет.

— Ах, я не хотела. Прости, дорогая. Ты выглядела такой расстроенной, так что я подумала... не то чтобы я думала, что он не для тебя...

— Нет, все нормально. Можем мы поговорить о наказании завтра? Я очень устала.

Мама пристально вглядывается в мое лицо. Наконец, она подходит ко мне и кладет одну руку мне на щеку.

— Ладно. Мы поговорим обо всем завтра.

Слава Богу. Не знаю, сколько бы еще времени я смогла продержаться.

Это тупо. Ведь я порвала с Зейном, но я все же продолжаю проверять телефон, чтобы узнать, нет ли от него пропущенных звонков.

Теперь я сожалею, что удалила все сообщения и звонки. Я жалкая, да?

Внезапная боль в груди застает меня, когда я уже лежу в кровати. Я сворачиваюсь в клубок, отчаянно рыдая.

Зейн. Зейн. Я больше никогда не увижу его, никогда не прикоснусь к нему, не поговорю с ним. Я была настолько занята своими переживаниями по поводу того, кто он есть на самом деле, что не смогла вовремя осмыслить такую огромную потерю. Как мне дальше жить без него? Я, конечно же, выживу. Просто... мне сейчас так больно.

Я всхлипываю так сильно, что не слышу, как она входит. Кровать прогибается, а затем я чувствую, как теплое тело мамы обнимает меня сзади. Она ничего не говорит, просто гладит меня по голове и дает выплакаться.

Вот так мы лежим всю ночь. Как раз это мне и нужно.

Глава 33.

На следующее утро, когда я сижу на кухне и без аппетита ем пирог, ко мне присоединяется Билл.

Он выглядит удивленным, встретив меня здесь, и на мгновение мне кажется, что он готов развернуться и уйти.

Я наблюдаю, как он пару минут мысленно борется сам с собой. Забавно видеть, как он мотает головой из стороны в сторону, глядя то на дверь, то на меня. Наконец, он обращается ко мне.

— Привет, Виолетт, — бормочет он с неохотой.

— Доброе утро, Билл, — буркаю я в ответ.

Он просто стоит и трет шею. Пока я изучаю его, я понимаю, что Зейн очень похож на него. Как Эйден Кросс. Интересно, а раньше я этого не замечала. Ха-ха.

— Мне жаль, — вдруг говорит он, пугая меня. — Насчет Зейна. Я не знал, что вы... вместе. Я должен был сказать ему, чтобы держался от тебя подальше.

— Все нормально, Билл. — Я слегка улыбаюсь. — Зейн пытался держаться от меня подальше, но я не позволила ему.

— Ох, — говорит он, чувствуя себя, если это возможно, еще более некомфортно.

Он разворачивается, чтобы уйти, но потом передумывает.

— Зейн хороший парень, — говорит он быстро. — Иногда ему сложно быть Эйденем Кроссом. В этом образе он ненастоящий. На самом деле, он Зейн. Когда он э-э... он не позволяет, чтобы люди видели его настоящего, пока эти люди не становятся важными для него. Возможно он... думаю, он впустил тебя в свою душу.

От такого милого лепетания Билла мне хочется обнять его, хотя я до конца не понимаю, что он пытается сказать мне.

— Спасибо, Билл, — говорю я. В этот раз я искренне улыбаюсь ему.

Он улыбается в ответ, быстро и с облегчением. А потом он резко разворачивается и уходит.

Мило. Мне интересно, как они с мамой общаются между собой, так как они оба неуклюжи и маловразумительны. Теперь, когда я познакомилась и живу рядом с Биллом, я не могу представить, что он мог сбить ее с ног при встрече, как она рассказывала. Думаю, что когда они застряли на два часа в лифте, у них внутри проснулись романтические чудовища.

Хмм. Возможно, глубоко внутри, он очень напористый мужчина. Должен же был Зейн унаследовать эту черту от кого-то.

Зейн.

У меня совсем пропадает аппетит, я выбрасываю в мусорное ведро едва начатый пирог и поднимаюсь к себе в комнату, чтобы снова поплакать.

На следующее утро у меня ужасно болит голова. Я пишу Лорен сообщение, что сегодня не буду на занятиях, а она отвечает, что надеется, что мне станет лучше и что мне не нужно переживать, по поводу того, как она доберется в школу, так как у ее мамы выходной, так что она воспользуется ее машиной.

Обрадованная, я выключаю телефон и куда-то закидываю его. Затем я укрываюсь с головой одеялом, и меня одолевает колющая боль в голове.

На следующий день я чувствую себя так, будто пережила настоящую войну, но думаю, что чувствую себя достаточно хорошо, чтобы пойти в школу.

Думаю, что так будет лучше.

Я сильно опаздываю. Надеваю старую теплую рубашку и длинную синюю юбку, которая неизвестно как оказалась в моем шкафу.

Где же мой телефон? Я смутно вспоминаю, что куда-то забросила его вчера вечером. Черт, у меня нет времени искать его. Хорошо, что мне не нужно подвозить Лорен сегодня.

Сначала я думаю, что у меня разыгралось воображение, и что люди пялятся на меня и шепчутся обо мне, но к концу первого урока, я уже готова начать орать на всех пялящихся идиотов. Ким рассказала кому-то о Зейне?

— Что такое? — спрашиваю я у Челси Лопес, шкафчик которой находится возле моего. — Почему люди смотрят на меня? Что происходит?

Челси, кажется, удивлена, что я разговариваю с ней. До этого мы лишь обменивались улыбками и приветствиями.

— Думаю, что все считают, что ты знаешь обо всем из первых уст? — с осторожностью говорит она.

Я сбита с толку.

— Знаю о чем?

Челси откидывает назад свои светло-каштановые волосы и неловко смеется.

— О Лорен и мистере Дженсене, — говорит она так, как будто я должна это знать.

— О Лорен и мистере Дженсене? А что с ними?

Теперь она выглядит озадаченной.

— Ты правда не знаешь?

Я крепче сжимаю край папки. Внутри у меня все леденеет.

— Пожалуйста, расскажи мне обо всем.

— Э-ээээ... ты знаешь Алисию Шермер? Она видела, как Лорен и мистер Дженсен целовались в его машине вчера утром.

— Что?!

Лорен и... мистер Дженсен??? Что!? Что, черт возьми, происходит?! Это, должно быть, какая-то ошибка. Он ей даже не нравится! Лорен никогда бы...

Затем ужасная мысль приходит мне в голову.

— Мне нужно идти, — говорю я, резко разворачиваясь.

Я нахожу Деймона, направляющегося на урок английского языка. Я хватаю его за руку, чтобы привлечь внимание. Он сразу же отступает назад, выглядя обеспокоенным.

— В чем дело? — нервно требует он.

Я смотрю на него.

— Ты гулял с Лорен?

Глаза Деймона расширяются.

— Нет, черт возьми. У меня есть девушка. К тому же, я слышал, что твоя подруга втюрилась в старика...

Я нетерпеливо качаю головой.

— Тогда почему каждый раз, когда я встречала тебя, ты выглядел таким виноватым?

Он виновато потирает шею.

— Я... э-э... думал, что ты узнала, что это я распускал слухи о твоих обнаженных фотографиях в интернете.

— Что еще за обнаженные... ладно, не бери в голову, я не хочу знать об этом.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти, но перед этим бью его по руке.

— Перестань распускать слухи обо мне! Придурок!

Я бы ушла прямо сейчас, если бы не моя ссора с мамой. Поэтому я иду в медпункт и притворяюсь, что у меня ужасно болит голова. Мисс Ханн считает меня прилежной ученицей, которая никогда не попадает в передряги, поэтому она сразу же отпускает меня домой. Я всегда знала, что репутация хорошей девочки когда-нибудь мне пригодится.

Я еду к Лорен, миллионы мыслей крутятся у меня в голове.

Лорен и мистер Дженсен? Как? Почему? Как она могла не рассказать мне о том, что ее парень — это наш учитель английского?

Зомби, напоминающая мою лучшую подругу, открывает дверь. Она выглядит ужасно! Под глазами у нее огромные мешки, и она выглядит так, как будто не спала целый год.

— Я пыталась тебе дозвониться, — вяло говорит она, выходя из квартиры и закрывая за собой дверь.

— Я выключила телефон и закинула его куда-то, — говорю я. — Итак, это правда?

Лорен устало кивает.

— Да.

От ее подтверждения мое сердце уходит в пятки.

— Можем мы где-нибудь поговорить?

Она оглядывается на квартиру.

— Я не могу уйти далеко. Пойдем на улицу.

Мы идем в небольшой парк возле жилого комплекса и находим скамейку, где можем сесть.

— Значит, он отец? — я должна удостовериться. У меня уже было достаточно недоразумений — хватит на всю оставшуюся жизнь.

Лорен смотрит вниз на свои сложенные вокруг живота руки. Она негромко вздыхает.

— Да.

— Ладно. Как? Когда?

Она пожимает плечами.

— Это просто произошло. Когда я начала подрабатывать репетитором после школы, он всегда был рядом. Мы начали разговаривать о наших любимых книгах и

авторах и... о разной чепухе. Потом, однажды вечером он подвез меня домой. Он поцеловал меня. Это было мило.

— Мило? — повторяю я не громко.

— Он отличается от всех других парней в школе, он не разбрасывается глупыми шуточками все время и не ведет себя, как идиот. Мы разговаривали обо всем на свете.

— Я рассказала ему о ребенке. Я очень нервничала, а он пытался успокоить меня... мы не думали, что обо всем узнают так скоро.

Я делаю глубокий вдох, тысяча вопросов вертится у меня в голове.

— Хорошо, так он собирается принять участие и помочь тебе во всем этом? Или мне придется...

— Ви, он женат, — выпаливает она.

Раскаленная ярость пронзает меня. Я подскакиваю на ноги, меня всю трясет от негодования.

— Что?! Вот подонок! Где он живет?

Но Лорен отрицательно мотает головой. Она такая бледная и хрупкая, я сажусь обратно и пытаюсь ради ее же блага успокоиться.

— Его, наверное, арестуют. Прямо сейчас ведется официальное расследование. Я... я бросаю школу.

У меня отвисает челюсть.

— Ты не можешь! А как же Стэнфорд?

— Я пока не знаю. Администрация школы позвонила маме. Ей пришлось приехать, чтобы забрать меня.

— О Боже. Что она сказала?

— Она плакала, — бормочет Лорен. — Потом она долго кричала. Когда она, наконец, успокоилась, между нами произошел долгий разговор. Она в какой-то степени винит себя за то, что всегда работает, и ее никогда нет рядом. Потом... она сказала, что я помогала растить ее детей, теперь она поможет растить моих.

Она громко вздыхает.

— Мы собираемся поговорить со школьным консультантом, чтобы узнать о моей дальнейшей судьбе. У меня всегда были хорошие оценки и есть сбережения... так что у нас довольно оптимистичные планы.

— Значит ли это, что ты оставляешь ребенка? — спрашиваю я с надеждой.

— Пока не знаю, — уклоняется она от ответа. — Мама поговорит с одной из моих кузин, чтобы узнать, сможет ли та переехать к нам, чтобы помочь.

Я глажу ее по руке.

— Вам придется найти место побольше.

Она тихо смеется.

— Ага. Мы, наверное, переедем.

Недолго мы сидим в тишине. Мой ум напряженно работает, пытаюсь разобраться в таких больших переменах.

— Все уладится, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал убедительно. — Я помогу тебе, чем смогу, во всем.

— Спасибо, Ви. Извини, что не рассказала тебе раньше. Просто...

— Да ты знала, что я надеру тебе задницу.

Лорен улыбается.

— Ага.

Я качаю головой.

— Учитель, — вздыхаю я.

— Рок-звезда, — бросает она в ответ.

Мы смотрим друг на друга, а затем смеемся. Как же все запутано у нас. Хорошие девочки испортились.

Что же нам делать?

Глава 34.

Без Лорен в школе дни длятся ужасно долго. Но их не сравнить с ночами.

Я опасаясь ночного времени суток. Я лежу в кровати и не в состоянии заснуть. Я не могу перестать думать о Зейне. Чем он сейчас занимается? Лежит так же как и я в кровати и думает обо мне? Или он проводит ночи с Элейной Скай или еще с какой-нибудь прекрасной женщиной? Но об этом я могу узнать.

Всего-то нужно зайти на какой-нибудь сайт, где есть новости о каждом шаге Эйдена Кросса.

Но я не могу заставить себя сделать это. Каждый раз, когда я слышу по радио его красивый и сексуальный голос, я переключаю станцию (что происходит довольно часто). Я даже не могу смотреть на его фотографии на обложках журналов. Мне ужасно больно.

Я не нахожу Зейна в небесно-голубых глазах Эйдена. Я скучаю по Зейну. Я продолжаю вспоминать ту ночь, что мы провели вместе в отеле. Я лежу в постели, моему телу не хватает его. Я кручусь всю ночь, беспокоюсь погружаясь в печаль.

Я знаю — это жалко, но я все время проверяю свой телефон на наличие сообщений или пропущенных звонков от него. Зачем ему вообще звонить мне?

Я стараюсь снова вернуться к своей жизни. Во время зимних каникул я работаю «Сансет Паркс», что позволяет мне быть все время чем-то занятой.

Что не помогает, так это рождественская музыка, играющая по радио целыми днями. Даже жители жалуются. Хейлиз угрожает избить Санту в столовой, если никто не выключит эту музыку. Я была бы не против, взглянуть на это, уверена, что эта сцена повеселила бы меня.

Я начала писать новую книгу. Она не входит в серию «Изменяя время», над которой, я клянусь, начну работать в скором времени. Эта книга об обыкновенной выпускнице старшей школы, которая влюбляется в принца.

Только она не знает, что он принц, она думает, что он обычный симпатичный парень. Потому что он маскируется под школьника...

Ладно, это больше похоже на дневник, а не на вымышленную историю. Но сочинительство является для меня своего рода катарсисом. Девушку зовут Роуз, а тайного принца — Зейк. Знаю-знаю, какого принца назовут Зейком? Но его настоящее имя — Эйден Джордж Харрис, принц Валданский. Для Роуз я написала нереально счастливый конец. Художественная литература должна быть местом счастья и способом убежать от обыденности. Реальная жизнь и так достаточно удручающая, я, например, не хочу читать о притворном несчастье.

Рождество.

Ради мамы у меня получается корчить радостные рожицы. Она любит праздники, а особенно Рождество, и теперь, когда Билл спонсирует ее, она может пуститься во все тяжкие. Дом похож на рождественский город. Когда я спускаюсь по лестнице, то ожидаю, что снег начнет сыпаться мне на голову. Вокруг развешана новогодняя мишура. Однажды, я запутаюсь в ней, когда буду еще сонная.

Под нашей огромной искусственной рождественской елкой сложена гора подарков. Мама, с эльфийской шапкой на голове, начинает раздавать подарки. Здесь только мы с Биллом, но она называет наши имена каждый раз, перед тем, как вручить очередной подарок, завернутый в блестящую бумагу. Даже Билл улыбается от ее напористости. Он выглядит помятым и таким милым в своей пижаме.

Я получила в подарок практически полный гардероб новой одежды, коробки дорогих гаджетов и хлопковое белье от бабушки Марсер. Почему на каждое Рождество она дарит мне трусики с цветочками? Странно. Я надеваю их во время месячных. Которые у меня сейчас и наступили, неудивительно, что я такая капризная.

— Это тоже для тебя, — говорит мама, вручая мне плоскую коробку. Ее глаза сияют, как рождественские огни.

Подарок практически ничего не весит, что настораживает меня. Судя по тому, с каким нетерпением она наблюдает за мной, этот подарок очень важен для нее.

— Спасибо, — говорю я.

— Открывай же! — восклицает она, пока я рассматриваю толстых оленей на обертке.

Я быстро разворачиваю подарок, поскольку мама выглядит так, будто вот-вот описается от волнения. Внутри ярко красная коробка для футболок. Я открываю ее и вижу белую футболку.

Снова одежда? Я натягиваю на лицо счастливую улыбку и достаю футболку, разворачивая ее.

Моя улыбка меркнет, когда я вижу, что написано на ней розовыми буквами.

Старшая сестра.

Кроме шуток.

Я роняю футболку и смотрю на маму, которая пытается сфотографировать мою реакцию.

— Правда? — спрашиваю я. — Это...?

Странные слова пролетают у меня в мозгу: безопасно, легально, практично... но ни одно из них не соответствует ситуации. Я не знаю, как себя вести.

— Я беременна! — восклицает она радостно.

— Ох... поздравляю! — говорю я и встаю, чтобы обнять ее, чтобы она не подумала, что я не счастлива за нее.

Я улыбаюсь Биллу и замечая, что он покраснел от смущения и удовольствия. Мама тянется к нему и сжимает его руку. Если мама станет еще счастливее, она взорвется. Я немного переживаю из-за того, что скоро стану старшей сестрой, но не могу показать этого маме.

О Боже. Ребенок. В наши дни все беременеют.

— Ты была уже у доктора? Все в порядке? — спрашиваю я, нервничая.

— Все замечательно, дорогая, — уверяет меня мама. — Они будут наблюдать за мной более тщательно, так как я немного старше детородного возраста. — Она кривится. — Но доктор сказал, что все в порядке!

— Это же прекрасно. Я тут подумала, что теперь у тебя будет еще один ребенок, которого ты сможешь смущать, когда я покину гнездо.

— Точно, — признается она счастливо, убирая шляпу эльфа с глаз. — Хотя я все равно продолжу смущать тебя, когда ты будешь приезжать навещать нас. Не хочу, чтобы ты чувствовала себя обделенной.

— Спасибо, ты всегда заботаешься обо мне.

Биллу нужно принять важный звонок с работы, он исчезает в рабочем кабинете, бросая маме извиняющийся взгляд.

Получается, он теперь станет отцом моего будущего братика или сестрички.

Эй, все могло быть намного хуже. Я понимаю, что мне действительно нравится Билл. Я рада, что ему понравился мой подарок — модель пиратского корабля.

Мама хочет, чтобы я примерила футболку Старшей сестры. Она оказывается на размер меньше. Мама продолжает пялиться то на мою, то на свою грудь, печально хмурясь. Надеюсь, она не обдумывает идею, вставить имплантанты после рождения ребенка.

— Виолетт, я должна тебе кое-что сказать.

Мама стремглав подползает ко мне на коленях и останавливается передо мной, глядя мне в глаза.

— Что такое? — спрашиваю я со страхом в голосе. Она выглядит такой серьезной, должно быть, это плохая новость.

— Я разговаривала с Зейном.

Я делаю резкий вдох. У меня начинают трястись руки, и я вынуждена подавить желание наброситься на свою маму с расспросами. Что он сказал? Как он? Он говорил обо мне?

— Ох, — говорю я, наконец. — Я... э-э... почему ты... о чем вы разговаривали?

Мама поднимает бровь.

— Вообще-то, мы разговаривали довольно-таки долго. Оказалось, мне есть что сказать молодому человеку, который лишил мою семнадцатилетнюю дочку девственности.

Я ошеломлена. Я чувствую, как мое лицо побледнело от ужаса.

— Мам!

— Подожди, Зейн ведь был твоим первым мужчиной?

Кровь внезапно приливает к моему лицу.

— Да, мам. Блин.

— Эй, как будто для меня этот разговор прост, — говорит она, расправляя плечи с негодованием. — В конце концов, Зейн — мой пасынок. Но... мы пришли к пониманию... назовем это так. В общем, он хотел тебе кое-что передать.

Мама протягивает мне небольшую коробочку квадратной формы. Я озадачено смотрю на нее.

— Что бы там ни было, я не могу принять это, — шепчу я, глядя на крошечную коробочку, завернутую в фольгу, как будто она может укусить меня. — Мы расстались.

— Он сказал, что купил это месяц назад и хочет, чтобы этот подарок остался у тебя. Без каких-либо условий. Он сказал, что ты не должна связываться с ним, и он не примет его назад, поэтому ты должна принять его. — Она хихикает. — Он так хорошо знает тебя.

Я начинаю протестовать.

— Мам... я... я не могу.

— Знаешь, он ведь любит тебя, — говорит она мягко. Она берет меня за руку и аккуратно кладет коробочку в ладонь.

Затем легонько гладит меня по щеке.

— Ты тоже любишь его, да?

Я сразу же начинаю плакать.

— Да, — всхлипываю я смеясь. — Да, люблю.

— Ох, Виолетт. — Мама тянется ко мне и сочувственно обнимает меня. — Моя бедная девочка.

Я неловко отстраняюсь.

— Я в порядке, — говорю я быстро, вытирая лицо. — Итак... ты знаешь, что это? — показываю я коробочку.

Мама лукаво улыбается.

— Ага. И я отношусь к этому спокойно только потому, что знаю, какие у него к тебе чувства, и что он может позволить себе это. Давай же, открой.

Я прерывисто вздыхаю. Эта коробочка практически ничего не весит. Это... кольцо?

Я быстро отбрасываю эту сумасшедшую мысль. Конечно же, это не кольцо. Это прощальный подарок, а не обещание на будущее.

Я аккуратно разворачиваю подарок. Внутри коробки лежит небольшой черный... пульт?! Я неуверенно смотрю на маму.

Она сияет.

— Это пульт от твоего «бентли» с откидным верхом! Машина припаркована на улице.

— Не может быть.

Мы спешим на улицу, мама все это время хихикает, как школьница. Я подбегаю к входной двери и... он стоит на подъездной дороге, поблескивая в утреннем свете.

Сияющий, фиолетовый «бентли» с откидным верхом.

— Боже мой, — вздыхаю я.

Я способна лишь стоять, разинув рот. Мама отбирает у меня пульт и использует его, чтобы открыть дверь.

Затем она тянет меня поближе к машине, чтобы мы смогли рассмотреть салон.

Внутри все прекрасно. Все кнопки, циферблаты и дисплеи повергают меня в восторг. Темно-серые кожаные сиденья роскошны.

Я сажусь за руль и чувствую себя рок-звездой.

— Я не могу принять ее, — говорю я маме испуганным голосом.

Она сидит на пассажирском сиденье, тыкая на кнопки телефона на приборной доске.

— Зейн дал ясно понять, что не примет подарок обратно, — говорит она. — Виолетт, он хочет, чтобы у тебя была эта машина.

Я держусь за руль обеими руками, опустив плечи.

— Из-за вины.

— Виолетт. Оставь машину. Наслаждайся ею. Начни снова улыбаться. — Мама поправляет прядь моих волос.

— У тебя только несколько месяцев до того, как ты уедешь в колледж. Просто... наслаждайся каждым днем. Хорошо?

Я закрываю глаза и представляю лицо Зейна. Я быстро открываю их снова.

— Ладно, — говорю я. — Я постараюсь.

Без сожалений.

Да, конечно.

Я помогаю маме убрать наш рождественский беспорядок, затем запрыгиваю в свою старую «тойоту» с сумкой, полной подарков, и направляюсь к Лорен. После того, как я подарила свои подарки и приняла ответные, я отвожу Лорен в сторону и отдаю ей ключи от своей машины.

— Она старая, но ты знаешь, что машина в хорошем состоянии, — говорю я, пока она пристально смотрит на меня, остолбенев. — Ты можешь пользоваться ею или продать, как хочешь.

— Ты шутишь, Ви? — Лорен пытается отдать ключи мне назад. — Ты не можешь отдать мне машину. На чем ты будешь ездить?

Я беспокойно тру лоб.

— Э-э... ну, Зейн вроде как... купил мне новую.

У Лорен отвисает челюсть.

— Серьезно?

— Ага. Отвези меня домой и сама все увидишь.

Мне приходится запугивать Лорен, чтобы она взяла мою «тойоту». В конце концов, мне приходится воззвать к ее совести, напоминая ей, что ее семье будет намного легче, если в доме появится две машины, особенно после того, как родится ребенок.

Наконец, она сдается и удивляет меня объятиями. Лорен никогда не обнимается. Должно быть, во всем виноваты гормоны.

Всю ночь я спорю сама с собой, и под утро решаю послать Зейну простую записку с благодарностью вместе со скульптурой русалки и моделью двигателя Стирлинга, которые я собиралась подарить ему на Рождество. Я знаю, что это выглядит глупо, он дарит мне «бентли», а ему русалку и игрушку. Но... я ведь купила ему эти подарки до того, как мы расстались.

Я узнаю адрес у мамы и отправляю все это прежде, чем могу передумать. Потом я сразу же жалею об этом.

О чем я только думала?! Он посчитает меня дурой, играющей в игры. Уверена, что он посчитает мои подарки глупыми. Готова поспорить, он даже не вспомнит тот день в галерее.

О Боже, что же я наделала?

Глава 35.

В новогоднюю ночь я работаю, что замечательно, так как у меня все равно нет на нее никаких планов. Один из племянников постояльца принес фейерверк, и мы провожаем на улицу всех, чтобы установить его. Постояльцам нравится небольшое

представление, они наблюдают с улыбкой за вспышками света в ночном небе. Затем мы заходим внутрь, чтобы попить горячего шоколада и рутбира¹.

Все это время мне удавалось вести себя жизнерадостно и быть веселой, но к концу смены я чувствую себя истощенной. Хейлиз замечает, как тихо я себя вижу и спрашивает, как я.

Я заставляю себя улыбнуться.

— Я в порядке. Э-э... могу я задать Вам личный вопрос?

Сегодня она чувствует себя замечательно. Она встречается со мной взглядом в отражении зеркала, когда расчесывает свои седые волосы.

— Ты подтираешь мне задницу и терпишь все мои странности и выходки, дорогуша. Думаю, это дает тебе право спросить. Вперед.

Я смеюсь.

— Фу. Ладно. Вы... Вы когда-нибудь сожалели, что не вышли замуж и не создали семью?

Внезапно взгляд Хейлиз затуманивается, она смотрит куда-то вдаль.

— Не сказала бы, что да, — наконец говорит она. — У меня было много замечательных впечатлений, я делала такие вещи, которые не смогла бы позволить себе, если бы остепенилась. Я много путешествовала. Я рассказывала тебе, как занималась дельтапланеризмом в Парагвае?

— Нет, но это, должно быть, интересная история, — говорю я.

— Сейчас расскажу... — И она начинает удивительный рассказ о своих приключениях в Парагвае. В этот раз она не оказывается в тюрьме.

Позже, когда я накрываю ее одеялом, глаза Хейлиз вдруг начинают блестеть.

— Иногда я думаю, как все могло бы быть, — шепчет она, когда я наклоняюсь ближе к ней. — Дело в том... что я была очень гордой девушкой. Я никогда не хотела рисковать, чтобы не обжечься. Разве это не забавно? Я могла с головой ринуться в захватывающие приключения, но когда дело касалось моего сердца, я становилась трусихой. Чарли любил говорить...

Она негромко смеется.

— Он всегда говорил: «Хейлиз, ты еще пожалеешь, что не простила меня. Я мог бы быть твоим величайшим приключением в жизни». Но в последний раз, когда я видела его, он растолстел и жил в Арби.

— Ничего себе, — бормочу я, поправляя ее носовую канюлю. — Пуля не достигла цели.

— Точно.

— Что ж, Хейлиз, — говорю я, поправляя ее постель. — У Вас всегда есть я.

— Да... дорогая, повтори-ка еще раз свое имя?

Она, конечно же, шутит. Видите ли, никто никогда не говорил Хейлиз, что она неудачно шутит. Упущение.

Рассвет нового года, а я лежу в постели в одиночестве, сожалея о многом. Правильно ли я поступила, расставшись с Зейном? Он лгал мне. Возможно, он и не использовал меня, но он также и не доверял мне. Даже если когда-нибудь я и смогу простить его, смогу ли я подстроиться под его образ жизни рок звезды?

Я не смогу примириться со всеми девушками, которые постоянно преследуют его, мне придется разбираться с ними. К тому же, встречаясь с ним, я буду на обозрении у всей публики. Смогу ли я выдержать это? Не думаю. О Боже, я прям

представляю, как папарацци застают меня врасплох, окружая, а я начинаю кричать им «пенис!». А затем появляется моя мама и рассказывает им о том, как ее милая доченька исполняла стриптиз в пекарни ее бабушки.

Я так и представляю заголовки: «Эйден Кросс встречается с девушкой, больной синдромом Тауретта1».

Никому не понравятся такие заголовки. Слишком длинные.

Да. Это было бы паршиво.

Находиться в школе, после того, как возобновились занятия, паршиво, особенно без Лорен. По крайней мере, все слишком заняты рассказами о том, как они провели каникулы, чтобы сплетничать о ней и мистере Дженсене. Я уже устала кричать на всех. Как будто в первый раз учитель связался с ученицей из Хайден Ков. Это даже не в пятый раз, если слухи о миссис Голихан и Эдварде Альва правдивы.

Ох, также появились новые слухи о том, что «бентли» мне купил наркоторговец и сутенер. Возможно, это я непреднамереннопустила этот слух, когда сучка-чирлидирша Алиса спросила меня, с кем я переспала ради такой машины.

Я, должно быть, упомянула что-то о своем папочке — наркоторговце и сутенере. Теперь концов и не найти.

Я дома, работаю над своей книгой, когда звонит мой телефон. Я с удивлением смотрю на экран. Это Ким.

— Привет, Ким, — отвечаю я. — Что случилось?

Веселый голос Ким звучит громко и взволнованно.

— Боже мой, Виолетт! Ты смотрела сегодня «Шоу Джоанны»?

— Э-э, нет. Я вообще такого...

— Эйден Кросс был там, и он говорил о тебе! — кричит она.

— Ч-что?! — Ни фиги себе! — Что он говорил?

— Боже! Я записала эту передачу... ты должна прийти ко мне и посмотреть ее!

— Что он сказал?!

Я уже бегаю по комнате в поисках своей обуви, пока Ким визжит мне в ухо.

— Ты должна увидеть все своими глазами. Виолетт! Я тебе так завидую! Он нереально горяч!

— Знаю! — кричу я в ответ. — Могу я прихватить Лорен с собой?

— Конечно! Боже мой!

По пути я пишу Лорен, что заеду за ней. Она едва успевает открыть дверь, когда я за руку вытаскиваю ее наружу. Я ужасно нервничаю и едва могу вести машину. Зейн говорил обо мне?! На национальном телевизионном шоу!

Что же он сказал? О боже... он назвал мое имя?! О чем он только думал? Или, возможно, он говорил о другой девушке, а Ким все перепутала? Кому-то не поздоровится, если это так.

Мэтт открывает дверь, прежде чем я успеваю постучать. Я так взволнована, что чуть не бью его кулаком по лбу.

Кажется, он шокирован при виде меня.

— Виолетт! Что ты здесь...

— Ага, — бормочу я и практически отталкиваю его в сторону.

Я затаскиваю Лорен внутрь и замечаю Ким, подпрыгивающую на верхней ступеньке. Ее глаза возбужденно искрятся, когда она машет нам.

Я перепрыгиваю через две ступеньки, Лорен следует за мной намного медленнее. Я, конечно же, спотыкаюсь и падаю, но сразу же встаю.

— Что он сказал? — задыхаюсь я, поднимаясь наверх.

Ким качает головой, улыбаясь.

— Нет, ты должна это видеть.

— Подожди, просто скажи мне... он отзывался обо мне хорошо или плохо? Я имею в виду...

— Определенно хорошо. Пошли!

Она ведет нас в свою комнату, и мы плюхаемся на кровать перед большим телевизором с плоским экраном. Ким берет пульт и нажимает на пару кнопок.

Я не готова видеть Зейна, внезапно появившегося на экране. После того, как он лишь снился мне... видеть его своими глазами... ошеломляющее чувство. Боже, он прекрасен!

Образ Эйдена Кросса, его мужская красота, просто сражают меня, как удар. Он выглядит замечательно и сексуально в черном свитере с V-образным вырезом и темных джинсах. Его темно-русые волосы идеально взъерошены (без сомнения, это заслуга крутых стилистов), а его лазурно-голубые глаза настолько яркие, что, кажется, готовы выскочить из экрана.

Все остальное меркнет, когда я наблюдаю за тем, как смеется Зейн и болтает с Джоанной, изобретательной хозяйкой ток-шоу. Он совершенно очарователен и сексуален, и женщины в аудитории не могут перестать кричать и хихикать над каждым его словом. Боже, я не виню их.

Я восхищенно слушаю, как Джоанна поет ему дифирамбы о том, как много альбомов продал он, сколько наград Грэмми он выиграл, в то же время, осторожно задавая вопросы о его личной жизни. Зейн ловко уклоняется от таких вопросов, посмеиваясь или отшучиваясь.

Чем дольше я наблюдаю за ним, тем больше я вижу признаков Зейна в известной рок-звезде. Его полуулыбка. То, как он потирает свою челюсть, когда думает о чем-то другом. Как он наклоняет голову, когда его что-то позабавит.

То, как его мышцы напряжены на груди и руках, когда он...

Ого. Эта мысль выскочила из ниоткуда. Плохая Виолетт. Качая головой, я пытаюсь сосредоточиться на интервью.

— Должна заметить, ты занятой человек, — говорит обыденным тоном Джоанна, невинно улыбаясь Зейну. — Должно быть, сложно встречаться с кем-то при таком-то графике.

Он откидывается на спинку стула и выглядит полностью расслабленным.

— Да. Вообще-то, я каждый день провожу в своей звукозаписывающей студии, работая над новыми песнями. И в октябре у меня турне, так что к нему я тоже готовлюсь. Я знаю, что до этого еще далеко, но буду отсутствовать практически год...

— Да, хммм, — Джоанна кивает задумчиво. — Итак, как Элейна относится к тому, что ты так много времени проводишь в разъездах?

Я сильно прикусываю губу при упоминании этой знаменитой сучки.

— Ты садистка, Ким, — бормочу я.

Она затыкает меня.

— Подожди.

— Ничего... — По телевизору Зейн кажется недостижимым, продолжая улыбаться. — Какое ей до этого дело?

— Она ведь твоя девушка, разве не так?

— Мы друзья.

— Хмм. Ладно. — Настойчивая хозяйка шоу пытается применить другую тактику, в то время, как аудитория хихикает от ее выходок. — Скоро день Святого Валентина.

— Да ну? — Зейн пытается выглядеть спокойным.

— Ага. Итак, Эйден, уверена, что все женщины в этом зале хотели бы знать, каким ты себе представляешь идеальный день Святого Валентина?

Публика пищит и улюлюкает. Зейн смотрит на них и смеется.

— Блин, теперь я должен сказать что-то романтическое и милое, да?

— Необязательно. Думаю, это зависит от женщины. Например, от... Элейны Скай.

Он смотрит вверх, как будто прося у кого-то помощи.

— Ты не отстанешь от меня, да? — спрашивает он добродушно.

— Я снова назвала ее имя? — Джоанна трясет своими темными кудрями. — Извини. Ты просто похож на романтика. Как бы ты хотел провести этот особенный день?

Я наклоняюсь вперед, пытаюсь услышать его ответ. Как бы мы провели день Святого Валентина? Для меня этот день был бы идеальным, если бы мы провели его вместе... валяясь в кровати.

Зейн колеблется всего секунду. Он делает глоток из своей чашки, перед тем как ответить.

— Это может показаться скучным, но я хотел бы просто позависать с ней? Провести все утро в кровати...

Публика кричит, а в ответ он сексуально улыбается им.

— Затем мы бы пообедали с ней вдвоем в гостиной. Время очень дорого для меня, поэтому, думаю, что я просто хотел бы провести с ней целый день наедине. Думаю, не каждая женщина оценит это, но...

Лорен поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Он только что описал тот день, который вы вместе провели в отеле?

Я ошеломленно киваю.

— Думаю... да.

— Какой же он милашка! — пищит Ким. Кровать сотрясается от ее волнения.

— Могу сказать, Эйден, что ты можешь привести девушку даже на помойку, и она будет в восторге. Я права, леди?

Джоанна подмигивает неистовствующей толпе.

— Теперь, давай поговорим о твоей таинственной девушке. Как она выглядит? Рост 170 см? Блондинка с голубыми глазами? Тату с дельфином?

Элейна Скай. Фу.

С мгновение Зейн и Джоанна смотрят друг на друга, как стрелки на дуэли. Затем они оба смеются.

— Ладно. — Все еще посмеиваясь, Зейн слегка пожимает плечами. — Вообще-то, Джоанна, ее рост примерно 165 см, у нее карие глаза, длинные каштановые волосы. У нее нет татуировки, а если бы она была, то это был бы кролик.

Я краснею, мое сердце вдруг начинает колотиться. Он говорит обо мне!

Я уверена на 90 процентов в этом.

— Кролик, Виолетт? Серьезно?

— Тссс!

— Ничего себе, — говорит Джоанна. — Это очень... специфично. Ты описываешь свой идеал или девушку?

Зейн улыбается.

— Обоих.

— Охх! — одновременно восклицают Ким и зрители.

Джоанна наклоняется вперед, положив подбородок на руки.

— Расскажи поподробнее.

— Э-э... — Попав в тупик, он посмеивается, глядя на свои руки. — Дело в том что... я сильно обидел ее. Не думаю, что она когда-нибудь простит меня. Так что... я не знаю.

Публика снова восклицает.

— О, нет, — сочувственно говорит Джоанна. — Что же ты наделал?

Зейн лишь качает головой, загадочная улыбка играет на его губах. Когда ведущая продолжает пронзительно смотреть на него, он лишь смеется.

— Что? Это все, что я могу сказать.

— Эйден, ты не можешь так с нами поступить.

Он молчит, все еще улыбаясь. До боли красивые голубые глаза смотрят прямо на нее, отказываясь вдаваться в подробности.

Наконец, она вздыхает.

— Ладно. Время нашего эфира подходит к концу. Но я должна сказать, что кем бы она ни была, она будет полной дурой, если не простит тебя. Уверена, что между вами все наладится.

Зейн негромко вздыхает. Кажется, что через камеру он смотрит прямо мне в глаза, говоря:

— Надеюсь на это.

Я не могу перестать думать об интервью Зейна. Хочет ли он все еще быть со мной? Значит ли это, что теперь решение за мной? Что же мне делать? Ведь ничего не изменилось. Он все еще один из самых знаменитых людей в мире... а я, это лишь я. Предположим, мы будем встречаться... а дальше что? Что произойдет, когда он уедет в турне. Я буду страдать.

Я уже сейчас страдаю. Не знаю, что мне делать. Я скучаю по нему. Так сильно.

Глава 36.

Мама планирует вечеринку-сюрприз в честь моего дня рождения. Я знаю это, потому что она не умеет хранить секреты.

В прошлом месяце она уронила целую кучу пригласительных прямо передо мной. Кажется, она пригласила каждого нашего родственника, возможно, потому что у меня практически нет друзей.

Я не хочу вечеринку на день рождения. Это последнее, что мне нужно сейчас. Но как я скажу ей это, не обидев? В последнее время она была настолько ранимой,

плакала по любому поводу. Рядом с ней и Лорен я чувствую себя, словно в какой-то рекламе Kleenex.

В день вечеринки (о которой я не должна знать) мама ведет нас с Лорен в отличный спа-салон. Нам очищают лицо, делают массаж и прически, и я не знаю, почему мы согласились на это, так как не любим, чтобы нас трогали незнакомцы.

Мама особенно ненавидит, когда прикасаются к ее лицу, но, сжав зубы, она проходит через это, и я делаю то же самое ради нее. Лорен просто пытается укусить каждого, кто подходит к ней слишком близко. Сегодня она слишком ворчлива.

После мы идем по магазинам, чтобы купить одежду на сегодняшний вечер. Мои мысли за миллион миль отсюда, так что я даю маме карт-бланш на выбор платья для меня. Я продолжаю думать о том, что сказал Зейн однажды на пляже. Живи мгновением. Не беспокойся о том, что может произойти.

Я пытаюсь представить свою жизнь в качестве девушки Эйдена Кросса. Я не могу. Черт, я едва представляю себя девушкой Зейна О'Коннора. Но я также пытаюсь представить себе жизнь без него, и от этой мысли мне хочется плакать.

— Виолетт, ты должна примерить это платье!

Мама всучивает мне что-то красное. Когда она замечает выражение моего лица, то хмурится.

— Ты в порядке? Выглядишь так, как будто сейчас заплачешь.

— Нет, — говорю я, быстро мигая. — Это, э-э... стрекоза. Она чуть не залетела мне в глаз.

— Стрекоза? Где? — Мама в панике обернулась. Она ненавидит насекомых, и это доходит до психоза.

— Ага, она улетела. Э-э, а где примерочные?

— Вон там, — отвечает она, указывая на знак, перед которым мы стоим, с надписью «Примерочная».

Я откашливаюсь.

— Ох. Хорошо. Лорен, ты хочешь что-то примерить?

Лорен без энтузиазма показывает несколько платьев. Видно, что их подобрала мама, которая, кстати, не подозревает, что Лорен беременна.

Мы обе тащимся в примерочную. Я ненавижу их. Я всегда чувствую себя странно, переодеваясь перед зеркалом. И я постоянно переживаю о том, что-то какой-нибудь маленький мальчик будет подсматривать за мной. Это произошло когда-то на самом деле.

Маленькому извращенцу было восемь лет. Я никогда не забуду его огромные глаза и гигантскую ухмылку, в то время, как я прикрывалась рубашкой и пыталась отогнать его.

Я быстро сняла рубашку и джинсы и примеряла платье. Оно огненно-красного цвета, с коротким топом, а спина практически не прикрыта. Юбка короткая и колышется со мной в унисон при ходьбе. Ладно, мне нравится это платье.

— Виолетт, выйди, чтобы я смогла посмотреть на тебя! — кричит мама снаружи.

Закатывая глаза, я делаю, как она просит. Когда она видит меня, ее глаза слегка расширяются.

— Ох, ничего себе. Я не думала, что платье такое сексуальное. Хотя ты выглядишь в нем замечательно. Тебе нравится?

— Да, — говорю я. Я стараюсь натянуть топ, чтобы прикрыть грудь, но у этого платья такой дизайн, что мои попытки оказываются безуспешными.

— Не думаю, что оно подойдет для сегодняшнего... э-э... ужина. В ресторане.

— Ох. Какой ресторан? — спрашиваю я, не в состоянии протестовать желанию завести ее в тупик.

— Разве я тебе не рассказывала? — мама ерзает на своем месте и приглаживает свои светлые волосы. — Э-э, это «Времена года»?

— Ты меня спрашиваешь?

— Да, уверена, что это тот ресторан. Точно. — Она негромко фыркает. — Извини. Мозги беременной. Ты же знаешь, каково это. Нет! Нет, ты уж точно не должна знать каково это, ведь ты не беременна.

— Нет, уж точно, — вздыхаю я.

Мама облегченно смеется.

— Слава Богу. Кроме того, что ты еще слишком молода, насколько странно это выглядело бы? Мы — беременные одновременно? Я беременна твоим младшим братиком или сестричкой, а твой ребенок, будет моему племянником или племянницей с обеих сторон!

Молодая пара, стоящая рядом, смотрят на нас, вытаращив глаза, а затем быстро уходит прочь.

— Лорен! — кричу я отчаянно. — Выходи!

Я решаю купить платье. У меня нет парня, ради которого я хочу быть сексуальной, но если в нем я чувствую себя хорошо, то почему бы и нет? Лорен выбирает милое черное платье, которое подчеркивает ее бледную кожу.

Мы готовимся к вечеринке в моей комнате, затем Лорен должна занять меня чем-то на несколько часов, пока мама все подготовит.

Лорен в курсе, что я все знаю, поэтому она не притворяется. Мы решаем целый день смотреть фильмы у нее дома, пока не настанет время вернуться домой и притвориться удивленной. Я хочу остаться здесь, вместо того, чтобы разыгрывать радость перед кучкой людей. Вообще-то, мне хотелось бы гулять на пляже весь день — просто смотреть на волны и думать. Я знаю, что собираюсь сделать, но мне просто нужно набраться смелости для этого.

Итак, мама разгулялась по полной: сложные декорации, официанты, диджей... оркестр. Ладно, про оркестр я пошутила. Практически все, кто был на свадьбе присутствуют и на моей вечеринке, даже Тейлор. Наверное, она надеется позависать с Зейном.

Ох, а Мэтт с Рейчел тоже здесь! Почему она пригласила их? Зачем они пришли? Было ужасно неловко, когда они подошли поздравить меня. Рейчел все еще не может смотреть мне в глаза, так же, как и Мэтт. Я не понимаю. Когда мы встречались, он никогда не был так заинтересован в моем теле, а сейчас он не может оторвать глаз от моей груди. Странно.

Мне интересно, знает ли Зейн, что сегодня мой день рождения? Готова поспорить, мама обо всем рассказала ему. Она, должно быть, также рассказала ему и о ребенке.

Сможет он выделить время, оторвавшись от своей звездной жизни, чтобы навестить ее после родов?

Всю вечеринку я нервничаю. Я прилипла к Лорен и пофиг, что это может показаться грубостью. Я хочу поговорить с Зейном.

В тот момент, когда я решаю ускользнуть, чтобы позвонить ему, мама перехватывает меня и говорит, что официанты сейчас вынесут торт. Так что я натягиваю на лицо улыбку, пока они подносят огромный шоколадный торт «Добаш» — мой любимый! Все поют мне, а я пытаюсь не сgrimасничать, когда задуваю свечки. Кто-то вставил в мой торт свечку с сюрпризом и мне приходится дуть так сильно, что одно из украшений на торте — крохотная корзинка в виде подарка на день рождения — слетает с торта и попадает моей маленькой кузине Белле прямо в глаз.

Она кричит и кричит, и в этом хаосе моей прабабушке удастся пробраться ко мне и сильно сжать мои груди, наверное, с какой-то целью, я не знаю. К несчастью, несколько людей сняли этот момент на видео, так что я вынуждена буду всегда помнить об этом. Ведь все запечатлено на пленке. И, наверное, попадет в интернет.

Мои груди болят. Я просто хочу, чтобы все разошлись по домам. Я пытаюсь сбежать в сад, но Лорен перехватывает меня.

— Мне нужно поговорить с тобой, — говорит она. Какая-то загадочность скрывается в ее больших карих глазах.

— Э-э, хорошо. — Встревоженная выражением ее лица, я киваю в сторону задней двери. — Мы можем выйти в сад или...

— Я видела там твоих кузенов. Думаю, они собираются играть в футбол или курить марихуану.

— Что?! Надеюсь, что они не осмелятся, — говорю я, пытаюсь рассмотреть их в окне.

Но Лорен хватает меня за руку и тащит за собой.

— Пошли в твою комнату.

Что с ней происходит? Она что, собирается рассказать мне, что у нее двойня? Ого! Напряжение, наконец, сказалось на ней? Несмотря на то, что свет в моей спальне уже горел, она нажимает на выключатель дважды.

Я подмигиваю ей.

— Это что ли твой новый ритуал?

Лорен кривится.

— Это все из-за беременности.

Ладно. Беременность делает женщин рехнувшимися.

— О чем ты хотела со мной поговорить? — спрашиваю я ее.

— Я хотела узнать, счастлива ли ты, — выпаливает она. Она вышагивает перед французскими дверями. — Потому что ты кажешься несчастной. Ты хорошо держишься на людях, но я то знаю. Ты сожалеешь, что рассталась с Зейном?

Не заметив, что я задержала дыхание, я выдыхаю.

— Да, — вздыхаю я. И падаю на кровать. — Я до боли соскучилась по нему. Думаю, я позвоню ему. Я знаю, что возможно, между нами ничего не выйдет, и мое сердце разобьется на миллионы маленьких осколков. Но я люблю его. Я лучше буду иметь частичку его, чем вообще ничего. Мне наплевать, я справлюсь.

Во время моей речи Лорен выглядывает в окно.

— Ты уверена, что он стоит того?

— Да, — говорю я. — Стоит.

Наконец, она поворачивается. Улыбаясь, она открывает французские двери.

— Будем надеяться, что ты права.

— Что...?

Звуки гитары слышны через двери. Это мои обкурившиеся кузены? Если это так, то они хороши. Хмурясь, я следую за мелодией на балкон. Мелодия навязчиво прекрасна, но в то же время и болезненно сексуальна.

Окна моей комнаты выходят на сад. Я вглядываюсь в темноту, пытаюсь найти источник музыки.

Высокая фигура вдруг встает в круг света, отбрасываемый из моего окна.

Я задыхаюсь, закрывая рот руками.

Это Зейн!

Он играет на гитаре с чарующей легкостью. И он смотрит на меня своими знаменитыми голубыми глазами, которые, кажется, светятся в полутьме. Наши взгляды встречаются.

Затем он начинает петь, своим удивительно грубоватым голосом, который я слушала раньше и о котором мечтала так давно. Он поет мне.

Стою у бездны на краю,
Вся ложь, как на ладони,
Себе я оправданий не ищу,
Переживая череду агоний.
И я сорвался, канул вниз,
Где я теперь, не знаю,
Ирония судьбы, каприз,
Я заживо сгораю.

Вдруг сад освещается тысячью огоньков, озаряя участников группы Зейна, стоящих позади него. Барабанщики, гитаристы, клавишники... все играют. Они присоединяются к Зейну, ускоряя песню.

Вокруг меня все пустота,

Надменность, фальшь и ложь,
Ты путеводная звезда,
Меня домой ведешь...
Одной тобою я дышу,
Прости, прошу тебя...
Лишь этим я сейчас живу,
Прощения моля...
Вокруг меня все пустота,
Надменность, фальшь и ложь,
Ты путеводная звезда,
Меня домой ведешь...
Скажи: «люблю, я жду, вернись»,
Я брошу все на свете,
К тебе немедленно примчусь,
Чтоб быть с тобою вместе...
Вокруг меня все пустота,

Надменность, фальшь и ложь,
Ты путеводная звезда,
Меня домой ведешь...

Зейн доигрывает последние прекрасные ноты на гитаре, медленно приближаясь, и теперь он стоит практически под моим балконом.

Отдаленно я слышу бурные аплодисменты. Я и не осознавала... Я была так сосредоточена на нем, что не заметила, собравшуюся толпу, жадно наблюдающую за нами.

Мне наплевать. Я вижу только Зейна. Я вижу его, а не рок-звезду, мечту каждой девушки. Я вижу парня, который смеялся со мной, ссорился со мной, держал меня за руку и любил. Вот он смотрит на меня так, как будто я единственная на земле.

Я должна спуститься к нему. Я перебрасываю одну ногу через перила. Лорен быстро хватается меня за руку, останавливая. Смеясь, Зейн поднимает руку, чтобы тоже остановить меня.

— Я поднимусь, — кричит он.

Он перекидывает свою гитару за спину. Прямо сейчас он такой сексуальный, что у меня подкашиваются ноги. Затаив дыхание, я наблюдаю, как он ловко взбирается по дереву, растущему рядом с моим балконом. Спустя секунду он хватается за перила и останавливается передо мной.

Мой голодный взгляд впивается в него, в его знакомую сексуальную ухмылку, в эти безупречные черты лица. Наконец-то, он стоит передо мной на расстоянии вытянутой руки.

Его напряженные голубые глаза смотрят на меня, подобно звездам, мерцающим на лице падшего ангела.

— С Днем рождения, Виолетт, — говорит он мягко. Кончики его пальцев легко скользят по моей щеке.

Я так поражена этим парнем, в которого влюблена, что едва могу выговорить «спасибо» в ответ.

Он снова сверкает своей полуулыбкой.

— Эти перила немного неустойчивы.

— Ох!

Я отпрыгиваю назад, уступая ему место. Он с легкостью перебрасывает одну длинную ногу через перила и, повернувшись, запрыгивает на балкон. Теперь он стоит передо мной.

— Итак... — начинаю я неловко, чувствуя себя невероятно застенчивой. Я осторожно протягиваю руку, чтобы прикоснуться к его взъерошенным волосам.

— Блондин, да?

Он замирает от моего легкого прикосновения.

— Виновен, — бормочет он.

Я делаю глубокий вдох, молясь о мужестве. Мне нужно так много сказать ему, но теперь, когда он здесь, я не знаю с чего начать.

— Эйден...

— Зейн, — поправляет он меня яростно, беря меня за руку и сжимая ее. — Для них я Эйден. — Он кивает в сторону остального мира.

Дыша неуверенно, я смотрю на него.

— Что если я влюблена в обоих?
Он улыбается, протягивая руки.
— Тогда я весь твой.

Эпилог.

Хотела бы я сказать, что жили мы после этого долго и счастливо, но это было бы слишком просто.

Люди сняли на видео, как Зейн пел мне, и оно в итоге попало в интернет. Таким образом, очень личные детали наших отношений просто взорвали сеть. Меня взяли под прицел все СМИ. Я уже привыкла к сплетням и оскорблениям, но это ведь совсем другой уровень.

Мои фотографии повсюду в интернете и на телевидении... меня сфотографировали, когда я покупала тампоны в магазине, когда я рассматривала свою пятую точку в зеркале, и, моя самая любимая — когда за мной гонялась вокруг Тако Белл какая-то сумасшедшая фанатка.

Она была очень толстая. Я убежала.

Ох, а в школе дела еще хуже. Половина школы ненавидит меня, а другая часть хочет стать моими лучшими друзьями.

Алиса Шермер пытается дружить со мной. Но я пресекаю эти попытки на корню. Тупая ведьма.

Все это внимание ошеломляет меня и не в хорошем смысле этого слова. Я ненавижу его! Быть девушкой суперзвезды первой величины означает, что эта девушка не может даже пиццу съесть незаметно. За мной следят круглосуточно.

Как Зейн выдерживает это? Я никто, но папарацци преследуют меня ежедневно. Как он справляется с теми козлами, которые суют ему камеры в лицо и задают личные вопросы так, как будто имеют право знать все детали его жизни? Один придурок поджидает меня после работы и школы каждый день, только ради того, чтобы спросить каков размер моей груди.

Когда я рассказала об этом Зейну, он сразу же нанял мне телохранителей, которые теперь сопровождают меня. Они также стали моими шоферами, что мне очень нравится. Я люблю свой «бентли» и всегда переживаю, что с ним может что-то случиться. Например, нападение сумасшедшей фанатки.

Я ненавижу быть в центре внимания. Но я готова пожертвовать всем ради того, чтобы быть с Зейном. Я даже пытаюсь терпимо относиться к его одержимым поклонникам. Это сложно, но я стараюсь. Теперь я полностью доверяю Зейну, и я учусь жить мгновением.

Ох, я закончила свою тайную книгу. Я назвала ее «Тайный принц». Креативно, да? У этой книги хорошие продажи. Думаю, что многим людям хочется верить в счастливые концы. Черт возьми, я рада, что мне достался такой конец.

Это не единственная хорошая новость. Я наконец-то решила издать свою серию книг «Изменяя время» и подписала контракт еще на пять книг. Также ходят слухи о том, что книгу будут экранизировать! Я еще не решила, готова ли я к такому повороту событий. Зейн считает, что я должна попробовать. Я сказала, что рассмотрю это предложение, если он будет играть главную роль.

Июль...

— Виолетт!

Ким крепко обнимает меня. Я удивлена тем, что ужасно соскучилась по ней. В ее вьющихся волосах теперь появились светлые пряди, и они подходят к ее золотистому загару.

— Замечательно выглядишь, — говорю я ей, пока она ведет меня в свою комнату.

— Я? Ты на себя посмотри! Ты действительно выглядишь, как девушка рок-звезды. — Смеется она. — Мне нравится твой цвет волос.

— Вообще-то, это мой натуральный цвет, — говорю я, неосознанно проводя рукой по волосам. — Ох, пока я не забыла, Лорен просила поблагодарить тебя за те вещи, что ты прислала ребенку.

— Ох, да без проблем! С малышкой Роззи все в порядке?

— Да! — сияю я. — Лорен, наконец, разрешили забрать ее из больницы на прошлой неделе. Врачи считают, что у малышки не должно быть проблем из-за того, что она родилась преждевременно, так что мы можем теперь вздохнуть с облегчением.

— Слава Богу. — Ким приглашает меня присесть на кровать. — Она выглядит такой милой и крохотной на тех фотографиях, которые прислала Лорен. А как Лорен себя чувствует?

Я пожимаю плечами.

— С ней все в порядке. Ее мама и кузина помогают ей с ребенком, скорее всего, она поедет в Стэнфорд осенью.

— Это же замечательно! Я так рада за нее. И за тебя. — Ким ловко меняет тему разговора. — Каково это — жить с Эйденем Кроссом? Подруга, я так завидую тебе!

Я не могу сдержать улыбку.

— Хорошо. Лучше, чем я думала. А как ты?

— О, нет, — говорит Ким быстро. Она плюхается в свое кресло и указывает на меня. — Сначала ты расскажешь мне все о своей звездной жизни. Ты уже ходила на какие-то вечеринки? Встречала других звезд? Я видела вашу фотографию на премьере «Глубоководных»! Как все прошло?

— Было весело, — признаюсь я. — Хотя было стремно идти по красной дорожке. Люди все время указывают тебя куда идти, поклонники кричат, а камеры вспыхивают. Меня стошнило.

— О нет! Прямо там?! — Ким в шоке смотрит на меня.

— Прямо на Элейну Скай. Она шла позади нас.

Мы смотрим друг на друга, а затем разражаемся смехом. Я познакомилась с Элейной Скай и оказалось, что она та еще стерва. Я не знаю, почему Зейн дружит с ней. И я не пыталась попасть в нее, как она утверждает.

Как можно целиться во время рвоты? Тупая сучка.

— Ты собираешься поехать вместе с Эйденем, то есть с Зейном, в тур в октябре?

Я киваю, играя с цепочкой ожерелья, спрятанного под рубашкой.

— Ага... я решила отложить учебу в колледже на время работы над своими книгами. А этим я могу заниматься где угодно, поэтому, почему бы не поехать с ним в турне? Я тоже очень взволнована по этому поводу. Я еще не выезжала за пределы США.

— И ты будешь со своим любимым, — дразнится Ким. — Счастливица!

— Знаю! — я не могу перестать хихикать вместе с ней.

— Надеюсь, ты пригласишь меня на свадьбу, — шутит она, ее глаза озорно сверкают, пока я краснею от смущения.

— Ага, хорошо, что ты вспомнила об этом. Я хотела сказать тебе лично...

Я достаю свое ожерелье из-под рубашки. Глаза Ким расширяются, когда она замечает кольцо, висящее на цепочке. Она подбегает ко мне, чтобы рассмотреть его, и так громко кричит, что, боюсь, соседи могут подумать, будто я убиваю ее.

— О Боже! — пищит она, держа кольцо и при этом, пытаясь задушить меня. — Оно прекрасно! Когда он сделал тебе предложение? Как это было?

— Месяц назад, когда мы были на Мауи¹.

Я втайне улыбаюсь, вспоминая самый идеальный момент под водопадом. Где были только мы вдвоем.

Я наблюдаю, как Ким восхищается бриллиантом в безупречной платиновой оправе. Думаю, что она предполагает, сколько может стоить кольцо. Меня этот вопрос тоже интересует, но я боюсь спрашивать об этом у Зейна. Чувствую, что оно стоит, как небольшая страна.

— П-поздравляю! — бормочет она, обнимая меня еще раз. — Когда свадьба?

Я прячу кольцо под рубашку.

— Э-э... мы пока не определились. Я ведь даже маме еще не рассказала! Я жду, пока она родит. Не хочу спровоцировать преждевременные роды, — уныло шучу я.

— Как думаешь, она разозлится?

Я втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы.

— Наверное, — говорю я, нервно рассматривая свои ногти. — Думаю, она хочет, чтобы мы подождали со свадьбой до того, как я закончу колледж, но... мы не хотим ждать так долго.

Конечно, наши с ним представления об ожидании отличаются. Зейн хочет, чтобы мы сделали это до того, как уедем в турне в октябре, а я хочу подождать год.

Он пообещал мне, что если мы сразу же поженимся, то он составит брачный контракт в мою пользу: если я узнаю, что он изменяет мне, ему придется набрать 100 фунтов веса, плюс ко всему он будет говорить каждой женщине, которая встретится ему, что у него вши. Не думаю, что такие оговорки юридически легальны, но это интересная мысль.

Мы с Ким болтаем еще несколько минут. Она рассказывает мне о парне из колледжа, которого встретила на пляже на прошлой неделе, также она делится последними местными сплетнями. Мэтт и Рейчел расстались! Ким говорит, что Мэтт изменил Рейчел с какой-то приезжей девушкой.

Мне жаль Рейчел. После всего произошедшего, я в какой-то мере благодарна ей. Нет, это чересчур. Скажем так, я рада, как все обернулось.

Я встречаюсь с моим женихом (!) на обеде у мамы и Билла. Мама огромная. Я чуть было не пошутила насчет того уверена ли она, что внутри нее один ребенок, но я вовремя смогла остановиться. Она ужасно эмоциональна: в одну минуту она плачет, а в следующую — радуется и хихикает. Бедный Билл выглядит испуганным.

После ужина мы с Зейном идем на прогулку. Догадайтесь, где мы оказываемся? У бассейна, где все волшебство и началось.

— Сегодня я сказала Хейлиз, что мы помолвлены, — говорю я ему, после того, как мы усаживаемся на шезлонги.

— Да? И что же она сказала?

— Она уверена, что я беременна, — смеюсь я. — Она сказала, что это единственная причина, по которой такая молодая девушка, как я, будет выходить замуж так быстро. Она все еще не доверяет тебе. Говорит, что ты слишком красив.

— Да, это проклятие. — Зейн улыбается и качает головой. Он тянется и кладет теплую руку мне на живот. — Насчет беременности... думаешь, мы должны подумать об этом?

Мои глаза расширяются, и я кладу свою руку поверх его.

— Нет! Еще рано. Я слишком молода, чтобы становиться мамой. Я все еще должна выучиться в колледже.

Он поднимает меня и прижимает к себе так, что теперь я лежу на нем.

— Ты можешь совместить это. У тебя будет куча помощников.

Я сразу же крепче прижимаюсь к нему.

— Давай повременим несколько лет, тогда и вернемся к этому разговору. За это время мы можем попрактиковаться в той части, которая связана с деланием ребенка. Знаешь, чтобы, когда настанет время, у нас все вышло идеально.

— Мм. — Зейн крепче обнимает меня, когда я поднимаю голову, чтобы поцеловать его. — Практика все усовершенствует. В нашем распоряжении этот домик у бассейна. Я чувствую себя немного сентиментальным. Хочешь воспроизвести воспоминания на кухонной столешнице?

— Уговорил.

Пока он ведет меня к домику, мои мысли наполняются воспоминаниями, сладостью начала наших отношений: долгие разговоры, смех, ссоры... любовь. То, что мы строим новую жизнь на воспоминаниях, кажется таким совершенным.

Он целует меня на кухне, берет мое лицо в ладони.

— Я люблю тебя, Виолетт, — шепчет он.

Я улыбаюсь, мое сердце едва не разрывается на части.

— Я люблю тебя, Зейн.